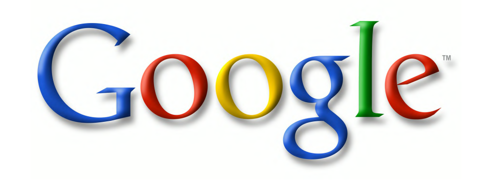
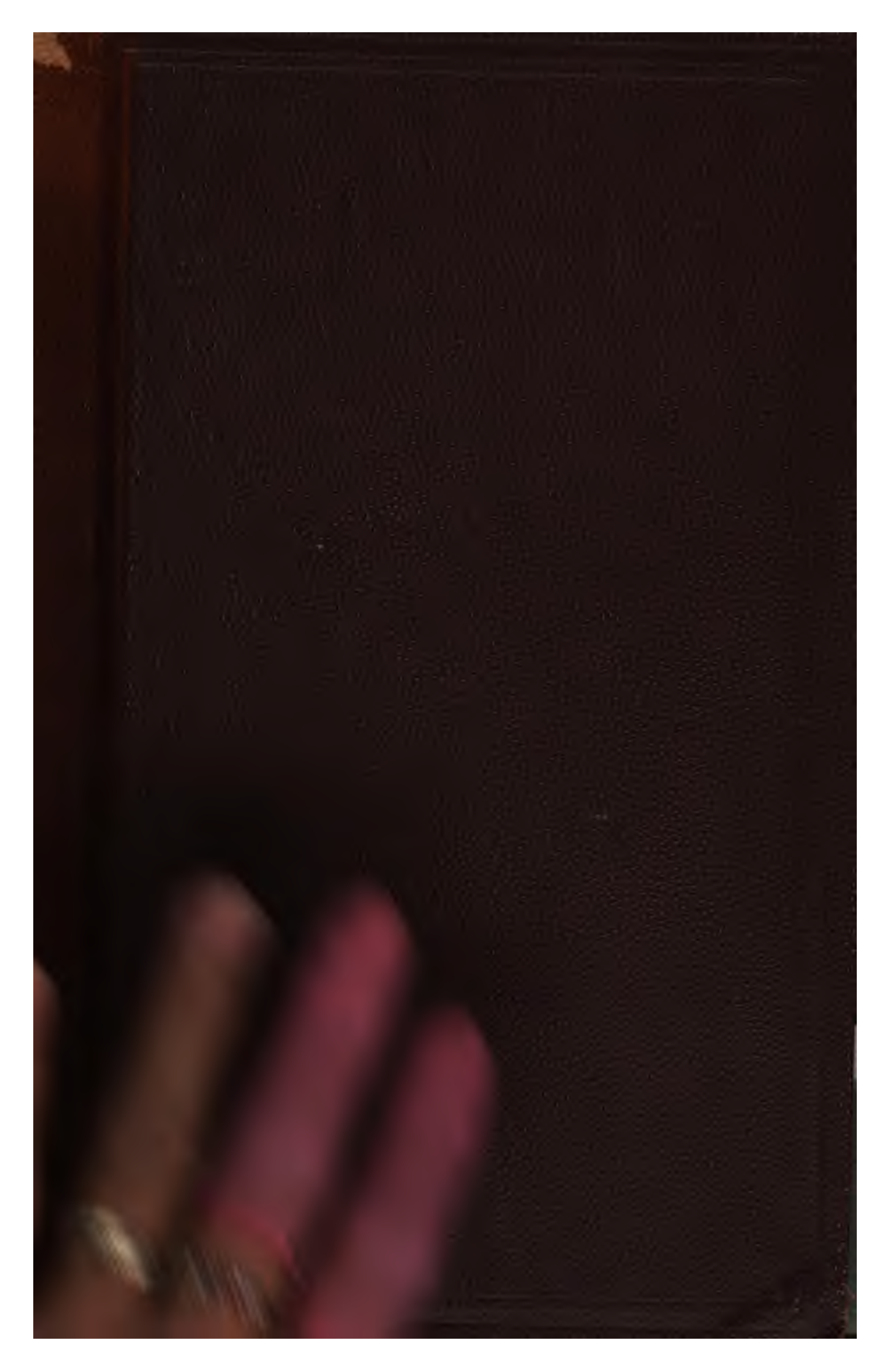
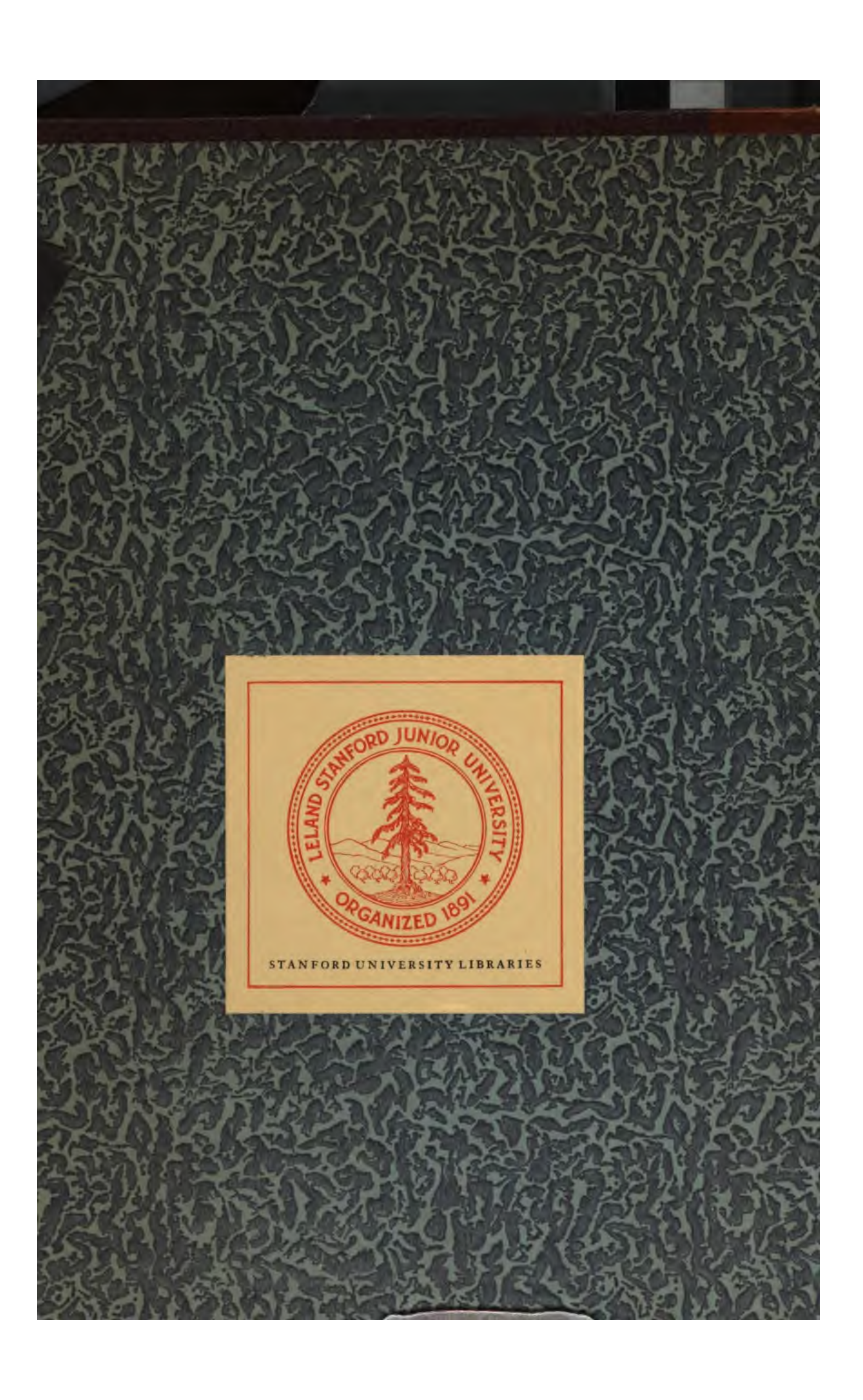





LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Kovalevskii, E. P.
//

ГРАФЪ БЛУДОВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

(ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го).

«Homo sum, humani nihil a me alienum puto».
Terentius.

Ег. Ковалевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ГРАФЪ БЛУДОВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

ДѢТСТВО и МОЛОДОСТЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

ГЛАВА I. Происхожденіе рода Блудовыхъ. Дѣтство и воспитаніе Д. Н. Блудова, мать и лица, имѣвшія вліяніе на него. Общество въ Москвѣ въ царствованіе Императора Павла I; опредѣленіе Д. Н. въ службу; военная и гражданская служба того времени. Смерть Павла; общее впечатлѣніе. Коронація Императора Александра I. Настроеніе Общества. Знакомство Блудова съ Дашковымъ и Жуковскимъ; стихотвореніе, писанное имъ и Жуковскимъ. Первая любовь Блудова. Семейства князя Щербатова и графа Каменскаго.

ГЛАВА II. Преобразованіе государственныхъ учрежденій; главные дѣятели; общественное мнѣніе. Молодое поколѣніе и Д. Н. Блудовъ; самонадѣянность его; размолвка съ матерью и скорое примиреніе; связи его въ Петербургѣ; Озеровъ; поѣздка въ Москву и знакомство съ Карамзинымъ; болѣзнь Блудова и смерть матери. Его дипломатическая дѣятельность; отправленіе въ Голландію; тогдашнее положеніе королевства; возвращеніе и устройство своихъ дѣлъ. Война съ Турціею, графъ Каменскій, его военныя дѣйствія и смерть; пребываніе Блудова въ арміи.

ГЛАВА III. Свиданіе двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ и предшествующія ему событія. Личный характеръ Императора Александра I. Взаимныя отношенія двухъ Императоровъ. Послѣдствія Тильзитскаго мира. Континентальная система и вліяніе ея въ Россіи. Общее

настроеніе и негодованіе. Графъ Сперанскій; графъ Поцо-ди-Борго и графъ Каподистрія; отношенія къ нимъ Блудова.

ГЛАВА IV. Двѣнадцатый годъ, государь и народъ дѣйствуютъ единодушно. Паденіе Сперанскаго. Устраненіе Барклай-де-Толли. Пребываніе Блудова въ Стокгольмѣ; его дипломатическая дѣятельность: дружескія отношенія къ семейству Сталь. Графъ Строгановъ. Славнѣйшая эпоха въ жизни Государя Александра I и торжество Россіи. Вѣнскій конгрессъ. Баронесса Криднеръ. Вторичное занятіе Парижа. Трактаты, священный союзъ; причины, побудившія къ составленію его и послѣдствія.

ГЛАВА V. Сильное движеніе въ обществѣ въ Европѣ, отразившееся у насъ. Государь становится въ главѣ этого движенія. Преобразованія въ управленіи, въ языкѣ и литературѣ. Общества «Любителей Русскаго слова» и «Арзамаское». Блудовъ главный дѣятель послѣдняго; значеніе «Арзамаса», участники его и существенная польза, принесенная имъ. Дружба Блудова съ Жуковскимъ и Карамзинымъ, образъ ихъ мыслей.

ГЛАВА VI. Пребываніе Государя въ Москвѣ. Престолонаслѣдіе. Блудовъ при графѣ Каподистрія; Жуковскій при великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ. Полетика. Отправленіе Блудова въ Лондонъ; особое порученіе. Возрастающее неудовольствіе иностранныхъ державъ противъ Россіи. Возстаніе испанскихъ колоній служитъ началомъ возстанія народовъ противъ правительствъ. Нашъ и другіе коммисары въ отношеніи къ Наполеону на островѣ Св. Елены. Депеши и журнальныя статьи Блудова; болѣзнь его и отъѣздъ. Переводъ и изданіе дипломатическихъ актовъ; цѣль и сотрудники.

ГЛАВА VII. Перемѣна въ образѣ мыслей и дѣйствій Александра I-го. Тщетныя усилія графа Каподистрія отклонить Россію отъ Австрійской политики; натянутость отношеній и отъѣздъ графа Каподистрія изъ Россіи;

печальныя послѣдствія, высказавшіяся на Веронскомъ конгрессѣ. Вліяніе Меттерниха на конгрессахъ и внѣ ихъ. Мнѣніе общества и подчиненныхъ о графѣ Каподистрія. Удаленіе князя Голицына и Кочубея; отъѣздъ Князя Волконскаго и Закревскаго. Аракчеевъ остается единственнымъ докладчикомъ Государя; его характеръ и свойства. Аракчеевъ и Сперанскій. Наводненіе 1824 года.

ГЛАВА VIII. Отъѣздъ Блудова за границу въ отпускъ. Встрѣча съ графомъ Каподистрія; положеніе тогдашнихъ дѣлъ въ Греціи. Возвращеніе, приготовленіе къ отставкѣ и переѣзду въ Дерптъ. Отъѣздъ Государя и пребываніе въ Таганрогѣ; его болѣзнь и смерть. Общее впечатлѣніе. Акты отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича и престолонаслѣдія Николая Павловича. Присяга и послѣдствія ея 14 Декабря.

ГЛАВА IX. Причины, замедлявшія объявленіе акта престолонаслѣдія при жизни Александра Павловича. Новая дѣятельность Блудова. Обвиненія его; важность обвиненій; неосновательность ихъ. Обвиненіе другаго лица, не менѣе несправедливое. Судъ настоящій и судъ потомства.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Введеніе.

Судъ надъ графомъ Девіеромъ и его соучастниками.

О самозванцахъ, являвшихся при Екатеринѣ II въ Воронежской губерніи.

Бунтъ Беніовскаго въ Большерѣцкомъ острогѣ.

Дневныя записки князя Меншикова.

Заговоръ и казнь Мировича.

Мнѣніе графа Блудова о двухъ запискахъ Карамзина.

Письма Д. Н. Блудова къ Ивану Ивановичу Дмитріеву и выдержки изъ другихъ.

Мысли и замѣчанія графа Блудова.

Приступивъ къ жизнеописанію графа Блудова, я вскорѣ убѣдился, что изображеніе лица, каково бы ни было его значеніе, взятаго отдѣльно, внѣ общества, въ которомъ оно дѣйствовало, внѣ условій, убѣжденій, увлеченій его среды, наконецъ, внѣ тѣхъ людей, съ которыми оно приходило въ соприкосновеніе,—такое изображеніе останется всегда блѣднымъ, безжизненнымъ, неполнымъ, будетъ походить болѣе на тѣнь безъ образа и выраженія, чѣмъ на живое лицо. Но если время и общество доставляютъ необходимый матеріалъ для обрисованія извѣстной личности, то и біографія ея во многомъ дополняетъ описаніе самаго общества, особенно если это такая личность, какъ графъ Блудовъ, котораго всесторонняя дѣятельность обнимала собою болѣе полувѣка, а необыкновенная его память служила важнымъ пособіемъ къ уразумѣнію многихъ событій.

Трудность работы, предпринятой по предначертанному нами плану, представилась при самомъ началѣ. Мы безпре-

станно встрѣчались съ такими событіями, которыхъ причины остаются вовсе неизвѣстными, да и самое одностороннее упоминаніе объ нихъ, въ какомъ нибудь актѣ, кажется темнымъ, сомнительнымъ; напрасно стали бы рыться въ старыхъ запискахъ и книгахъ, чтобы прослѣдить ихъ, напрасно обращались бы къ частнымъ архивамъ лицъ, которыхъ семейства были причастны къ событіямъ, намъ присылали иногда кучу хлама, но изъ него можно было извлечь развѣ одну строчку и то не прямо относящуюся къ дѣлу, а только подстрекающую на дальнѣйшіе поиски, большею частію безплодные; напрасно, наконецъ, вы обратитесь къ оставшимся въ живыхъ дѣйствователямъ прежняго времени: если ихъ двое, то непремѣнно одному *помнится*, что это было *такъ*, а другому *кажется*, что это было *иначе!* Блаженъ, кто въ такихъ обстоятельствахъ, не доискиваясь истины, обходитъ ее благоразумнымъ молчаніемъ. У насъ очень мало частныхъ записокъ (Mémoires), и тѣ большею частію не изданы и разсѣяны. Я долженъ упомянуть хотя о главнѣйшихъ изъ нихъ какъ для того, чтобы дать возможность читателю повѣрить мои свѣдѣнія, такъ и для того, чтобы облегчить работу дальнѣйшимъ дѣятелямъ, занимающимся обработкой матеріаловъ царствованія Императора Александра Павловича.

Архивы Государственный и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ представляютъ главный источникъ такихъ свѣдѣній. Подлинныя письма, документы, официальныя записки, наконецъ, донесенія нашихъ и иностранныхъ министровъ

служатъ драгоцѣнными матеріалами. Замѣтимъ, что наши писатели обращали мало вниманія на послѣднія, между тѣмъ какъ въ нихъ находятся важныя указанія. Въ корпусѣ дипломатическомъ, безъ сомнѣнія, всегда найдется выдающаяся личность, которой сужденія, предположенія, свѣдѣнія, иногда, можетъ быть, не вѣрныя, но направленныя съ другой исходной точки, служатъ важнымъ пособіемъ для повѣрки событій. Стройный порядокъ, въ какомъ находится одинъ изъ этихъ архивовъ и къ чему стремится другой, и просвѣщенное содѣйствіе его ближайшихъ начальниковъ много облегчаютъ работу. Здѣсь же находится нѣсколько частныхъ записокъ.

Мы не станемъ перечислять множество печатныхъ сочиненій и нѣсколько записокъ, большею частію иностранныхъ, относящихся къ этой эпохѣ, (*) но укажемъ на неизданныя. Едва ли не первое мѣсто занимаетъ въ числѣ матеріаловъ *дневникъ Логина Ивановича Голенищева-Кутузова*, веденный отъ 1806 до 1843 года съ нѣкоторыми пропусками во времени—34 книжки въ 12 долю; онъ писанъ по французски и очень неразборчиво, почему, можетъ быть, къ нему и прибѣгаютъ рѣдко. *Записки Вигеля* только отчасти извѣстны публикѣ, потому что печатаются съ большими пропусками; пользоваться ими нужно съ осторожностью и предварительной подготовкой. *Записки генерала графа Спренгпор-*

(*) Сюда же мы относимъ и русскія, изданныя за границей, часто въ искаженномъ видѣ, или ходящія въ рукописныхъ спискахъ и всѣмъ извѣстныя.

тена, бывшаго сначала въ шведской, потомъ въ русской службѣ, важны въ отношеніи войнъ нашихъ съ Швеціей и по описанію дѣлъ въ Финляндіи при ея завоеваніи. *Записки Левенштерна* имѣютъ интересъ салонный, если можно такъ выразиться. Первыя три рукописи хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ; тутъ же есть нѣсколько отдѣльныхъ статей, бумагъ, тетрадей, какъ напримѣръ, захваченная *Чернышевымъ*, при взятіи Касселя, переписка Наполеона, но они не представляютъ ни цѣлости, ни послѣдовательности. *Записки И. И. Дмитріева* готовы къ печати. Изъ посмертныхъ бумагъ *Шишкова*, къ сожалѣнію, не все напечатано. Упомянемъ о *запискахъ графа Бенкендорфа* и пожелаемъ, чтобы онѣ были изданы въ свѣтъ или по крайней мѣрѣ переданы въ Императорскую Публичную Библіотеку для общаго пользованія ими (*).

Изъ частныхъ, намъ извѣстныхъ архивовъ, важное значеніе имѣетъ архивъ графа Ростопчина, и мы очень благодарны графу Андрею Ѳедоровичу за дозволеніе воспользоваться имъ, и архивъ гр. С. Гр. Строгонова. Тѣ, которые занимаются изслѣдованіемъ эпохи XIX столѣтія, конечно слышали о запискахъ князя Чернышева и любопытныхъ бумагахъ, оставшихся послѣ графа Закревскаго; послѣднихъ намъ не удалось видѣть. Если дѣйствительно онѣ существуютъ, то будемъ надѣяться, что наконецъ сдѣлаются доступными для публики, какъ и многіе, еще находящіе-

(*) Изъ записокъ графа Мордвинова нѣкоторыя напечатаны за границею, другія разсѣяны въ рукописяхъ, иныя остаются неизвѣстными публикѣ.

ся подъ спудомъ, матеріалы. О другихъ, менѣе значительныхъ, мы упоминаемъ въ ссылкахъ и выноскахъ; нѣкоторыя до сего времени оставались неизвѣстными, какъ, напримѣръ, *замѣтки Вилье*.

Собственно же для жизнеописанія графа Блудова, намъ служили оставшіяся послѣ смерти его бумаги, свѣдѣнія, доставленныя его семействомъ и близкими къ нему людьми, а также наши собственныя воспоминанія.

Взаключеніе, искренно благодаримъ князя П. А. Вяземскаго и барона М. А. Корфа, доставившихъ намъ много устныхъ и письменныхъ свѣдѣній, и многихъ другихъ, содѣйствовавшихъ нашему труду.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе рода Блудовыхъ. Дѣтство и воспитаніе Д. Н. Блудова; мать и лица, имѣвшія вліяніе на него. Общество въ Москвѣ въ царствованіе Императора Павла I-го; опредѣленіе Д. Н. въ службу; военная и гражданская служба того времени. Смерть Павла; общее впечатлѣніе. Коронація Императора Александра I-го. Настроеніе общества. Знакомство Блудова съ Дашковымъ и Жуковскимъ; стихотвореніе, писанное имъ и Жуковскимъ. Первая любовь Блудова. Семейства князя Щербатова и графа Каменскаго.

По фамильнымъ преданіямъ, Блудовы ведутъ родъ свой отъ Ивещея, во Св. крещеніи Іоны, Блудта, бывшаго воеводою въ Кіевѣ въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка. Блудтъ, впослѣдствіи, кровію своею омылъ преступленіе: служа вѣрно Россіи и великому князю Ярославу, онъ сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ Польскимъ Болеславомъ храбрымъ. О сынѣ его, Горденѣ Блудовичѣ, упоминается въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ между богатырями великаго князя Владиміра. Съ тѣхъ поръ до Татарскаго разгрома потомки Блудта служили великимъ князьямъ Кіевскимъ. Когда же Южная Россія присоединилась къ Литвѣ, родъ Блудтовыхъ или Блудтичей раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одна служила князьямъ Моравскимъ, другая перешла въ Польшу, а главная оставалась въ Мало-

году, 5-го Апрѣля, во Владимірской губерніи, недалеко отъ г. Шуи, въ родовомъ имѣніи, селѣ Романовѣ, пожалованномъ его предку Назарію Беркуту Блудову первымъ Царемъ дома Романова, за участіе его въ походѣ Пожарскаго. Въ его народномъ войскѣ, онъ начальствовалъ отрядомъ, былъ однимъ изъ подписавшихъ договоръ между кн. Пожарскимъ и кн. Трубецкимъ. Графъ Дмитрій Николаевичъ вспоминалъ, что почеркъ его предка былъ довольно твердъ и правиленъ въ сравненіи съ другими, что доказывало, говоритъ онъ, его грамотность. Отца онъ потерялъ въ дѣтствѣ, и почти не помнилъ его. Объ немъ ничего особеннаго сказать нельзя: богатый дворянинъ Казанской губерніи, служившій недолго, жившій открыто, широко, разстроившій свое состояніе псовой охотой и частію карточной игрой, онъ умеръ довольно молодымъ, простудившись въ отъѣзжемъ полѣ. Мать, Катерина Ермолаевна, родомъ Тишина, изъ новгородскихъ дворянъ, была женщина необыкновенной красоты, высокой нравственности, и очень умная.

Катерина Ермолаевна воспитанная въ твердыхъ правилахъ и семейныхъ преданіяхъ, вполнѣ понимала, что на ней лежала не легкая отвѣтственность и великія обязанности матери и помѣщицы, и мало помышляла о преимуществахъ и правахъ своего пола или сословія. Воспитанію осиротѣвшаго сына и заботѣ объ имѣніяхъ посвятила она всю жизнь, отказавшись отъ втораго брака, хотя осталась послѣ мужа молодой, прекрасной собою вдовой. У нея была еще дочь, гораздо старше Дмитрія Николаевича. Она вышла за мужъ, за костромскаго дворянина Писемскаго, когда Дмитрій Николаевичъ былъ еще ребенкомъ, а потому онъ росъ и развивался одиноко подъ неусыпнымъ надзоромъ матери и подъ вліяніемъ окружавшей его природы. Вся внѣшняя обстановка его дѣтства устроилась такъ, что сильно дѣйствовала на его воображеніе. Хотя село Романово было

отдано, по словесному завѣщанію, въ приданое Писемской, однако Катерина Ермолаевна продолжала управлять имъ по прежнему, отдавая доходы съ него дочери, а потому Блудовы каждое лѣто ѣздили туда. Оно находится въ уединенной мѣстности; обширный садъ, темная роща, спускавшаяся по скату горы до самой рѣчки, домъ и окрестности, полныя историческихъ воспоминаній,—все это возбуждало къ мечтательности ребенка. Впослѣдствіи Дмитрій Николаевичъ особенно любилъ вспоминать, какъ онъ отправлялся въ эту рощу и заслушивался до поздней ночи соловьевъ, и какъ часто поджидалъ онъ, что кто нибудь откликнется на эти пѣсни, кромѣ его собственнаго сердца, бившагося усиленно, или ноющаго какъ то странно и отъ этихъ пѣсней и отъ всего, что чуялось ему въ тиши, и вотъ, бывало, гдѣ нибудь послышится гулъ или шелестъ, и сердце дитяти замретъ страхомъ,—а все не хочется уйти изъ рощи.

Въ другое имѣніе, въ Казанской губерніи, доставшееся по наслѣдству отъ Новиковыхъ, изъ рода которыхъ была бабка графа Дмитрія Николаевича, они ѣздили рѣже. Отсюда вынесъ онъ другаго рода впечатлѣнія. Въ то время еще свѣжи были слѣды Пугачевщины и Волжскихъ разбойниковъ, которые, какъ бы по завѣщанію Пугачева, наслѣдовали и его занятія и эту мѣстность. Случилось даже, однажды, его матери отражать нападеніе этихъ разбойниковъ, отъ которыхъ такъ много страдало Приволжье. Двѣ небольшія пушченки, служившія при оборонѣ деревни и барскаго дома, еще существуютъ, только гдѣ то въ отвалѣ, заброшенныя, а еще во время дѣтства Дмитрія Николаевича они играли важную роль; можно себѣ вообразить, какихъ разсказовъ переслушалъ онъ отъ дворовыхъ людей и сосѣдей о геройскомъ поступкѣ своей мате-

ри, спасшей отъ грабежа и убійствъ всю деревню при помощи этихъ пушекъ.

Дядя его со всѣмъ семействомъ погибъ около тѣхъ мѣстъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди, и думала что его спасла; но шайка внезапно воротилась и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ объ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ графъ Дмитрій Николаевичъ часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка; онъ какъ то познакомился съ другимъ свѣдущимъ по этой части: единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ; послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему, конечно не безъ оговорокъ, что онъ въ скоромъ времени погибнетъ ужасною смертью. «Знаю, отвѣчалъ дядя, но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно,—для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году, какъ мы сказали, отъ Пугачева.

Другой родственникъ графа Дмитрія Николаевича много прибавилъ имѣнія благопріобрѣтеннаго къ родовому. Не на службѣ пріобрѣлъ онъ его, а разными частными покупками, сдѣлками и другими оборотами и спекуляціями, которыхъ никогда общественное мнѣніе не одобряло, хотя бы въ нихъ ничего противузаконнаго не было. Дмитрій Николаевичъ былъ его ближайшимъ наслѣдникомъ; но, по завѣщанію, только родовое имѣніе досталось ему, а все пріобрѣтенное перешло въ другія руки. «Слава Богу! сказала его мать. Я рада, что ни копѣйки этого сомнительно нажитаго богат-

ства не досталось тебѣ. Отъ одной такой ленты все остальное было бы запятнано». Такого рода слова не пропадаютъ даромъ для ребенка.

По бабкѣ Дмитрій Николаевичъ приходился двоюроднымъ племянникомъ Державина, по матери—двоюроднымъ братомъ Озерова. Ихъ имена, конечно, повторялись часто въ семьѣ; стихи Державина читала ему мать; ребенокъ заслушивался ихъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ заслушивался соловьевъ въ рощѣ; воображеніе переносило его безпрестанно въ міръ иной и отвлекало болѣе и болѣе отъ міра положительнаго. Все это развило въ немъ характеръ пылкій, воспріимчивый, страстный. Къ счастію, въ молодости у него не было ни такихъ знакомствъ, ни такихъ связей, которыя бы могли направить эти страсти на дурной путь. Заботливая мать зорко оберегала его, а врожденное чувство, развитое впослѣдствіи образованіемъ, отталкивало его отъ всего буйнаго, грязнаго, отъ оргій тогдашней молодежи. Поэтическое настроеніе преобладало въ немъ съ раннихъ лѣтъ.

Катерина Ермолаевна переселилась въ Москву, когда надо было заняться образованіемъ сына, а лѣто, иногда, проводила въ Подмосковной, которую, впрочемъ, графъ Дмитрій Николаевичъ не очень любилъ и не удержалъ за собою. Она ничего не щадила для образованія сына. Лучшіе учители, профессоры университета и университетскаго пансіона давали ему уроки, которыми онъ вполнѣ воспользовался. Память его поражала учителей, какъ впослѣдствіи его знакомыхъ. Онъ любилъ занятія научныя, но со страстію предавался чтенію: его не легко было оторвать отъ какой нибудь исторической книги; французскимъ языкомъ онъ еще въ дѣтствѣ владѣлъ какъ русскимъ, чему обязанъ, отчасти, старушкѣ француженкѣ, madame Фовель; она при немъ находилась съ дѣтства въ качествѣ гувернантки или, правильнѣе, няни; была не блистательнаго

образованія, но очень добрая и честная женщина, съ чистымъ, правильнымъ выговоромъ. Въ то время французскій языкъ считался принадлежностію каждаго образованнаго человѣка, и не въ одной только Россіи. Англичане, такъ немилосердно коверкающіе французскія слова, въ то время считали необходимостію для каждаго джентельмена правильно и чисто говорить по французски. Основательному же изученію языка Блудовъ обязанъ своему гувернеру, Реми, человѣку ученому, который внушилъ ему страсть къ занятіямъ, болѣе серьезнымъ и любовь къ греческому и латинскому языкамъ, которые онъ не забылъ до старости; но самое сильное на него вліяніе, въ дѣтствѣ, имѣлъ другой эмигрантъ, графъ де-Фонтень; это былъ человѣкъ блистательнаго ума, глубокаго образованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ изящными манерами высшаго свѣтскаго французскаго круга; онъ сильно пострадалъ во время революціи, лишился не только состоянія, но многихъ близкихъ родныхъ и друзей, что конечно возбуждало еще болѣе участія молодаго человѣка, который искренно привязался къ нему. Графъ де-Фонтень былъ гувернеромъ у сестры Каменскаго, и иногда посѣщалъ московское общество, гдѣ, какъ и всѣ эмигранты, былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ; Блудовъ, оставлялъ для него игры и танцы молодежи и забившись куда нибудь въ уголъ, проводилъ цѣлые вечера съ пожилымъ собесѣдникомъ, который разсказывалъ ему то о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, восторжествовавшихъ надъ предразсудками вѣка и касты, то о французской литературѣ, вообще имѣвшей въ то время сильное вліяніе въ Европѣ, то наконецъ объ ужасахъ революціи. Истинно великодушные порывы и блистательныя заблужденія первыхъ ея годовъ, привлекавшіе къ себѣ сочувствіе многихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ Карамзина, не могли имѣть вліяніе на Блудова: онъ ихъ не пони-

малъ, потому что въ то время былъ еще ребенкомъ; впослѣдствіи же, подъ вліяніемъ людей, подобныхъ графу де-Фонтень, французская раволюція оставила въ его, едва пробуждавшемся умѣ, впечатлѣнія тѣхъ страшныхъ лицъ и событій, которыя рисовалъ предъ нимъ де-Фонтень, а несчастные страдальцы-эмигранты, окружавшіе его, служили живымъ подтвержденіемъ словъ разскащика и свидѣтельствовали о грубомъ насиліи, замѣнившемъ всякую законность во Франціи.

Блудовъ принадлежалъ къ тому древнему, русскому, коренному дворянству, которое жило изъ рода въ родъ въ провинціи, вдали отъ двора, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному разсчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ, чуждомъ интригъ боярской думы и царскаго двора, жила и живетъ безусловная преданность престолу, тѣсно связанная съ его религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству. Подобно крѣпостному сословію, оно оставалось въ сторонѣ отъ политическихъ и дворцовыхъ потрясеній, но, когда могло, противостояло олигархическимъ замысламъ боярскихъ родовъ, безкорыстно, не выторговывая для себя у царей ни льготъ, ни наградъ. Это направленіе провинціальнаго дворянства, засвидѣтельствованное вѣками, проявилось въ послѣднее время при освобожденіи крестьянъ; въ этомъ дѣлѣ оно усердно споспѣшествовало и помогало Государю, неся потери болѣе чувствительныя для него, чѣмъ для богатыхъ, знатныхъ родовъ дворянства русскаго. Конечно, оно, отерпѣвшееся и окрѣпшее въ бѣдствіи подобно народу, скорѣе сольется съ нимъ, и представитъ надежный оплотъ Государству.

Въ молодости, у Блудова эти понятія, эти сословныя чувства были сильно развиты; вліяніе эмигрантовъ, столько же какъ и матери, подняло ихъ до болѣе сознательныхъ началъ

приверженности къ монархическому принципу, какъ понимаютъ его на западѣ, и впослѣдствіи, когда двое сыновей его уже подростали, онъ часто говаривалъ: «Если и Россіи суждено пройти черезъ кровавые перевороты, то я благодарилъ бы Бога, еслибы одному изъ моихъ сыновей выпала участь Стафорда, а другому Монтроза». А дѣти, конечно, ему были дороже всего на свѣтѣ. Эти чувства онъ сохранилъ до конца жизни, и послѣднія слова и мысли его были обращены къ Россіи и Государю.

Кромѣ французскаго и отчасти древнихъ языковъ Дмитрій Николаевичъ хорошо зналъ языкъ нѣмецкій и италіанскій; по англійски онъ научился, когда уже былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, безъ пособія учителя, при помощи лексикона и романовъ Вальтеръ-Скота, и хотя не могъ или, лучше сказать, не рѣшался говорить на немъ, однако читалъ все, что выходило новаго въ англійской литературѣ. Страсть къ театру была господствующею въ немъ въ молодости. Онъ могъ прочесть наизустъ цѣлыя тирады, почти цѣлыя трагедіи Озерова и Рассина и въ этомъ случаѣ память не измѣняла ему до глубокой старости; но при всей страсти къ театру, онъ никакъ не рѣшался проникнуть въ тайны закулиснаго міра, куда стремятся многіе, куда и его увлекали: онъ боялся разочарованій.

Время переѣзда Блудовыхъ въ Москву было время тяжелое. Москва притихла и пріуныла еще болѣе другихъ русскихъ городовъ. Не слышно было обычнаго разгулья, даже не видно было веселыхъ лицъ. Если и давались иногда праздники, то это по приказу, куда являлись не для веселія, а страха-ради, чтобы не попасть въ отвѣтъ за ослушаніе. Первопрестольная столица была наполнена людьми дѣйствительно знаменитыми или временщиками предшествовавшаго царствованія; они находились въ опалѣ, но были еще довольно счастливы, что избѣжали изгнанія, болѣе отдаленнаго.

Тутъ жилъ фельдмаршалъ Каменскій, бывшій канцлеръ Остерманъ съ своимъ братомъ, славный Еропкинъ, герой Москвы, избавившій ее отъ страшнаго врага—чумы, Юрій Долгорукій, прежній начальникъ Москвы князь Голицынъ, оберъ-камергеры братья Бутурлины, изъ которыхъ одинъ бывшій вице-канцлеръ и множество другихъ. Всѣ они, какъ и самый городъ, старый и величавый, находились подъ строгимъ, зоркимъ надзоромъ оберъ-полицеймейстера Эртеля, одного изъ неумолимыхъ и непреклонныхъ офицеровъ Гатчинскихъ; отъ этого надзора не былъ изъятъ и тогдашній генералъ-губернаторъ Салтыковъ, надъ которымъ вліяніе Эртеля тяготѣло еще болѣе, чѣмъ надъ другими.

Катерина Ермолаевна Блудова жила уединенно, въ руженной улицѣ, близъ Смоленскаго рынка, на Арбатской, у Благовѣщенія на бережкахъ, въ собственномъ домѣ. Она была очень дружна съ женою фельдмаршала Каменскаго, который жилъ рядомъ съ ея домомъ. Видѣлись онѣ каждый день, когда обѣ живали въ Москвѣ; Блудова устроила калитку въ своемъ саду, прямо въ садъ Каменской, такъ что не нужно было дѣлать для этого неизбѣжныхъ въ то время выѣздовъ, а этикетъ никакъ не дозволилъ бы женѣ фельдмаршала показаться пѣшкомъ на улицѣ; суровый фельдмаршалъ, большею частію и не зналъ объ этихъ ежедневныхъ свиданіяхъ. Между тѣмъ, Дмитрію Николаевичу минуло уже 16-ть лѣтъ. Онъ кончилъ свое образованіе дома: надо было думать о поступленіи на службу, что составляло предметъ важной заботы для матери, посвятившей всю жизнь свою сыну, и обѣ подруги часто толковали объ этомъ.

При Екатеринѣ II, дворяне, почти исключительно, поступали въ военную службу, считая для себя унизительнымъ канцелярскія и другія приказныя обязанности. Коллегіи, приказы, управы были наполнены семинаристами, дѣтьми

духовныхъ или такихъ же приказныхъ, составлявшихъ какъ бы особое племя. Жизнь ихъ была трудовая и доля незавидная. Безпрестанныя войны заставили правительство поддерживать и даже усиливать наклонность русскаго дворянства, дарованіемъ военному сословію новыхъ правъ и преимуществъ, которыми не пользовались поступающіе въ гражданскую службу. Рядъ побѣдъ и завоеваній славнаго царствованія Екатерины II весьма естественно возвысилъ еще болѣе званіе военныхъ; на нихъ смотрѣли какъ на избранниковъ государства. Жизнь военная тогда была полна или боевыхъ тревогъ и опасностей или совершеннаго разгула, къ сожалѣнію иногда доходившаго до невѣроятнаго въ наше время буйства: случалось, напримѣръ, какому нибудь хмѣльному ротному командиру штурмовать жидовское мѣстечко въ своемъ собственномъ отечествѣ,—все сходило съ рукъ: не смѣли и подумать заводить съ нимъ дѣла. Но при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ пошло иначе. Строгая дисциплина, постоянное ученіе, фронтъ, выправка, взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы, заставили дворянъ бѣжать изъ военной службы, которая и въ мирное время представляла болѣе опасностей, чѣмъ прежде самая война. Въ предупрежденіе «такого самовольства дворянъ» Императоръ Павелъ запретилъ имъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи; исключеніе сдѣлано было только для коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ то время былъ первоприсутствующимъ графъ Растопчинъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Императора Павла.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, записанный дядей своимъ, поэтомъ Державинымъ, подобно другимъ столбовымъ дворянамъ, чуть не съ пеленокъ, въ Измайловскій гвардейскій полкъ, давно уже былъ изъ него уволенъ по просьбѣ матери. Надо было хлопотать о помѣщеніи въ гражданскую службу, сообразно его наклонностямъ и образованію. При

отдано, по словесному завѣщанію, въ приданое Писемской, однако Катерина Ермолаевна продолжала управлять имъ по прежнему, отдавая доходы съ него дочери, а потому Блудовы каждое лѣто ѣздили туда. Оно находится въ уединенной мѣстности; обширный садъ, темная роща, спускавшаяся по скату горы до самой рѣчки, домъ и окрестности, полныя историческихъ воспоминаній,—все это возбуждало къ мечтательности ребенка. Впослѣдствіи Дмитрій Николаевичъ особенно любилъ вспоминать, какъ онъ отправлялся въ эту рощу и заслушивался до поздней ночи соловьевъ, и какъ часто поджидалъ онъ, что кто нибудь откликнется на эти пѣсни, кромѣ его собственнаго сердца, бившагося усиленно, или ноющаго какъ то странно и отъ этихъ пѣсней и отъ всего, что чуялось ему въ тиши, и вотъ, бывало, гдѣ нибудь послышится гулъ или шелестъ, и сердце дитяти замретъ страхомъ,—а все не хочется уйти изъ рощи.

Въ другое имѣніе, въ Казанской губерніи, доставшееся по наслѣдству отъ Новиковыхъ, изъ рода которыхъ была бабка графа Дмитрія Николаевича, они ѣздили рѣже. Отсюда вынесъ онъ другаго рода впечатлѣнія. Въ то время еще свѣжи были слѣды Пугачевщины и Волжскихъ разбойниковъ, которые, какъ бы по завѣщанію Пугачева, наслѣдовали и его занятія и эту мѣстность. Случилось даже, однажды, его матери отражать нападеніе этихъ разбойниковъ, отъ которыхъ такъ много страдало Приволжье. Двѣ небольшія пушченки, служившія при оборонѣ деревни и барскаго дома, еще существуютъ, только гдѣ то въ отвалѣ, заброшенныя, а еще во время дѣтства Дмитрія Николаевича они играли важную роль; можно себѣ вообразить, какихъ разсказовъ переслушалъ онъ отъ дворовыхъ людей и сосѣдей о геройскомъ поступкѣ своей мате-

ри, спасшей отъ грабежа и убійствъ всю деревню при помощи этихъ пушекъ.

Дядя его со всѣмъ семействомъ погибъ около тѣхъ мѣстъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди, и думала что его спасла; но шайка внезапно воротилась и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ объ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ графъ Дмитрій Николаевичъ часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка; онъ какъ то познакомился съ другимъ свѣдущимъ по этой части: единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ; послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему, конечно не безъ оговорокъ, что онъ въ скоромъ времени погибнетъ ужасною смертью. «Знаю, отвѣчалъ дядя, но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно,—для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году, какъ мы сказали, отъ Пугачева.

Другой родственникъ графа Дмитрія Николаевича много прибавилъ имѣнія благопріобрѣтеннаго къ родовому. Не на службѣ пріобрѣлъ онъ его, а разными частными покупками, сдѣлками и другими оборотами и спекуляціями, которыхъ никогда общественное мнѣніе не одобряло, хотя бы въ нихъ ничего противузаконнаго не было. Дмитрій Николаевичъ былъ его ближайшимъ наслѣдникомъ; но, по завѣщанію, только родовое имѣніе досталось ему, а все пріобрѣтенное перешло въ другія руки. «Слава Богу! сказала его мать. Я рада, что ни копѣйки этого сомнительно нажитаго богат-

ства не досталось тебѣ. Отъ одной такой лепты все остальное было бы запятнано». Такого рода слова не пропадаютъ даромъ для ребенка.

По бабкѣ Дмитрій Николаевичъ приходился двоюроднымъ племянникомъ Державина, по матери—двоюроднымъ братомъ Озерова. Ихъ имена, конечно, повторялись часто въ семьѣ; стихи Державина читала ему мать; ребенокъ заслушивался ихъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ заслушивался соловьевъ въ рощѣ; воображеніе переносило его безпрестанно въ міръ иной и отвлекало болѣе и болѣе отъ міра положительнаго. Все это развило въ немъ характеръ пылкій, воспріимчивый, страстный. Къ счастію, въ молодости у него не было ни такихъ знакомствъ, ни такихъ связей, которыя бы могли направить эти страсти на дурной путь. Заботливая мать зорко оберегала его, а врожденное чувство, развитое впослѣдствіи образованіемъ, отталкивало его отъ всего буйнаго, грязнаго, отъ оргій тогдашней молодежи. Поэтическое настроеніе преобладало въ немъ съ раннихъ лѣтъ.

Катерина Ермолаевна переселилась въ Москву, когда надо было заняться образованіемъ сына, а лѣто, иногда, проводила въ Подмосковной, которую, впрочемъ, графъ Дмитрій Николаевичъ не очень любилъ и не удержалъ за собою. Она ничего не щадила для образованія сына. Лучшіе учителя, профессоры университета и университетскаго пансіона давали ему уроки, которыми онъ вполнѣ возпользовался. Память его поражала учителей, какъ впослѣдствіи его знакомыхъ. Онъ любилъ занятія научныя, но со страстію нредавался чтенію: его не легко было оторвать отъ какой нибудь исторической книги; французскимъ языкомъ онъ еще въ дѣтствѣ владѣлъ какъ русскимъ, чему обязанъ, отчасти, старушкѣ француженкѣ, madame Фовель; она при немъ находилась съ дѣтства въ качествѣ гувернантки или, правильнѣе, няни; была не блистательнаго

образованія, но очень добрая и честная женщина, съ чистымъ, правильнымъ выговоромъ. Въ то время французскій языкъ считался принадлежностію каждаго образованнаго человѣка, и не въ одной только Россіи. Англичане, такъ немилосердно коверкающіе французскія слова, въ то время считали необходимостію для каждаго джентельмена правильно и чисто говорить по французски. Основательному же изученію языка Блудовъ обязанъ своему гувернеру, Реми, человѣку ученому, который внушилъ ему страсть къ занятіямъ, болѣе серьезнымъ и любовь къ греческому и латинскому языкамъ, которые онъ не забылъ до старости; но самое сильное на него вліяніе, въ дѣтствѣ, имѣлъ другой эмигрантъ, графъ де-Фонтень; это былъ человѣкъ блистательнаго ума, глубокаго образованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ изящными манерами высшаго свѣтскаго французскаго круга; онъ сильно пострадалъ во время революціи, лишился не только состоянія, но многихъ близкихъ родныхъ и друзей, что конечно возбуждало еще болѣе участія молодаго человѣка, который искренно привязался къ нему. Графъ де-Фонтень былъ гувернеромъ у сестры Каменскаго, и иногда посѣщалъ московское общество, гдѣ, какъ и всѣ эмигранты, былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ; Блудовъ, оставлялъ для него игры и танцы молодежи и забившись куда нибудь въ уголъ, проводилъ цѣлые вечера съ пожилымъ собесѣдникомъ, который разсказывалъ ему то о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, восторжествовавшихъ надъ предразсудками вѣка и касты, то о французской литературѣ, вообще имѣвшей въ то время сильное вліяніе въ Европѣ, то наконецъ объ ужасахъ революціи. Истинно великодушные порывы и блистательныя заблужденія первыхъ ея годовъ, привлекавшіе къ себѣ сочувствіе многихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ Карамзина, не могли имѣть вліяніе на Блудова: онъ ихъ не пони-

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе рода Блудовыхъ. Дѣтство и воспитаніе Д. Н. Блудова; мать и лица, имѣвшія вліяніе на него. Общество въ Москвѣ въ царствованіе Императора Павла І-го; опредѣленіе Д. Н. въ службу; военная и гражданская служба того времени. Смерть Павла; общее впечатлѣніе. Коронація Императора Александра I-го. Настроеніе общества. Знакомство Блудова съ Дашковымъ и Жуковскимъ; стихотвореніе, писанное имъ и Жуковскимъ. Первая любовь Блудова. Семейства князя Щербатова и графа Каменскаго.

По фамильнымъ преданіямъ, Блудовы ведутъ родъ свой отъ Ивещея, во Св. крещеніи Іоны, Блудта, бывшаго воеводою въ Кіевѣ въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка. Блудтъ, впослѣдствіи, кровію своею омылъ преступленіе: служа вѣрно Россіи и великому князю Ярославу, онъ сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ Польскимъ Болеславомъ храбрымъ. О сынѣ его, Горденѣ Блудовичѣ, упоминается въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ между богатырями великаго князя Владиміра. Съ тѣхъ поръ до Татарскаго разгрома потомки Блудта служили великимъ князьямъ Кіевскимъ. Когда же Южная Россія присоединилась къ Литвѣ, родъ Блудтовыхъ или Блудтичей раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одна служила князьямъ Моравскимъ, другая перешла въ Польшу, а главная оставалась въ Мало-

россіи, сражалась подъ Гедеминомъ противъ Татаръ, и подъ Владиславомъ II-мъ Ягайломъ, королемъ Венгерскимъ и Польскимъ, противъ Турокъ, въ битвѣ подъ Варною, гдѣ Блудовы стяжали и гербъ свой, извѣстный подъ именемъ Топачь.

Отсюда преданія переходятъ въ историческую генеалогію, основанную на документахъ. Вскорѣ по смерти Владислава, гоненіе на русскіе дворянскіе роды, оставшіеся вѣрными православію, заставили Θеодора Блудта, или уже Блудова, со многими другими, покинуть Кіевъ; онъ перешелъ въ подданство великихъ князей Московскихъ, съ согласія Казиміра IV и Александра Литовскаго, какъ упоминается въ трактатахъ Великаго Князя Василія Васильевича и Іоанна Васильевича III. Блудовы основались въ своей Смоленской вотчинѣ, около Вязьмы, гдѣ и до сихъ поръ владѣютъ небольшимъ имѣніемъ. Внукъ Θеодора, Борисъ, былъ посломъ Іоанна Васильевича при Крымскомъ Ханѣ Сайдетъ-Гиреѣ. Игнатій Блудовъ служилъ товарищемъ князя Андрея Курбскаго, ходилъ подъ Казань и въ Ливонію, бился съ крымскими татарами и съ войскомъ Стефана Баторія подъ Смоленскомъ. Назарій Блудовъ, прозванный Беркутомъ, со своими Вязьмичами, изъ первыхъ отвѣчалъ на призывъ Троицкаго архимандрита Діонисія, выступивъ съ ополченіемъ къ Лаврѣ.

Съ тѣхъ поръ исторія не упоминаетъ о предкахъ Блудова. Они сошли со сцены вмѣстѣ съ народными дѣятелями великой эпохи, и тихо жили въ своихъ вотчинахъ, послуживъ по нѣсколько лѣтъ отечеству, какъ бы для успокоенія совѣсти. Но преданія о борьбѣ, страданіяхъ и подвигахъ предковъ для охраненія цѣлости Россіи и православной вѣры, хранились въ родѣ Блудовыхъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ родился въ 1785

году, 5-го Апрѣля, во Владимірской губерніи, недалеко отъ г. Шуи, въ родовомъ имѣніи, селѣ Романовѣ, пожалованномъ его предку Назарію Беркуту Блудову первымъ Царемъ дома Романова, за участіе его въ походѣ Пожарскаго. Въ его народномъ войскѣ, онъ начальствовалъ отрядомъ, былъ однимъ изъ подписавшихъ договоръ между кн. Пожарскимъ и кн. Трубецкимъ. Графъ Дмитрій Николаевичъ вспоминалъ, что почеркъ его предка былъ довольно твердъ и правиленъ въ сравненіи съ другими, что доказывало, говорилъ онъ, его грамотность. Отца онъ потерялъ въ дѣтствѣ, и почти не помнилъ его. Объ немъ ничего особеннаго сказать нельзя: богатый дворянинъ Казанской губерніи, служившій недолго, жившій открыто, широко, разстроившій свое состояніе псовой охотой и частію карточной игрой, онъ умеръ довольно молодымъ, простудившись въ отъѣзжемъ полѣ. Мать, Катерина Ермолаевна, родомъ Тишина, изъ новгородскихъ дворянъ, была женщина необыкновенной красоты, высокой нравственности, и очень умная.

Катерина Ермолаевна воспитанная въ твердыхъ правилахъ и семейныхъ преданіяхъ, вполнѣ понимала, что на ней лежала не легкая отвѣтственность и великія обязанности матери и помѣщицы, и мало помышляла о преимуществахъ и правахъ своего пола или сословія. Воспитанію осиротѣвшаго сына и заботѣ объ имѣніяхъ посвятила она всю жизнь, отказавшись отъ втораго брака, хотя осталась послѣ мужа молодой, прекрасной собою вдовой. У нея была еще дочь, гораздо старше Дмитрія Николаевича. Она вышла за мужъ, за костромскаго дворянина Писемскаго, когда Дмитрій Николаевичъ былъ еще ребенкомъ, а потому онъ росъ и развивался одиноко подъ неусыпнымъ надзоромъ матери и подъ вліяніемъ окружавшей его природы. Вся внѣшняя обстановка его дѣтства устроилась такъ, что сильно дѣйствовала на его воображеніе. Хотя село Романово было

отдано, по словесному завѣщанію, въ приданое Писемской, однако Катерина Ермолаевна продолжала управлять имъ по прежнему, отдавая доходы съ него дочери, а потому Блудовы каждое лѣто ѣздили туда. Оно находится въ уединенной мѣстности; обширный садъ, темная роща, спускавшаяся по скату горы до самой рѣчки, домъ и окрестности, полныя историческихъ воспоминаній,—все это возбуждало къ мечтательности ребенка. Впослѣдствіи Дмитрій Николаевичъ особенно любилъ вспоминать, какъ онъ отправлялся въ эту рощу и заслушивался до поздней ночи соловьевъ, и какъ часто поджидалъ онъ, что кто нибудь откликнется на эти пѣсни, кромѣ его собственнаго сердца, бившагося усиленно, или ноющаго какъ то странно и отъ этихъ пѣсней и отъ всего, что чуялось ему въ тиши, и вотъ, бывало, гдѣ нибудь послышится гулъ или шелестъ, и сердце дитяти замретъ страхомъ,—а все не хочется уйти изъ рощи.

Въ другое имѣніе, въ Казанской губерніи, доставшееся по наслѣдству отъ Новиковыхъ, изъ рода которыхъ была бабка графа Дмитрія Николаевича, они ѣздили рѣже. Отсюда вынесъ онъ другаго рода впечатлѣнія. Въ то время еще свѣжи были слѣды Пугачевщины и Волжскихъ разбойниковъ, которые, какъ бы по завѣщанію Пугачева, наслѣдовали и его занятія и эту мѣстность. Случилось даже, однажды, его матери отражать нападеніе этихъ разбойниковъ, отъ которыхъ такъ много страдало Приволжье. Двѣ небольшія пушченки, служившія при оборонѣ деревни и барскаго дома, еще существуютъ, только гдѣ то въ отвалѣ, заброшенныя, а еще во время дѣтства Дмитрія Николаевича они играли важную роль; можно себѣ вообразить, какихъ разсказовъ переслушалъ онъ отъ дворовыхъ людей и сосѣдей о геройскомъ поступкѣ своей мате-

ри, спасшей отъ грабежа и убійствъ всю деревню при помощи этихъ пушекъ.

Дядя его со всѣмъ семействомъ погибъ около тѣхъ мѣстъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди, и думала что его спасла; но щайка внезапно воротилась и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ объ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ графъ Дмитрій Николаевичъ часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка; онъ какъ то познакомился съ другимъ свѣдущимъ по этой части: единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ; послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему, конечно не безъ оговорокъ, что онъ въ скоромъ времени погибнетъ ужасною смертью. «Знаю, отвѣчалъ дядя, но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно,—для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году, какъ мы сказали, отъ Пугачева.

Другой родственникъ графа Дмитрія Николаевича много прибавилъ имѣнія благопріобрѣтеннаго къ родовому. Не на службѣ пріобрѣлъ онъ его, а разными частными покупками, сдѣлками и другими оборотами и спекуляціями, которыхъ никогда общественное мнѣніе не одобряло, хотя бы въ нихъ ничего противузаконнаго не было. Дмитрій Николаевичъ былъ его ближайшимъ наслѣдникомъ; но, по завѣщанію, только родовое имѣніе досталось ему, а все пріобрѣтенное перешло въ другія руки. «Слава Богу! сказала его мать. Я рада, что ни копѣйки этого сомнительно нажитаго богат-

ства не досталось тебѣ. Отъ одной такой лепты все остальное было бы запятнано». Такого рода слова не пропадаютъ даромъ для ребенка.

По бабкѣ Дмитрій Николаевичъ приходился двоюроднымъ племянникомъ Державина, по матери—двоюроднымъ братомъ Озерова. Ихъ имена, конечно, повторялись часто въ семьѣ; стихи Державина читала ему мать; ребенокъ заслушивался ихъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ заслушивался соловьевъ въ рощѣ; воображеніе переносило его безпрестанно въ міръ иной и отвлекало болѣе и болѣе отъ міра положительнаго. Все это развило въ немъ характеръ пылкій, воспріимчивый, страстный. Къ счастію, въ молодости у него не было ни такихъ знакомствъ, ни такихъ связей, которыя бы могли направить эти страсти на дурной путь. Заботливая мать зорко оберегала его, а врожденное чувство, развитое впослѣдствіи образованіемъ, отталкивало его отъ всего буйнаго, грязнаго, отъ оргій тогдашней молодежи. Поэтическое настроеніе преобладало въ немъ съ раннихъ лѣтъ.

Катерина Ермолаевна переселилась въ Москву, когда надо было заняться образованіемъ сына, а лѣто, иногда, проводила въ Подмосковной, которую, впрочемъ, графъ Дмитрій Николаевичъ не очень любилъ и не удержалъ за собою. Она ничего не щадила для образованія сына. Лучшіе учителя, профессоры университета и университетскаго пансіона давали ему уроки, которыми онъ вполнѣ возпользовался. Память его поражала учителей, какъ впослѣдствіи его знакомыхъ. Онъ любилъ занятія научныя, но со страстію предавался чтенію: его не легко было оторвать отъ какой нибудь исторической книги; французскимъ языкомъ онъ еще въ дѣтствѣ владѣлъ какъ русскимъ, чему обязанъ, отчасти, старушкѣ француженкѣ, madame Фовель; она при немъ находилась съ дѣтства въ качествѣ гувернантки или, правильнѣе, няни; была не блистательнаго

образованія, но очень добрая и честная женщина, съ чистымъ, правильнымъ выговоромъ. Въ то время французскій языкъ считался принадлежностію каждаго образованнаго человѣка, и не въ одной только Россіи. Англичане, такъ немилосердно коверкающіе французскія слова, въ то время считали необходимостію для каждаго джентельмена правильно и чисто говорить по французски. Основательному же изученію языка Блудовъ обязанъ своему гувернеру, Реми, человѣку ученому, который внушилъ ему страсть къ занятіямъ, болѣе серьезнымъ и любовь къ греческому и латинскому языкамъ, которые онъ не забылъ до старости; но самое сильное на него вліяніе, въ дѣтствѣ, имѣлъ другой эмигрантъ, графъ де-Фонтень; это былъ человѣкъ блистательнаго ума, глубокаго образованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ изящными манерами высшаго свѣтскаго французскаго круга; онъ сильно пострадалъ во время революціи, лишился не только состоянія, но многихъ близкихъ родныхъ и друзей, что конечно возбуждало еще болѣе участія молодаго человѣка, который искренно привязался къ нему. Графъ де-Фонтень былъ гувернеромъ у сестры Каменскаго, и иногда посѣщалъ московское общество, гдѣ, какъ и всѣ эмигранты, былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ; Блудовъ, оставлялъ для него игры и танцы молодежи и забившись куда нибудь въ уголъ, проводилъ цѣлые вечера съ пожилымъ собесѣдникомъ, который разсказывалъ ему то о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, восторжествовавшихъ надъ предразсудками вѣка и касты, то о французской литературѣ, вообще имѣвшей въ то время сильное вліяніе въ Европѣ, то наконецъ объ ужасахъ революціи. Истинно великодушные порывы и блистательныя заблужденія первыхъ ея годовъ, привлекавшіе къ себѣ сочувствіе многихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ Карамзина, не могли имѣть вліяніе на Блудова: онъ ихъ не пони-

малъ, потому что въ то время былъ еще ребенкомъ; впослѣдствіи же, подъ вліяніемъ людей, подобныхъ графу де-Фонтень, французская раволюція оставила въ его, едва пробуждавшемся умѣ, впечатлѣнія тѣхъ страшныхъ лицъ и событій, которыя рисовалъ предъ нимъ де-Фонтень, а несчастные страдальцы-эмигранты, окружавшіе его, служили живымъ подтвержденіемъ словъ разсказщика и свидѣтельствовали о грубомъ насиліи, замѣнившемъ всякую законность во Франціи.

Блудовъ принадлежалъ къ тому древнему, русскому, коренному дворянству, которое жило изъ рода въ родъ въ провинціи, вдали отъ двора, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному разсчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ, чуждомъ интригъ боярской думы и царскаго двора, жила и живетъ безусловная преданность престолу, тѣсно связанная съ его религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству. Подобно крѣпостному сословію, оно оставалось въ сторонѣ отъ политическихъ и дворцовыхъ потрясеній, но, когда могло, противостояло олигархическимъ замысламъ боярскихъ родовъ, безкорыстно, не выторговывая для себя у царей ни льготъ, ни наградъ. Это направленіе провинціальнаго дворянства, засвидѣтельствованное вѣками, проявилось въ послѣднее время при освобожденіи крестьянъ; въ этомъ дѣлѣ оно усердно споспѣшествовало и помогало Государю, неся потери болѣе чувствительныя для него, чѣмъ для богатыхъ, знатныхъ родовъ дворянства русскаго. Конечно, оно, отерпѣвшееся и окрѣпшее въ бѣдствіи подобно народу, скорѣе сольется съ нимъ, и представитъ надежный оплотъ Государству.

Въ молодости, у Блудова эти понятія, эти сословныя чувства были сильно развиты; вліяніе эмигрантовъ, столько же какъ и матери, подняло ихъ до болѣе сознательныхъ началъ

приверженности къ монархическому принципу, какъ понимаютъ его на западѣ, и впослѣдствіи, когда двое сыновей его уже подростали, онъ часто говаривалъ: «Если и Россіи суждено пройти черезъ кровавые перевороты, то я благодарилъ бы Бога, еслибы одному изъ моихъ сыновей выпала участь Стафорда, а другому Монтроза». А дѣти, конечно, ему были дороже всего на свѣтѣ. Эти чувства онъ сохранилъ до конца жизни, и послѣднія слова и мысли его были обращены къ Россіи и Государю.

Кромѣ французскаго и отчасти древнихъ языковъ Дмитрій Николаевичъ хорошо зналъ языкъ нѣмецкій и италіанскій; по англійски онъ научился, когда уже былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, безъ пособія учителя, при помощи лексикона и романовъ Вальтеръ-Скота, и хотя не могъ или, лучше сказать, не рѣшался говорить на немъ, однако читалъ все, что выходило новаго въ англійской литературѣ. Страсть къ театру была господствующею въ немъ въ молодости. Онъ могъ прочесть наизустъ цѣлыя тирады, почти цѣлыя трагедіи Озерова и Рассина и въ этомъ случаѣ память не измѣняла ему до глубокой старости; но при всей страсти къ театру, онъ никакъ не рѣшался проникнуть въ тайны закулиснаго міра, куда стремятся многіе, куда и его увлекали: онъ боялся разочарованій.

Время переѣзда Блудовыхъ въ Москву было время тяжелое. Москва притихла и пріуныла еще болѣе другихъ русскихъ городовъ. Не слышно было обычнаго разгулья, даже не видно было веселыхъ лицъ. Если и давались иногда праздники, то это по приказу, куда являлись не для веселія, а страха-ради, чтобы не попасть въ отвѣтъ за ослушаніе. Первопрестольная столица была наполнена людьми дѣйствительно знаменитыми или временщиками предшествовавшаго царствованія; они находились въ опалѣ, но были еще довольно счастливы, что избѣжали изгнанія, болѣе отдаленнаго.

Тутъ жили фельдмаршалъ Каменскій, бывшій канцлеръ Остерманъ съ своимъ братомъ, славный Еропкинъ, герой Москвы, избавившій ее отъ страшнаго врага—чумы, Юрій Долгорукій, прежній начальникъ Москвы князь Голицынъ, оберъ-камергеры братья Куракины, изъ которыхъ одинъ бывшій вице-канцлеръ и множество другихъ. Всѣ они, какъ и самый городъ, старый и величавый, находились подъ строгимъ, зоркимъ надзоромъ оберъ-полицмейстера Эртеля, одного изъ неумолимыхъ и непреклонныхъ офицеровъ Гатчинскихъ; отъ этого надзора не былъ изъятъ и тогдашній генералъ-губернаторъ Салтыковъ, надъ которымъ вліяніе Эртеля тяготѣло еще болѣе, чѣмъ надъ другими.

Катерина Ермолаевна Блудова жила уединенно, въ ружейной улицѣ, близъ Смоленскаго рынка, на Арбатской, у Благовѣщенія на бережкахъ, въ собственномъ домѣ. Она была очень дружна съ женою фельдмаршала Каменскаго, который жилъ рядомъ съ ея домомъ. Видѣлись онѣ каждый день, когда обѣ живали въ Москвѣ; Блудова устроила калитку въ своемъ саду, прямо въ садъ Каменской, такъ что не нужно было дѣлать для этого неизбѣжныхъ въ то время выѣздовъ, а этикетъ никакъ не дозволилъ бы женѣ фельдмаршала показаться пѣшкомъ на улицѣ; суровый фельдмаршалъ, большею частію и не зналъ объ этихъ ежедневныхъ свиданіяхъ. Между тѣмъ, Дмитрію Николаевичу минуло уже 16-ть лѣтъ. Онъ кончилъ свое образованіе дома: надо было думать о поступленіи на службу, что составляло предметъ важной заботы для матери, посвятившей всю жизнь свою сыну, и обѣ подруги часто толковали объ этомъ.

При Екатеринѣ II, дворяне, почти исключительно, поступали въ военную службу, считая для себя унизительнымъ канцелярскія и другія приказныя обязанности. Коллегіи, приказы, управы были наполнены семинаристами, дѣтьми

духовныхъ или такихъ же приказныхъ, составлявшихъ какъ бы особое племя. Жизнь ихъ была трудовая и доля незавидная. Безпрестанныя войны заставили правительство поддерживать и даже усиливать наклонность русскаго дворянства, дарованіемъ военному сословію новыхъ правъ и преимуществъ, которыми не пользовались поступающіе въ гражданскую службу. Рядъ побѣдъ и завоеваній славнаго царствованія Екатерины II весьма естественно возвысилъ еще болѣе званіе военныхъ; па нихъ смотрѣли какъ на избранниковъ государства. Жизнь военная тогда была полна или боевыхъ тревогъ и опасностей или совершеннаго разгула, къ сожалѣнію иногда доходившаго до невѣроятнаго въ наше время буйства: случалось, напримѣръ, какому нибудь хмѣльному ротному командиру штурмовать жидовское мѣстечко въ своемъ собственномъ отечествѣ,—все сходило съ рукъ: не смѣли и подумать заводить съ нимъ дѣла. Но при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ пошло иначе. Строгая дисциплина, постоянное ученіе, фронтъ, выправка, взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы, заставили дворянъ бѣжать изъ военной службы, которая и въ мирное время представляла болѣе опасностей, чѣмъ прежде самая война. Въ предупрежденіе «такого самовольства дворянъ» Императоръ Павелъ запретилъ имъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи; исключеніе сдѣлано было только для коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ то время былъ первоприсутствующимъ графъ Растопчинъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Императора Павла.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, записанный дядей своимъ, поэтомъ Державинымъ, подобно другимъ столбовымъ дворянамъ, чуть не съ пеленокъ, въ Измайловскій гвардейскій полкъ, давно уже былъ изъ него уволенъ по просьбѣ матери. Надо было хлопотать о помѣщеніи въ гражданскую службу, сообразно его наклонностямъ и образованію. При

Тутъ жили фельдмаршалъ Каменскій, бывшій канцлеръ Остерманъ съ своимъ братомъ, славный Еропкинъ, герой Москвы, избавившій ее отъ страшнаго врага—чумы, Юрій Долгорукій, прежній начальникъ Москвы князь Голицынъ, оберъ-камергеры братья Куракины, изъ которыхъ одинъ бывшій вице-канцлеръ и множество другихъ. Всѣ они, какъ и самый городъ, старый и величавый, находились подъ строгимъ, зоркимъ надзоромъ оберъ-полицмейстера Эртеля, одного изъ неумолимыхъ и непреклонныхъ офицеровъ Гатчинскихъ; отъ этого надзора не былъ изъятъ и тогдашній генералъ-губернаторъ Салтыковъ, надъ которымъ вліяніе Эртеля тяготѣло еще болѣе, чѣмъ надъ другими.

Катерина Ермолаевна Блудова жила уединенно, въ ружейной улицѣ, близъ Смоленскаго рынка, на Арбатской, у Благовѣщенія на бережкахъ, въ собственномъ домѣ. Она была очень дружна съ женою фельдмаршала Каменскаго, который жилъ рядомъ съ ея домомъ. Видѣлись онѣ каждый день, когда обѣ живали въ Москвѣ; Блудова устроила калитку въ своемъ саду, прямо въ садъ Каменской, такъ что не нужно было дѣлать для этого неизбѣжныхъ въ то время выѣздовъ, а этикетъ никакъ не дозволилъ бы женѣ фельдмаршала показаться пѣшкомъ на улицѣ; суровый фельдмаршалъ, большею частію и не зналъ объ этихъ ежедневныхъ свиданіяхъ. Между тѣмъ, Дмитрію Николаевичу минуло уже 16-ть лѣтъ. Онъ кончилъ свое образованіе дома: надо было думать о поступленіи на службу, что составляло предметъ важной заботы для матери, посвятившей всю жизнь свою сыну, и обѣ подруги часто толковали объ этомъ.

При Екатеринѣ II, дворяне, почти исключительно, поступали въ военную службу, считая для себя унизительнымъ канцелярскія и другія приказныя обязанности. Коллегіи, приказы, управы были наполнены семинаристами, дѣтьми

духовныхъ или такихъ же приказныхъ, составлявшихъ какъ бы особое племя. Жизнь ихъ была трудовая и доля незавидная. Безпрестанныя войны заставили правительство поддерживать и даже усиливать наклонность русскаго дворянства, дарованіемъ военному сословію новыхъ правъ и преимуществъ, которыми не пользовались поступающіе въ гражданскую службу. Рядъ побѣдъ и завоеваній славнаго царствованія Екатерины II весьма естественно возвысилъ еще болѣе званіе военныхъ; на нихъ смотрѣли какъ на избранниковъ государства. Жизнь военная тогда была полна или боевыхъ тревогъ и опасностей или совершеннаго разгула, къ сожалѣнію иногда доходившаго до невѣроятнаго въ наше время буйства: случалось, напримѣръ, какому нибудь хмѣльному ротному командиру штурмовать жидовское мѣстечко въ своемъ собственномъ отечествѣ,—все сходило съ рукъ: не смѣли и подумать заводить съ нимъ дѣла. Но при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ пошло иначе. Строгая дисциплина, постоянное ученіе, фронтъ, выправка, взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы, заставили дворянъ бѣжать изъ военной службы, которая и въ мирное время представляла болѣе опасностей, чѣмъ прежде самая война. Въ предупрежденіе «такого самовольства дворянъ» Императоръ Павелъ запретилъ имъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи; исключеніе сдѣлано было только для коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ то время былъ первоприсутствующимъ графъ Растопчинъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Императора Павла.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, записанный дядей своимъ, поэтомъ Державинымъ, подобно другимъ столбовымъ дворянамъ, чуть не съ пеленокъ, въ Измайловскій гвардейскій полкъ, давно уже былъ изъ него уволенъ по просьбѣ матери. Надо было хлопотать о помѣщеніи въ гражданскую службу, сообразно его наклонностямъ и образованію. При

содѣйствіи Каменскихъ и родственныхъ связяхъ съ Наумовымъ, другомъ Бантышъ-Каменскаго, удалось помѣстить его въ московскій Архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, находившійся подъ начальствомъ Бантышъ-Каменскаго. Здѣсь, необыкновенныя способности и знаніе иностранныхъ языковъ Блудова очень скоро обратили на него вниманіе. Въ 1800 году (Іюля 5-го) онъ поступилъ юнкеромъ въ Архивъ, черезъ полгода произведенъ былъ въ переводчики, а 14-го Октября 1801 года въ коллежскіе ассесоры.

Вѣроятно, вслѣдствіе дарованнаго московскому Архиву права, онъ былъ наполненъ молодыми людьми лучшихъ фамилій, желавшихъ избѣжать тягостной военной службы, и пріобрѣтшихъ впослѣдствіи извѣстность въ московскомъ обществѣ подъ названіемъ архивныхъ юношей. Они, впрочемъ, не успѣли вытѣснить прежнее поколѣніе чиновниковъ, да едва ли и могли, потому что и въ Архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, особенно при тогдашнихъ его начальникахъ, необходимы были труженики и дѣльцы. Онъ представлялъ въ то время самое странное смѣшеніе служащихъ. Вигель, въ своихъ запискахъ, оставилъ намъ любопытное описаніе его; тутъ были: князь Гагаринъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, и съ ними за однимъ столомъ семинаристъ въ фризовомъ изношенномъ сюртукѣ. Тутъ были, между прочими, два брата Тургеневыхъ—Андрей и Александръ и впослѣдствіи Дашковъ, съ которыми Блудовъ сблизился болѣе другихъ. Вигель, поступившій послѣ долгихъ ходатайствъ и мытарствъ также въ московскій Архивъ, въ своихъ запискахъ не щадитъ никого изъ прежнихъ товарищей, ни пролетаріевъ, ни аристократовъ; только для Блудова и Андрея Тургенева, къ сожалѣнію, такъ рано умершаго, дѣлаетъ исключеніе. О Блудовѣ онъ отзывается съ какимъ то увлеченіемъ, вовсе ему не свойственнымъ. По его собственнымъ

словамъ, Блудовъ, своимъ блестящимъ умомъ, сдѣлалъ на него впечатлѣніе необыкновенное. Слушая его, онъ постоянно находился подъ магическимъ вліяніемъ его слова.

Не менѣе рѣзкую противоположность составлялъ и начальникъ относительно этой блестящей молодежи.

Московскій Архивъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій, болѣе или менѣе зависящихъ отъ Бантышъ-Каменскаго. Однимъ изъ нихъ управлялъ ученый Стритеръ, тогда уже дряхлый старикъ, другимъ—Соколовскій едва ли моложе его и третьимъ—самъ Бантышъ-Каменскій; въ это отдѣленіе попалъ Блудовъ. Бантышъ-Каменскій — племянникъ извѣстнаго архіепископа московскаго Амвросія Зартысъ-Каменскаго, убитаго разъяренною чернью во время московской чумы,— жилъ у дяди во время этой страшной катастрофы и самъ отъ нея жестоко пострадалъ; избитый, онъ брошенъ былъ на улицѣ, гдѣ чья-то благодѣтельная рука спасла его. Отъ этого памятнаго событія у него осталась на всю жизнь глухота, непримиримая ненависть къ черни, затаенная злоба къ знати, постоянное раздраженіе и подозрительность противъ всѣхъ. Онъ былъ брюзгливъ, но не жестокъ, какъ говоритъ Вигель, строгъ, и взыскателенъ къ подчиненнымъ; жилъ въ архивной пыли, работалъ, трудился, знакомство и дружбу велъ только съ монахами и архіереями.

Блудовъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ; но вдругъ пронеслась по Архиву грозная вѣсть, всполошившая всѣхъ служившихъ въ немъ, будто Императоръ Павелъ, узнавши о чрезмѣрномъ числѣ сверхъ-штатныхъ чиновниковъ, приказалъ ихъ размѣстить по полкамъ, оставивши только необходимое число для занятій. Повидимому это произвело паническій страхъ между служащими и ихъ родными. Вотъ что пишетъ Катерина Ермолаевна Блудова къ Наумову, находившемуся, какъ мы сказали, въ дружескихъ отношеніяхъ съ начальникомъ Архива, Бан-

тышъ-Каменскимъ и принимавшему участіе въ Дмитріѣ Николаевичѣ:

«Одинъ Богъ можетъ проникнуть оскорбленное сердце мое, которое стѣснено вчерашней вѣстью». Далѣе, сказавши что оставлены будутъ въ Архивѣ вѣроятно тѣ, которые имѣютъ сильныхъ заступниковъ и покровителей, а такіе есть у большей части служащихъ, она прибавляетъ: «а сынъ мой, кромѣ слезъ бѣдной своей матери, никого не имѣетъ. Если она отъ горести и духъ свой испуститъ у крыльца Николая Николаевича (Бантышъ-Каменскій), кто возритъ на умирающую вдову и подвигнутъ будетъ къ сожалѣнію». Умоляя Наумова именемъ той горячей любви, которую къ нему питала мать его, вступиться за сына, она проситъ «хотя о той милости, чтобы заранѣе была я увѣдомлена о судьбѣ сына моего: можетъ быть его назначатъ на край свѣта въ полкъ, куда горестная мать должна будетъ за нимъ послѣдовать, то хоть бы мѣры я могла взять для устройства своего имѣнія . . . . . Пойми грусть бѣдной твоей родственницы», и проч.

И въ этомъ случаѣ ея искренній, вѣрный другъ, графиня Каменская, ходатайствуетъ и проситъ вмѣстѣ съ нею; но къ счастію ихъ обѣихъ, опасенія оказались напрасны и слухи несправедливы: все осталось въ прежнемъ видѣ и Архивъ переполнялся молодыми людьми.

Бантышъ-Каменскій не оставлялъ праздными многочисленное общество своей блестящей молодежи, большею частію числившейся сверхъ-штата; ей нечего было дѣлать въ самомъ Архивѣ, а потому онъ, вмѣстѣ съ Малиновскимъ, придумалъ другія занятія, заставляя переводить иностранныхъ писателей. Изъ этихъ переводовъ составился огромный писанный томъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и носящій такое странное заглавіе «Дипломатическія статьи изъ Всеобщаго Робинстонова Словаря

перев. при московскомъ Архивѣ, служащими благородными юношами въ 1802, 1803, 1804 и 1805 годахъ подъ надзиранiемъ Статскаго Совѣтника Алек. Малиновскаго», какъ видно въ то время слову благородный (конечно по происхожденiю) придавали большое значенiе. Блудовъ выступаетъ въ этомъ сборникѣ на литературное поприще со слѣдующей статьей: «О союзахъ заключенныхъ между государствами, перев. Коллежскимъ Ассесоромъ Блудовымъ (ст. XII, стр. 193—232). Надо сознаться, что какъ эта статья, такъ и большая часть другихъ не отличаются ни правильностью слога, ни легкостiю рѣчи.

Много нужно было трудиться Блудову, чтобы выработать свой слогъ, а что онъ владѣлъ имъ вполнѣ, это мы видимъ изъ его историческихъ трудовъ и нѣкоторыхъ манифестовъ; но конечно еще больше труда ему было совладать со своимъ характеромъ, чрезвычайно пылкимъ. Его быстрый, острый умъ нерѣдко увлекалъ его къ возраженiямъ меткимъ и колкимъ, навлекавшимъ ему вражду людей, съ которыми онъ случайно сходился. Тѣ, которые знали Дмитрiя Николаевича впослѣдствiи, могли убѣдиться до какой степени измѣнился этотъ характеръ. Конечно, много способствовали къ тому тѣсная дружба съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, людьми въ высшей степени кроткими и благодушными, а впослѣдствiи времени, влiянiе его жены. Дружба съ Дашковымъ, человѣкомъ твердымъ, положительнымъ и неуклонныхъ убѣжденiй была полезна въ другомъ отношенiи, и для нихъ обоихъ: они, такъ сказать, дополняли собою одинъ другаго.

Съ Жуковскимъ онъ сошелся съ раннихъ лѣтъ: ихъ свелъ Дашковъ, который вмѣстѣ съ Жуковскимъ воспитывался въ благородномъ пансiонѣ, находившемся при университетѣ и даже отданъ ему, какъ старшему, подъ наблюденiе. Любовь къ литературѣ и театру сблизила ихъ; первое знакомство вскорѣ замѣнилось тѣсной дружбой, которой они остались

вѣрны до самой смерти. Они не только читали, но часто сочиняли вмѣстѣ, то увлекаясь воображеніемъ въ тѣ заоблачныя или таинственныя страны, въ которыхъ потомъ Жуковскій черпалъ свое вдохновеніе, то опускаясь къ самымъ земнымъ предметамъ. Едва ли не первое стихотворное произведеніе Блудова написано имъ обще съ Жуковскимъ; это была пѣсня «объясненіе портнаго въ любви» и вотъ что послужило къ ней поводомъ: между архивными товарищами Блудова былъ нѣкто Л—у, сынъ портнаго; что этотъ Л—у былъ влюбленъ, это вещь весьма обыкновенная, особенно для нѣмца, но онъ былъ влюбленный дикаго свойства и сильно надоѣдалъ товарищамъ и особенно Блудову своею любовью. Жуковскій не служилъ въ Архивѣ. Онъ поступилъ на службу въ какое-то странное мѣсто, надъ которымъ самъ очень трунилъ: если не ошибаюсь, въ московскую соляную Контору; Л—у зналъ онъ черезъ Блудова. Вся пѣсня состояла въ примѣненіи разныхъ предметовъ портняжнаго мастерства къ объясненію въ любви; тутъ были стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Нагрѣто сердце какъ утюгъ! или
«О ты, которая пришила
Меня къ себѣ любви иглой
Какъ самый крѣпкій шовъ двойной».

Кончалась пѣсня словами:

«Умретъ несчастный твой портной».

По какому-то странному случаю пѣсня эта, конечно не предназначавшаяся для печати, попала въ старинные пѣсенники; но еще страннѣе, что авторомъ ея названъ самъ несчастный Л—у, осмѣянный въ ней.

Литературная дѣятельность Жуковскаго начинается гораздо ранѣе, и именно съ 1797 года (ему было тогда 15 лѣтъ); если даже мы и несогласимся съ Полторацкимъ, что четверостишіе на рожденіе Великаго Князя Николая Павло-

вича, напечатанное въ журналѣ «Муза» 1796 г. и помѣченное буквами В. Р. принадлежитъ ему. Впрочемъ, самъ Жуковскій признаетъ первымъ своимъ напечатаннымъ стихотвореніемъ «Сельское кладбище» переведенное съ англійскаго, поэта Грея. Отсюда, дѣйствительно, начинается его извѣстность.

Въ одно печальное утро, когда надъ Москвой носились темныя тучи, а въ Москвѣ пуще обыкновеннаго свирѣпствовалъ Эртель, проходившіе по улицамъ увидѣли промчавшагося фельдъегеря: какъ ни обыкновенно было въ то время это явленіе, но оно всякій разъ возбуждало тревожныя опасенія: «кого еще»?... со страхомъ спрашивали другъ друга. На этотъ разъ фельдъегерь остановился не у квартиры Эртеля, а у дома генералъ-губернатора. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ вся Москва узнала о смерти Императора Павла І-го и возшествіи на престолъ Александра Павловича. Тотъ же фельдъегерь привезъ указъ о смѣнѣ Эртеля?

Для Россіи воцареніе Императора Александра І-го было зарею пробужденія. Трудно представить себѣ Государя и человѣка такъ щедро одареннаго природой и съ такимъ блестящимъ образованіемъ какъ Александръ І-й. Современники свидѣтельствуютъ, что при извѣстіи о его воцареніи, на улицахъ, люди незнакомые между собою, другъ друга обнимали и поздравляли . . . . . Въ манифестѣ своемъ онъ объявилъ, что будетъ править Богомъ врученнымъ ему народомъ, по законамъ и по сердцу премудрой бабки своей Екатерины Великой, и первымъ дѣйствіемъ его было освобожденіе всѣхъ, содержавшихся по дѣламъ Тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь или въ отдаленные города и деревни Россіи подъ надзоръ мѣстныхъ властей, и уничтоженіе самой Тайной экспедиціи. Разсказываютъ, будто Алексѣй Петровичъ Ермоловъ,

выходя изъ Петропавловской крѣпости надписалъ на стѣнѣ «свободна отъ постоя», Государь, узнавши объ этомъ сказалъ, «желаю чтобы на всегда».

Блудовъ и Жуковскій были дежурными у раздачи или предъявленіи билетовъ при входѣ на Кремлевскую площадь при коронаціи Императора Александра и оба любили вспоминать объ этомъ знаменательномъ для Россіи событіи.

Всѣ съ какимъ то напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали этого дня, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ отсроченнаго. Народъ отовсюду валилъ въ Москву. Успѣли прійти и пріѣхать толпами возвращенные изъ Сибири. Утро не обѣщало хорошей погоды; небо было пасмурно, но при выходѣ Царственной четы изъ собора порывомъ вѣтра сорвало съ неба послѣднія тучи, покрывавшія солнце, и торжественное шествіе предстало во всемъ блескѣ. Государь былъ замѣтно взволнованъ при видѣ этой массы народа, представительницы всей Россіи, съ благоговѣніемъ, съ покорностію преклоненной передъ нимъ, на одного его возлагавшей всѣ свои надежды. Еще недавно малѣйшее проявленіе къ нему пріязни навлекло бы подозрѣніе на тѣхъ, кто не боялся выразить ее, а такихъ смѣльчаковъ конечно было немного. Въ лицѣ Государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости; онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ; не съ самонадѣянностію и гордымъ величіемъ шелъ онъ; не страхъ внушали его взгляды, кроткіе, привѣтливые, но безпредѣльную любовь, сочувствіе и готовность на самопожертвованіе. Каждый мысленно ободрялъ его: «смѣлѣе! смѣлѣе! вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа, такъ же необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе, смѣлѣе—Богъ милостивъ, мы за тобой!» По осанкѣ и походкѣ Александръ

напоминалъ собой свою державную бабку, особенно улыбка его была также очаровательна какъ у Екатерины; старые сподвижники ея глядѣли на юнаго Государя съ какою то суевѣрной любовью.

Легко себѣ вообразить, чего не передумали, чего не переговорили между собою двое молодыхъ дежурныхъ въ ихъ поэтическомъ настроеніи!

Для Блудова время коронаціи было знаменательно и въ другомъ отношеніи: онъ влюбился! Это была его первая любовь и послѣдняя; любовь страстная, сильная, которую не только не охладили всевозможныя препятствія, но еще болѣе разжигали, любовь, которой онъ ни разу не измѣнилъ въ теченіи всей жизни, которая сохранила его отъ многаго дурнаго и пробудила не одно благородное чувство. Ему было тогда 17 лѣтъ. У фельдмаршала Каменскаго онъ встрѣтился съ семействомъ князя Щербатова. Домъ графа Каменскаго на Зубовомъ бульварѣ, гдѣ нынче помѣщается Земледѣльческое училище, принадлежалъ къ тѣмъ старинным боярскимъ домамъ, которыхъ болѣе не встрѣчается и въ Москвѣ; онъ даже и въ то время поражалъ чудовищною роскошью. Около стараго фельдмаршала образовалось нѣчто въ родѣ своего двора: управляющіе, секретарь, приживатели и приживательницы, хвалители и потѣшатели его въ различномъ родѣ, няни, мамки, калмычки, турчанки, подаренныя ему или взятыя въ плѣнъ, воспитанныя кѣмъ нибудь изъ членовъ семейства, наполняли домъ, гдѣ властвовалъ онъ сурово и деспотически. Какъ то уродливо здѣсь смѣшивалась азіатская роскошь съ утонченностями европейской жизни, представленія французскихъ пьесъ, съ обрядовыми пѣснями сѣнныхъ дѣвушекъ. Русская старина била ключемъ изъ подъ западной коры, которая не могла вполнѣ даже прикрыть ее,—не то что сдержать.

Графъ Каменскій былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Павлов-

нѣ Щербатовой, одной изъ первыхъ красавицъ своего времени. Князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ, дядя Каменской, пріѣхавшій въ Москву по случаю коронаціи Государя Александра Павловича остановился въ домѣ фельдмаршала. Съ нимъ были обѣ его дочери: старшая, Анна Андреевна, уже блистала въ большомъ Петербургскомъ свѣтѣ и при дворѣ, гдѣ она была фрейлиной при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; въ ней находили сходство съ Елизаветой Алексѣевной, особенно по той граціи и всепобѣждающей добротѣ въ выраженіи лица и улыбкѣ, которыми умѣла обворожать Императрица. Меньшая дочь, Марья Андреевна, была еще ребенкомъ, но ребенкомъ любимымъ и балованнымъ своею матерью нерѣдко въ ущербъ старшей дочери. Аннѣ Андреевнѣ было тогда уже 23 года; она обходилась съ 17 лѣтнимъ Блудовымъ, какъ съ мальчикомъ, котораго въ домѣ графа Каменскаго любили всѣ, и принимали за семьянина, вмѣстѣ они играли на домашнемъ театрѣ, вмѣстѣ читали. Молодой дѣвушкѣ нравился его блестящій, остроумный и пылкій разговоръ, столь не похожій съ тѣмъ, къ которому пріучили ее балы большаго Петербургскаго свѣта. Она привыкла къ его некрасивой наружности, и вскорѣ они сблизились, хотя въ то время ей и въ мысль не приходила возможность брака.

Отъ зоркаго взгляда матери Блудова не скрылось это взаимное сближеніе, но она знала непреклонный характеръ княгини Щербатовой, и потому пока молчала; только своему другу, графинѣ Каменской, повѣрила она тайну и та горячо приняла ее къ сердцу. Напрасны однако были всѣ ея усилія. Гордая именемъ мужа (по рожденію она принадлежала къ польской фамиліи Яворскихъ), Щербатова слышать не хотѣла объ этомъ бракѣ, считая его униженіемъ своей знатной фамиліи. Она была умна, почти вдвое моложе своего мужа и очень хороша собой, и потому имѣла неограни-

ченное вліяніе въ семействѣ. Втеченіи одиннадцати лѣтъ она останавливала всякія попытки побѣдить ея родовые предразсудки; эти попытки только раздражали ее и охлаждали къ молодымъ людямъ.

Въ то время въ собственномъ семействѣ Каменскихъ развивалась драма, основанная на любви и связанная также съ семействомъ князя Щербатова, но имѣвшая иную, печальную развязку. Младшій сынъ фельдмаршала, Николай Михайловичъ Каменскій, извѣстный побѣдитель Шведовъ, былъ утѣшеніемъ матери въ семейныхъ горестяхъ, которыя она переносила терпѣливо и безропотно. Въ дѣтствѣ, во время пребыванія его въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ отданъ былъ на попеченіе князя Щербатова. Въ семействѣ его воспитывалась по прихоти жены вмѣстѣ съ дочерьми и наравнѣ съ ними, дочь ея экономки, извѣстная подъ именемъ Елизаветы Карловны. Дѣвушка была молода и хороша; молодой кадетъ былъ также очень хорошъ собою: они влюбились другъ въ друга. Любовь росла и развивалася съ годами: Каменскій рѣшился на ней жениться. Легко себѣ вообразить какую страшную бурю возбудило бы это извѣстіе, если бы дошло до фельдмаршала. Онъ понималъ любовь по своему; онъ допускалъ, что можно любить кого угодно и какъ угодно, но жениться должно только подъ извѣстными условіями, что, наконецъ, бракъ ни сколько не препятствуетъ мужу имѣть постороннія связи и самъ пользовался этимъ мнимымъ правомъ вполнѣ, хотя жена его была рѣдкой красоты и доброты, а женщина, для которой онъ ею пожертвовалъ, свела его въ могилу: онъ былъ убитъ своими крестьянами въ деревнѣ. Мать Елизаветы Карловны, испугавшись пагубныхъ послѣдствій, поспѣшила отдать бѣдную дѣвушку замужъ за чиновника К. Вскорѣ молодому Каменскому предста[illegible] партію: невѣста его была изъ [illegible] въ Россіи;

говорили что она была влюблена въ Каменскаго; вообще, его привлекательная наружность, его молодость, громкая воинская слава кружили головы многихъ женщинъ; но Каменскій оставался вѣренъ своей первой любви до самой смерти Елизаветы Карловны, которая не долго прожила замужемъ. Тогда, равнодушный ко всему, онъ не сопротивлялся болѣе настояніямъ матери. Въ семействѣ уже заказанъ былъ богатый образъ, весь въ жемчугѣ и брилліантахъ, чтобы благословить новобрачныхъ (этимъ образомъ благословили другую чету), но избранная невѣста, гр—я О—Ч. экзальтированная въ любви, какъ и въ религіозныхъ своихъ чувствахъ, знала что происходило въ домѣ Каменскихъ и потому не поддалась безусловному влеченію своего сердца.

Мы не станемъ здѣсь опережать обстоятельства; мы еще встрѣтимся съ молодымъ Каменскимъ, съ которымъ впослѣдствіи еще тѣснѣе связана судьба Блудова.

Семейство князя Щербатова, прогостивъ около года у Каменскихъ, возвратилось въ Петербургъ; вскорѣ послѣ того былъ переведенъ и Блудовъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Влекла ли его туда любовь, которая въ пылкомъ юношѣ возгоралась сильнѣе и сильнѣе, или онъ былъ увлеченъ всеобщимъ стремленіемъ молодежи тогдашняго времени къ Петербургу, гдѣ происходила страшная ломка всего стараго ветхаго зданія государственныхъ учрежденій и воспроизведеніе новыхъ,—я не берусь рѣшить вопроса, но вообще долженъ коснуться производимыхъ тогда реформъ, такъ какъ они вывели на сцену много новыхъ лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе на судьбу молодаго Блудова и направленіе всего общества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Преобразованіе Государственныхъ учрежденій; главные дѣятели; общественное мнѣніе. Молодое поколѣніе и Д. Н. Блудовъ; самонадѣянность его; размолвка съ матерью и скорое примиреніе; связи его въ Петербургѣ; Озеровъ; поѣздки въ Москву и знакомство съ Карамзинымъ; болѣзнь Блудова и смерть матери. Его дипломатическая дѣятельность; отправленіе въ Голландію; тогдашнее положеніе Королевства; возвращеніе. Война съ Турціей; графъ Каменскій, его военныя дѣйствія и смерть; пребываніе Блудова въ арміи.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ переѣхалъ въ Петербургъ въ 1802 году. Это была многознаменательная для Россіи эпоха. Императоръ Александръ и его молодые дѣятели, вполнѣ проникнутые несостоятельностію Государственнаго управленія рѣшились сразу покончить съ нимъ и, двинувъ Россію на путь преобразованій, дать ей стройный ходъ, правый и законный судъ, сплотить въ одно общею мыслію, общимъ дѣломъ народа и правительства и сдѣлать доступными для нея тѣ свободныя учрежденія, которыя готовились. Государь началъ съ народнаго образованія: главныя и малыя училища, которыя повелѣла устроить Екатерина II въ городахъ, въ послѣднее время числились только на бумагѣ; онъ преобразовалъ первыя въ гимназіи, вторыя — въ уѣздныя училища; сверхъ того учреждены приходскія училища; готовились уставы Универс

товъ, число которыхъ постепенно должно было возрастать, проектъ преобразованія Академіи и основанія Коммерческихъ училищъ въ Одессѣ и др. городахъ. Дозволенъ впускъ иностранныхъ всякаго рода книгъ и нотъ; открыты, запечатанныя при Павлѣ, частныя типографіи и разрѣшено всѣмъ, кто пожелаетъ, заводить новыя; уничтожены осмотры и допросы проѣзжающихъ у заставъ, находившихся по городамъ и селеніямъ и сняты всякія стѣснительныя мѣры для поѣздки— не только внутри Россіи, но и за границу, что прежде строго запрещалось. Отмѣнены повинности и всѣ запретительныя правила, стѣснявшія сельскую промышленность; возстановлена во всемъ пространствѣ грамота, данная городамъ; возстановленъ законъ, избавляющій священниковъ и діаконовъ отъ тѣлеснаго наказанія; запрещено продавать крестьянъ безъ земли; наконецъ, указъ 20-го Февраля 1803 г., о свободныхъ хлѣбопашцахъ, составляетъ первое практическое проявленіе уничтоженія крѣпостнаго права, что было любимою, задушевною мыслью, особенно въ началѣ царствованія, какъ свидѣтельствуютъ современники (*) и собственныя слова и дѣйствія Государя. Вотъ что онъ писалъ къ одному изъ лицъ высокопоставленныхъ, рѣшившемуся высказать свое желаніе получить въ даръ имѣніе: «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы; считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собствен-

(*) Баронесса Сталь, въ разговорѣ съ Александромъ Павловичемъ о томъ пріятномъ впечатлѣніи, какое оставилъ въ ней русскій народъ во время ея путешествія, замѣтила, что онъ можетъ быть счастливымъ даже безъ конституціи подъ управленіемъ такого, какъ онъ Государя. «Это только счастливая случайность» сказалъ Государь. Сталь передала этотъ разговоръ, о которомъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ, Блудову: Le hasard c'est l'incognito de la Providence, отвѣчалъ Блудовъ.

ность» (*) и во все время своего царствованія онъ не отступалъ отъ этого правила. Но мы не скоро бы окончили одну перечень длиннаго ряда преобразованій, которымъ ознаменовано начало царствованія Александра. Должно однако сказать, что если сознаніе необходимости уничтоженія стараго порядка было полное и разумное, то мысль какимъ образомъ возсоздать новое государственное устройство на развалинахъ стараго, не вполнѣ выяснилась тогдашнимъ дѣятелямъ. Манифестъ 8-го Сентября 1802 года, объ учрежденіи Министерствъ, служитъ однимъ изъ доказательствъ тому. Императоръ вскорѣ убѣдился самъ, что образованіе Министерствъ, взятое отдѣльно, безъ связи съ другими правительственными установленіями, не достигаетъ цѣли, и въ 1810 году подвергъ ихъ новому обширному преобразованію, къ сожалѣнію не совсѣмъ чуждому прежнихъ недостатковъ, какъ увидимъ далѣе.

Вмѣстѣ съ новыми учрежденіями явились и новые дѣятели; старые сходили со сцены. Трощинскій, занимавшій важныя должности еще при Екатеринѣ II, пользовавшійся довѣріемъ Императора Александра въ началѣ его царствованія и бывшій при немъ докладчикомъ и главнымъ редакторомъ, только наканунѣ появленія въ свѣтъ знаменитаго Манифеста узналъ о его существованіи, не смотря на то, что редакціей занимался служившій при немъ и покровительствуемый имъ статсъ-секретарь Сперанскій, который на все время работы сказался больнымъ по службѣ и занимался вмѣстѣ съ Кочубеемъ. Звѣзда Трощинскаго закатилась и восходило новое созвѣздіе. Сперанскій, хотя еще не принадлежалъ къ этому созвѣздію, но блескъ его уже отражался на немъ. Главными дѣятелями того времени и приближеннѣйшими людьми были: графъ Викторъ Павловичъ Ко-

(*) Storch: Russland unter Alexander I. t. IV.

не замѣтно было и тѣни подозрѣнія въ искренности дѣйствій нововводителей, хотя къ тріумвирату принадлежалъ полякъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи общественное подозрѣніе перешло въ явное недовѣріе и разразилось надъ главой одного, можетъ быть и невинно обвиненнаго? Конечно, были и въ то время недовольные, какъ бываютъ всегда при уничтоженіи стараго порядка вещей, но сознаніе несостоятельности стараго управленія было повсемѣстно и большинство находилось на сторонѣ нововводителей. Вопросъ этотъ не относится непосредственно къ нашему предмету, но онъ слишкомъ важенъ и долженъ обратить на себя вниманіе будущаго историка XIX столѣтія Россіи.

Освободившееся отъ продолжительнаго гнета общественное мнѣніе высказывалось, какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ, рѣзко, не всегда основательно. Прежде не безопасно было сходиться въ тѣсный кружокъ; теперь образовались цѣлыя общества массоновъ, мартинистовъ, библейскія, сектаторскія, литературныя; журналовъ издавалось много, но они вполнѣ доказываютъ недостатокъ критики и скудность тогдашняго политическаго образованія. Передовые люди вполнѣ сочувствовали реформамъ, порицая безразлично все старое, и съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго проекта новаго судопроизводства. Между передовыми людьми тогдашняго молодаго поколѣнія находился Д. Н. Блудовъ. Въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ ему было мало занятій и онъ предался съ жаромъ разбору всего, что выходило по части Государственныхъ учрежденій и громко порицалъ старые порядки. Около него уже образовался кружокъ сочувствовавшихъ ему людей. Чтобы понять всю рѣзкость сужденій, всю самонадѣянность его и вѣроятно той среды, въ которой онъ уже началъ пріобрѣтать нѣкоторый авторитетъ, мы должны обратиться къ письму его матери. Письмо было писано вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ

Москвы, куда онъ пріѣзжалъ на нѣкоторое время. Оно уцѣлѣло въ числѣ писемъ, полученныхъ отъ графини Каменской, такъ какъ обѣ подруги часто писали вмѣстѣ и къ Дмитрію Николаевичу и къ сыновьямъ Каменскихъ, желая показать, что дѣти одной изъ нихъ также дороги для другой, какъ собственныя дѣти. Мы съ намѣреніемъ приводимъ ниже выписку другаго письма, чтобы показать какъ рѣзко оно отличается отъ перваго; вѣроятно, были дѣйствительно важныя причины, чтобы раздражить такимъ образомъ мать.

«Изъ письма *вашего* для сердца моего не велико утѣшеніе; оно изображаетъ ту же безпечность о *вашей* жизни, которая довольно уже огорчала скорбящую мать; желая блистать своимъ знаніемъ, *вы* о себѣ никакого не имѣете понятія, ведя такую праздную жизнь, какъ она дѣйствительно есть; *вы* называли многихъ при мнѣ глупцами, дурачками, — столь вы мыслите о себѣ много; но живете не по разуму...... Развѣ умъ только въ томъ состоитъ, чтобъ жизнь вести подобную трутню въ пчелахъ, — лежать и на воздухѣ строить замки; *вы* такъ мните о себѣ, что два мѣсяца мнѣ слова нельзя было сказать, котораго бы не оспорили.... не отъ досады, а отъ страху рѣшилась высказать, чтобы ты не впалъ въ несчастную ненависть у всѣхъ; я страшусь, чтобъ не былъ ты вторымъ Шишкинымъ Петромъ Васильевичемъ (*), который уменъ, а ненавидимъ». Далѣе слѣдуетъ нѣсколько упрековъ въ его эгоизмѣ и въ томъ, что онъ не посвятилъ ни одного дня графини Каменской и наконецъ Катерина Ермолаевна заключаетъ письмо: «такъ жить нельзя, мой другъ; прискорбно матери, кото-

(*) Шишкинъ, помѣщикъ Новгородской губерніи, женатый на сестрѣ I довой; съ его замѣчательнымъ семействомъ мы еще встрѣтимся въ описаніи.

рая нѣжно любитъ, а ее совѣты презрѣны, отстранены; да и самъ не чувствуешь счастія въ жизни; напрасно уроки давать другимъ, не знавши самъ должностей жизни».

Письмо это, писанное въ 1803 г., совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Д. Н. Блудовъ, оставленный въ забвеніи въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, пытался перейти въ министерство Народнаго просвѣщенія; но и это ему не удалось, а потому онъ рѣшился было выдти въ отставку и посвятить себя литературѣ. Особенно соблазняла его журнальная дѣятельность; онъ уже знакомъ былъ со многими литераторами и помѣщалъ въ журналахъ мелкія статьи, большею частію переводныя.

Письмо это сильно подѣйствовало на молодаго Блудова: онъ обратился къ заступничеству графини Каменской и получилъ отъ нея отвѣтъ, котораго конечно и долженъ былъ ожидать: «Вы пишете, чтобъ исходатайствовать прощеніе у вашей матушки и возвратить ея любовь къ вамъ, — вы знаете сердце и душу неоцѣненной матушки вашей и какъ она нѣжно васъ любитъ, а потому никакого ходатайства не нужно; едино ваше признаніе и любовь ваша утѣшитъ ее, и огорченіе пройдетъ; если бы она васъ не такъ нѣжно любила, то и не такъ бы горячо къ сердцу принимала. Но полно о сей матеріи говорить»....

Тутъ же приписка матери; но въ ней «о сей матеріи» ни слова; все прошедшее забыто, какъ будто не было размолвки!

Дмитрій Николаевичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, поселился въ небольшой квартирѣ, противъ Владимірской церкви, въ домѣ принадлежавшемъ генералу Варлонту. Онъ жилъ скудно. Мать могла удѣлять ему весьма не много, рѣшившись во чтобы-ни-стало прежде всего выплатить долги покойнаго мужа и передать сыну имѣніе устроенное и не заложенное. Но нуждаясь часто въ необходимомъ, Дмитрій

Николаевичъ никогда не просилъ ее о прибавкѣ своего содержанія; о выдѣлѣ же слѣдовавшей ему по закону части онъ и не помышлялъ при жизни матери. Не смотря на то, что онъ былъ, какъ мы видѣли, высокаго о себѣ мнѣнія, да и въ чинѣ довольно значительномъ въ то время (коллежскій ассесоръ), мать поручила его руководству двоюроднаго брата, Владислава Александровича Озерова. Можетъ быть опека не совсѣмъ бы понравилась Блудову, если бы она ввѣрена была другому лицу, но къ Озерову онъ питалъ искреннее уваженіе и любовь.

Странная судьба этого человѣка! Онъ уже былъ въ лѣтахъ, когда вдохновеніе посѣтило его; до того времени его называли человѣкомъ тупымъ, холоднымъ; нѣсколько напечатанныхъ мелкихъ сочиненій его прошли незамѣченными. Только въ 1804 г. показалась на сценѣ его первая трагедія, *Эдипъ въ Аѳинахъ*; въ ней дебютировала, извѣстная впослѣдствіи, Семенова: и трагедія и артистка произвели необыкновенное впечатлѣніе въ зрителяхъ. Когда же, года два спустя, явился *Дмитрій Донской*, то восторгъ публики дошелъ до какого то неистовства. Никогда ничего подобнаго не видали до того времени въ театрѣ. Слава Озерова достигла до такой высоты, до которой только можетъ достигнуть слава поэта. За нимъ слѣдили, старались уловить его взглядъ; счастливцемъ считался тотъ, кого онъ удостоивалъ словомъ. По наружности онъ казался равнодушнымъ къ торжеству, но легко себѣ вообразить, что происходило въ душѣ, когда припомнимъ послѣдовавшія за тѣмъ обстоятельства его жизни. Необыкновенный успѣхъ его возбудилъ зависть. Князь Шаховскій, въ то время всесильный въ мірѣ закулисномъ, затѣялъ противъ него интригу и такъ подготов[illegible] общественное мнѣніе, а можетъ быть сам[illegible]
ликсена» Озерова, поставлен[illegible]

ла совершенное фіаско. Это сильно подѣйствовало на бѣднаго поэта; онъ сталъ убѣгать людей; всюду чудились ему язвительныя улыбки, укоры, ругательства; онъ бросилъ службу, заперся одинъ въ домѣ, но и тамъ шумъ городской будилъ его воспоминаніе о несчастномъ представленіи «*Поликсены*». Озеровъ наконецъ уѣхалъ въ деревню и вскорѣ умеръ въ сумасшествіи на 46 году жизни (п. 1770—1816 г.). Что Озеровъ дѣйствительно погибъ жертвою зависти и интриги, это свидѣтельствуютъ лучшіе люди того времени: Капнистъ, Батюшковъ, Жуковскій, Дашковъ, Блудовъ, наконецъ Вигель въ стихахъ и прозѣ возстали противъ зоиловъ — завистниковъ. Замѣчательны слова Батюшкова: «Есть люди, которые завидуютъ дарованію. Великое дарованіе и великое страданіе почти одно и тоже». Замѣчательны онѣ именно въ устахъ Батюшкова, котораго постигла участь Озерова, но который находился слишкомъ 30 лѣтъ въ сумасшествіи и только за годъ до смерти прозрѣлъ изъ своего нравственнаго мрака. Жуковскій въ стихотвореніи посвященномъ Озерову, говоря о лаврахъ, которыми вѣнчали поэта прибавлялъ:

«Въ нихъ зависть тернія вплела....
И торжествуетъ.—Растерзали
Ихъ иглы славное чело.

Даже Державинъ удостоилъ низойти съ высоты своей и посвятить Озерову нѣсколько стиховъ—впрочемъ плохихъ.

Всей жизни поэта, собственно говоря, было два-три года; предшествовавшій имъ длинный рядъ годовъ прошелъ безсознательно и безъ цѣли; остальное, немногое время, въ страданіяхъ и сумасшествіи; но счастливъ тотъ, кому удалось прожить и три года такою полною жизнію!

Нечего и говорить, что Блудовъ бывалъ почти каждый день у Щербатовыхъ. Часто приходилъ онъ туда прямо изъ театра, особенно когда ощущалъ потребность высказать тѣ

чувства, которыя накоплялись въ немъ во время представленія и тѣснили ему грудь. Не разъ повторялъ онъ передъ молодою дѣвушкой цѣлые монологи Антигоны, которые необыкновенная память его успѣла уловить во время хода самой піэсы. Частыя посѣщенія Дмитрія Николаевича объяснялись той безграничной дружбой, которая существовала между матерью его и графиней Каменской:—въ свѣтѣ, незнавшіе ихъ, принимали за родныхъ сестеръ;—его любили и ласкали; но малѣйшіе намеки о возможности брака молодаго человѣка съ княжной, отражались безусловно ея непреклонною въ этомъ случаѣ матерью. Также точно, съ другой стороны, всѣ предложенія дѣлаемыя княжнѣ, повидимому очень выгодными женихами, отклонялись ею подъ разными благовидными предлогами, но съ твердостью и рѣшимостью.

Кромѣ Щербатовыхъ, Блудовъ посѣщалъ очень часто домъ Хвостовой, урожденной Херасковой, женщины очень умной, въ обществѣ которой онъ любилъ бывать. Пустые толки объ этихъ посѣщеніяхъ, доходившіе даже до княжны Щербатовой и смущавшіе ея кроткое сердце, опровергались всѣми тѣми, кто зналъ его страстную любовь. Нѣсколько времени спустя, онъ сблизился съ семействомъ Оленина, бывшаго президентомъ Академіи Художествъ; здѣсь то онъ и сошелся съ тогдашними литераторами.

У Державина, который въ 1802 г., при образованіи министерствъ, назначенъ былъ министромъ Юстиціи, Блудовъ, не смотря на родственныя съ нимъ связи, бывалъ не часто. Должно полагать, что разность убѣжденій, еще болѣе чѣмъ лѣта и званіе, полагали препятствія ихъ сближенію. Державинъ, какъ извѣстно, безусловно порицалъ н [illegible] денія и восхвалялъ старину. Впрочемъ, Б [illegible]
въ немъ поэтическій даръ, и [illegible]
тому можетъ служить пред [illegible]

а также новые уставы Академіи Наукъ, Академіи Художествъ и другія мѣры Правительства, направленныя къ распространенію высшихъ учебныхъ заведеній, занимали всѣхъ.

Блудовъ простился съ матерью съ грустнымъ, до того времени не испытываемымъ имъ чувствомъ, какъ будто предвидя, что не увидится болѣе съ нею, хотя положеніе ея, повидимому, нѣсколько улучшилось.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ скоро нашелъ ту дѣятельность, которой такъ желала его энергическая натура. Послѣ увольненія въ отпускъ государственнаго канцлера, графа Воронцова, въ 1804 г., вступилъ въ управленіе коллегіей Иностранныхъ дѣлъ товарищъ его, князь Адамъ Чарторижскій. Приверженецъ союза съ Австріей, онъ конечно не могъ въ то время оставаться долго въ главѣ нашей политики. Напрасно силился онъ доказать, въ особыхъ меморіяхъ, тождество нашихъ интересовъ съ Австріей и враждебное соприкосновеніе ихъ во всѣхъ пунктахъ съ Пруссіей (*),— не смотря на докторальный тонъ ихъ, въ нихъ видна близорукость взгляда и несоотвѣтственная тогдашнимъ обстоятельствамъ самоувѣренность. Какъ мелки его предположенія съ тѣмъ проницательнымъ взглядомъ Александра, который уже готовилъ себѣ, хотя въ неблизкомъ будущемъ, союзы прочные, надежные, на которые бы онъ могъ съ вѣрою опираться въ критическихъ обстоятельствахъ.

Чарторижскій оставался только до 1806 г. Генералъ отъ инфантеріи баронъ Будбергъ, бывшій посланникомъ въ Швеціи, замѣстилъ его. Онъ кажется самъ видѣлъ, что это назначеніе только временное, такъ сказать переходное, не но-

---

(*) *Alexandre I et le prince Czartoryski*—etc. publ. par le Pr. Vlad. Czartoryski.—Paris 1865.

сившее на себѣ никакого характера, чего кажется въ то время и желалъ Государь. Баронъ Будбергъ, какъ бы чувствуя свою немощь, испросилъ Государя назначить ему товарищемъ графа (впослѣдствіи князя) Александра Николаевича Салтыкова, сына извѣстнаго фельдмаршала, которому Будбергъ многимъ былъ обязанъ. Графъ Салтыковъ замѣтилъ вскорѣ способности Блудова и употребилъ ихъ въ дѣло; онъ прикомандировалъ его къ себѣ и занималъ постоянной работой. Здѣсь пріобрѣлъ онъ впервые навыкъ къ служебной дѣятельности вообще и къ дипломатической переепискѣ особенно.

Черезъ годъ баронъ Будбергъ былъ уволенъ, сначала въ отпускъ, а потомъ отъ всѣхъ должностей. Его мѣсто заступилъ министръ Коммерціи графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, сохранивъ и прежнее свое званіе. Не смотря на фамильныя несогласія съ Салтыковыми, онъ сохранилъ при себѣ товарищемъ графа Александра Николаевича, отдавая полную справедливость его способностямъ. Во время частыхъ отсутствій графа Румянцова изъ Петербурга коллегіей управлялъ графъ Салтыковъ, и значеніе Блудова увеличивалось, какъ вдругъ сильный тифъ прервалъ его занятія. Онъ былъ на краю могилы; только молодая и здоровая природа могла выдержать борьбу между жизнью и смертью. Въ это время получено было извѣстіе объ опасномъ положеніи Катерины Ермолаевны и вслѣдъ за тѣмъ о ея смерти (*), о чемъ рѣшились сказать ему только по выздоровленіи; этотъ ударъ едва не сломилъ его опять. Блудовъ всегда съ сожалѣніемъ вспоминалъ, что не присутствовалъ при кончинѣ матери, не могъ принять ея послѣдняго вздоха, послѣдняго благословенія; но тѣмъ сильнѣе привязался онъ къ графинѣ Каменской,

(*) Она умерла 1 Января 1807 года, на 53

дѣлъ, что онъ, до тѣхъ поръ получавшій самое скудное содержаніе, которымъ едва могъ существовать, очутился вдругъ богатымъ человѣкомъ, получающимъ до 35.000 рублей годоваго дохода. Катерина Ермолаевна терпѣніемъ и постоянною бережливостью, при помощи добраго сосѣда по Казанскому имѣнію Молоствова, достигла своего желанія, и оставила по смерти своей имѣніе чистое отъ всѣхъ долговъ.

Хотя матеріальное положеніе Блудова значительно улучшилось и давало ему возможность устроиться безбѣдно съ женой, однако княгиня Щербатова все еще не соглашалась отдать за него дочь свою, не смотря на то, что оставшись вдовой, она нашла свои собственныя дѣла въ разстройствѣ. Всѣ надежды Блудова основывались на пріѣздѣ графа Каменскаго, котораго ожидали со дня-на-день въ Петербургъ.

Графъ Каменскій, послѣ блистательныхъ побѣдъ надъ Шведами, ускорившихъ заключеніе славнаго мира, былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею на Дунаѣ. Молодой герой выказалъ въ войнѣ съ Шведами рѣдкія военныя способности—въ этомъ отдавали ему справедливость даже завистники его, а такихъ было очень много.

Старые и заслуженые генералы не безропотно переносили начальство тридцатилѣтняго главнокомандующаго; за то Россія видѣла въ немъ всю надежду свою въ той гигантской борьбѣ, которую предвѣщали ей знаменія небесныя и земныя. Каменскій былъ львомъ Петербурга. Кто бы могъ подумать тогда, что это послѣднее торжество его въ столицѣ Россіи, кто могъ предвидѣть печальный конецъ этой исполненной драматизма жизни. Графъ Каменскій былъ очень друженъ со своею кузиной Щербатовой и любилъ Блудова. Нечего и говорить, что онъ принялъ живое участіе въ ихъ судьбѣ; его убѣжденія конечно имѣли большое зна-

ченіе у княгини Щербатовой. Чтобы удовлетворить ея тщеславію, онъ предложилъ Блудову мѣсто правителя дипломатической канцеляріи при себѣ, что конечно было очень лестно для молодаго человѣка, и онъ принялъ его съ радостью; впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, и для пользы самаго дѣла, нельзя было сдѣлать лучшаго выбора.

Главнокомандующій, на пути въ армію, провелъ нѣсколько дней въ Москвѣ, въ своемъ семействѣ. Среди общаго торжества, онъ потерпѣлъ пораженіе, котораго всего менѣе ожидалъ. Онъ рѣшился сдѣлать предложеніе гр. О. Ч., въ любви которой не сомнѣвался, и вовсе неожиданно получилъ отказъ. Если не любовь, то тщеславіе его было сильно уязвлено. Онъ пытался было объясниться, но она осталась непреклонною, хотя послѣ его смерти дала слово не выходить за мужъ и сдержала это слово; доживши до глубокой старости, тридцать лѣтъ послѣ смерти Николая Михайловича, она вспоминала о немъ подругѣ своей молодости съ прежнимъ увлеченіемъ любви и страсти; ни время, ни постъ и молитва, которой она постоянно была предана, не охладили ея чувствъ. Какъ объяснить такое психологическое явленіе? Было-ль это убѣжденіе, что графъ Каменскій не могъ любить ее, весьма не красивую по наружности; что сердце его схоронено въ могилѣ женщины, которую онъ впервые и страстно любилъ; что предложеніе его есть дѣло разсудка, чтобы не сказать расчета; было-ль это предчувствіе скорой смерти героя,—мы не беремся рѣшить.

Разстроенный, въ высшей степени взволнованный воротился онъ домой и объявилъ, что въ тотъ же день уѣзжаетъ. Послѣ обычныхъ напутствій, когда Каменскій уже готовился сѣсть въ экипажъ, подошелъ къ нему юродивый, который часто бывалъ въ домѣ Каменскихъ, и подалъ платокъ, сказалъ—«возьми на счастье». Чтобы н[illegible] бить бѣдняка, графъ принялъ его подаро[illegible]

въ разсѣянности отдалъ своему адъютанту. Судьба графа Каменскаго извѣстна; адъютантъ его, впослѣдствіи, достигъ важнѣйшихъ степеней въ государствѣ. Конечно, онъ заслужилъ ихъ; но въ семействѣ графа Каменскаго было повѣрье, что онъ обязанъ этому платку своимъ счастьемъ. Это семейное преданіе занесено здѣсь, какъ характеристическая черта времени, по разсказамъ сохранившимся въ фамиліи графа Каменскаго и князя Щербатова. Мы было отнеслись къ бывшему адъютанту графа Каменскаго, прося его дополнить и повѣрить это преданіе какъ и многое другое, но письмо наше уже не застало его въ живыхъ.

Война съ Турціей шла медленно, вяло. Престарѣлый фельдмаршалъ князь Прозоровскій, нѣкогда храбрый и дѣятельный, походилъ болѣе на трупъ, чѣмъ на живаго человѣка. Правда, къ нему послали энергическаго генерала, извѣстнаго князя Багратіона, и тотъ, по временамъ сажалъ его на лошадь и выводилъ въ поле противъ Турокъ, но вдохнуть жизни не могъ: это была галванизація. Дѣйствуя именемъ главнокомандующаго и не имѣя его власти, онъ сталкивался безпрестанно съ постороннимъ вліяніемъ, и ни какъ не могъ сообщить арміи того единства и энергіи, которыя необходимы для рѣшительнаго успѣха.

Графъ Каменскій принялъ начальство уже отъ князя Багратіона, временно занимавшаго послѣ смерти князя Прозоровскаго его мѣсто. Въ арміи числилось всего 75.125 человѣкъ подъ ружьемъ (*), войска, конечно, храбраго, но ис-

(*) Бантышъ-Каменскій, заимствовавшій свои свѣдѣнія, какъ самъ онъ говоритъ, изъ описаній походовъ Михайловскаго-Данилевскаго, полагаетъ численность арміи въ 87.089 человѣкъ; вѣроятно тутъ включены и нестроевые, а можетъ быть и 10 дивизія Левиза, которой велѣно двинуться на Дунай. Мы заимствовали свѣдѣнія свои изъ данной графу Каменскому инструкціи (Архивъ мин. Ин. дѣлъ).

томленнаго трудной и продолжительной кампаніей и разстроеннаго безпрестанными стычками съ непріятелемъ и дунайскими лихорадками. Съ этими силами ему предписывалось какъ можно скорѣе покончить войну съ Турками, впредвидѣніи будущей Европейской войны, и покончить на такихъ условіяхъ, на которыя Турки могли бы согласиться только увидѣвши русскихъ казаковъ въ самомъ Константинополѣ. Отъ нихъ требовали уступки трехъ провинцій по Дунаю: Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, прекращеніе войны съ Сербіей, дарованіе ей вполнѣ самостоятельности и уплаты огромной контрибуціи. Не говорю уже о другихъ не столь важныхъ условіяхъ мира. Графъ Каменскій пытался было возражать еще въ Петербургѣ, но ему отвѣчали, что онъ не знаетъ мѣстнаго положенія дѣлъ, и потому предварительно долженъ ознакомиться съ нимъ. Онъ писалъ изъ Бухареста, изъ военныхъ лагерей за Дунаемъ,—ему отвѣчали уклончиво или дѣлали ничтожныя уступки. Какъ бы то ни было, но молодой главнокомандующій, назначенный указомъ 4-го Февраля 1810 года на этотъ важный постъ, весной того же года, открылъ кампанію со всѣми военными силами, которыми могъ располагать, за отдѣленіемъ отряда на границы Сербіи для вспомоществованія ея военнымъ дѣйствіямъ, и прикрытія Дунайскихъ княжествъ отъ вторженія Турокъ. Быстро и смѣло подвигался онъ впередъ, поражая и гоня передъ собой непріятеля, овладѣлъ Базарджикомъ, Разградомъ, Силистріей и подступилъ подъ Шумлу; но тутъ остановился: силы его едва ли превышали числомъ гарнизонъ крѣпости, въ которой начальствовалъ верховный визирь. Надо было вести правильную осаду, а между тѣмъ изъ Петербурга торопили окончаніемъ войны. Овладѣть штурмомъ городъ, укрѣпленный природой еще сильнѣе, чѣмъ искусствомъ, было невозможно. Гр
менскій рѣшился измѣнить военныя дѣйствія

ну, и, по овладѣніи ею, направиться къ Балканамъ восточнымъ путемъ; однимъ словомъ, онъ предпринималъ тотъ планъ, который имѣлъ въ виду князь Прозоровскій, по которому впослѣдствіи дѣйствовали другіе главнокомандующіе въ Турціи, несмотря на то, что онъ представлялъ множество неудобствъ, какъ въ отношеніи естественнаго положенія края, такъ и въ политическомъ. Добруча и прибрежный край лишены средствъ продовольствія арміи и пагубно дѣйствуютъ на здоровье солдатъ, какъ показалъ опытъ; близость Чернаго моря и слѣдовательно содѣйствіе нашего флота даже тогда, когда флотъ черноморскій былъ въ наилучшемъ состояніи, мало приносило пользы. Наконецъ, если и предположить, что армія достигнетъ до Константинополя, то въ какомъ положеніи прійдетъ она? Вспомнимъ, въ какомъ состояніи находились войска наши въ Адріанополѣ въ 1829 году. Наконецъ, допустятъ ли европейскія державы, которымъ такъ легко двинуть флоты свои къ стѣнамъ Константинополя, чтобы мы овладѣли имъ, если бы даже и въ состояніи были уничтожить турецкія силы.

Другой планъ военныхъ дѣйствій, который, кажется, одно время былъ въ виду у Каменскаго, обѣщавшаго было существенную помощь Сербамъ, состоялъ въ томъ, чтобы, оставивъ отрядъ для тѣсной блокады Шумлы, если не удастся овладѣть ею, съ остальнымъ войскомъ вторгнуться въ Герцеговину и Боснію, отрѣзать эти провинціи отъ Турціи и такимъ образомъ лишить ея своихъ важнѣйшихъ средствъ и запасовъ и пріобрѣсть въ союзники воинственныя и жаждущія свободы племена, а съ тѣмъ вмѣстѣ войти въ сношеніе съ Греками Балканскаго полуострова. Скажутъ, что это отдалило бы насъ отъ главнаго базиса операцій; но мы обезопасили бы тылъ свой преданною намъ Сербіей; между тѣмъ, какъ при нашемъ обычномъ способѣ дѣйствій, мы находимся въ постоянномъ тревожномъ состояніи за пра-

вый флангъ и тылъ отъ нападенія Австріи. Не смотря на наши лучшія отношенія съ Вѣнскимъ кабинетомъ въ 1810 году, не смотря на единство пользы обоюднаго согласія и всѣхъ увѣреній графа Румянцова, Каменскій постоянно былъ въ тревогѣ за сомнительность дѣйствій Вѣнскаго двора, скоплявшаго войска свои въ Галиціи и Венгріи. Не говорю уже о дѣйствіяхъ Австріи въ послѣднюю войну нашу съ Турціей. Думаю, что графъ Каменскій, полный молодости и отваги, увѣренный въ себѣ и въ войскѣ, могъ бы привести въ исполненіе этотъ смѣлый планъ дѣйствій, который скорѣе доставилъ бы намъ желанный миръ.

Чтобы обезопасить тылъ арміи отъ Турокъ и дорожа временемъ, главнокомандующій рѣшился взять Рущукъ приступомъ. 22-го Іюля, въ 3 часа по-полуночи, войска, въ числѣ 20.000, вступили въ дѣло. Къ сожалѣнію Бошнякъ-Ага, защищавшій крѣпость былъ предупрежденъ о нашихъ приготовленіяхъ; еще къ большому сожалѣнію, взятыя для приступа лѣстницы оказались коротки. Тѣмъ не менѣе, войска и особенно генералы и офицеры дѣлали, что могли.— Рѣзня была страшная и продолжалась пять часовъ. Наконецъ, русскія войска отступили съ огромной потерею. Выбыло изъ строя убитыми и ранеными 8.515 человѣкъ, 4 генерала и 363 офицера.

Казалось интрига и зависть только и ожидали пораженія молодаго полководца, чтобы возстать противъ него открытою силой; если вѣрить современникамъ, даже старшаго брата Каменскаго, у котораго нельзя отвергать ни воинскихъ способностей, ни фамильной храбрости, увлекли въ эту интригу слишкомъ постыдную, чтобы говорить о ней. Въ арміи было много генераловъ и офицеровъ, прикомандированныхъ изъ гвардейскихъ полковъ; они особенно были раздражены противъ главнокомандующаго, который ... ъ ввѣрять имъ отдѣльныхъ частей ве

этого старыхъ боевыхъ генераловъ арміи; множество писемъ и даже доносы направлены были въ Петербургъ.

Чтобы сколько нибудь объяснить дѣло въ настоящемъ видѣ и показать, что положеніе наше, послѣ отбитія штурма, вовсе не отчаянно, графъ Каменскій рѣшился послать Блудова въ Петербургъ, испросивъ ему предварительно отпускъ. Но отсылая его, онъ лишился человѣка, котораго искренно любилъ, съ которымъ могъ отвести душу, истомленную усиленною нравственной работой. Онъ, всегда кроткій, любимый арміей, сдѣлался раздражителенъ; душа и тѣло отказывались отъ покою; онъ сдѣлался болѣзненъ, а между тѣмъ жаждалъ дѣятельности. Выманивъ Куманецъ-пашу, шедшаго на выручку Рущука, изъ укрѣпленнаго лагеря при Батинѣ, онъ разбилъ его на голову, втопталъ въ лагерь и гналъ потомъ нѣсколько верстъ бѣгущее въ безпорядкѣ и въ разбродѣ турецкое войско. Непріятель, вдвое превосходившій числомъ русскія войска (у графа Каменскаго было до 20.000 войска), лишился всей своей артиллеріи и 4.684 плѣнныхъ; Куманецъ-паша убитъ. Торжество побѣды было полное. Въ войскѣ возродилась прежняя довѣренность къ своему вождю. Рущукъ сдался. За нимъ пали другія турецкія крѣпостцы: Журжа, Систово, Никополь, Турново, и если графъ Каменскій остановилъ свое побѣдоносное шествіе впередъ, то только потому, что наступившая совершенная распутица и время года помѣшали военнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ графъ Каменскій послѣ пораженія своего подъ Рущукомъ, въ пылу досады, просилъ объ увольненіи его отъ командованія войсками. Императоръ Александръ, съ тѣмъ тонкимъ знаніемъ человѣческаго сердца, которымъ отличался, написалъ ему собственноручный отвѣтъ: не упреками осыпалъ онъ его, но успокоивалъ, утѣшалъ въ несчастіи, говорилъ, что неудачи неизбѣжны въ продолженіи большой войны и оставляя главнокомандующимъ, пред-

вѣщалъ ему побѣду. Мы видѣли, что предвѣщанія его оправдались. Въ награду за дѣло при Батинѣ, Государь послалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Графъ Каменскій возстановилъ вполнѣ свою воинскую славу; клевета и зависть смолкли; Государь осыпалъ своими милостями. Многократныя представленія его о невозможности заключенія мира на условіяхъ предписанныхъ инструкціей, какъ показали всѣ сношенія съ верховнымъ визиремъ и личныя объясненія въ Петербургѣ Блудова, понудили наконецъ наше правительство сдѣлать нѣкоторыя уступки. Графъ Каменскій ревностно занялся планомъ и приготовленіями къ будущей кампаніи, хотя часто занятія его прерывались болѣзнію. Онъ проводилъ зиму въ Бухарестѣ, гдѣ всѣ старались угождать и тѣшить молодаго главнокомандующаго. На одномъ изъ баловъ, даваемыхъ для него и въ честь его, онъ, послѣ выпитаго стакана лимонада, почувствовалъ себя дурно; воротившись скорѣе домой, онъ сильно занемогъ,—и уже не оправлялся болѣе. Его отправили въ Одессу.

Въ этой войнѣ являются дѣятелями, уже довольно видными, двое молодыхъ людей, занимавшихъ впослѣдствіи важные государственные посты: князь Меншиковъ и Закревскій (впослѣдствіи графъ)—оба очень близкіе люди Каменскому, любимые имъ: кн. Меншикову выпалъ печальный жребій везти больнаго, полуумирающаго молодаго главнокомандующаго въ Одессу (*); Закревскій повезъ бумаги его въ С.-Петербургъ, гдѣ и обратилъ на себя вниманіе выс-

(*) Во время путешествія, Каменскому сдѣлалось очень дурно: кн. Меншиковъ, опасаясь за жизнь его, велѣлъ остановить лошадей, вынесть изъ экипажа больнаго и положить на разостланномъ коврѣ. Когда онъ осмотрѣлся, то замѣтилъ, что это была та самая мѣстность, на которой скончался П[illegible]кинъ, какъ свидѣтельствовала стоявшая тутъ колонна (со словъ кн. Меншикова).

шихъ властей. Графъ Каменскій скончался 4 Мая 1811 года на 34 году отъ рожденія.

Въ то время большинство было увѣрено, что онъ былъ отравленъ; но кѣмъ? за что? Многіе утверждали, конечно безъ основанія, что Франція хотѣла отдѣлаться отъ полководца, который могъ ей быть опаснымъ при замышляемой уже войнѣ. Другіе приписывали этотъ поступокъ Туркамъ; были наконецъ, которые утверждали, что ревность женщины служила поводомъ къ отравленію. Послѣднее особенно не правдоподобно. Конечно, подкупъ на какое угодно преступленіе очень легокъ въ Валахіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ, терпимость тамошнихъ женщинъ безгранична; онѣ допускаютъ всевозможныя уклоненія отъ вѣрности въ любви и вполнѣ пользуются сами этимъ правомъ. Какъ бы то ни было, но Россія, въ самое нужное для нея время, лишалась лучшаго своего полководца, и не одна мать, не одинъ Блудовъ оплакивали его кончину; повсюду слышно было искреннее сожалѣніе объ этой преждевременной утратѣ; солдаты дѣлали между собою складчину и едва ли не въ каждомъ полку заказывали отъ себя панихиды по усопшемъ. Они искренно любили своего молодаго вождя.

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій въ военномъ дѣлѣ былъ ученикомъ великаго Суворова, который, не смотря на непріязнь къ нему стараго фельдмаршала, обласкалъ молодаго человѣка, и далъ ему возможность выказать свои способности. Особенно, при защитѣ переправы черезъ Чортовъ мостъ, въ главѣ своего Мушкетерскаго полка, онъ оказалъ чудеса храбрости: пуля пробила его шляпу, но не коснулась его. Онъ тогда уже былъ генералъ-маіоромъ, не смотря на то, что едва достигъ 21 года. Потомъ онъ участвовалъ въ главнѣйшихъ дѣлахъ противъ французовъ и за дѣло при Прейсишъ-Эйлау получилъ Георгія 3 степени.

Тѣло Николая Михайловича Каменскаго было перевезено

въ с. Сабурово, Орловской губерніи, гдѣ погребено рядомъ съ прахомъ отца, а сердце, по просьбѣ матери, въ Москву, гдѣ хранилось въ урнѣ, въ церкви, до смерти графини Анны Павловны и, по ея волѣ, погребено съ нею вмѣстѣ на кладбищѣ въ Дѣвичьемъ Монастырѣ рядомъ съ Катериной Ермолаевной Блудовой.

Для молодаго Блудова трудная боевая жизнь послужила лучшею практическою школою. На бивуакахъ, въ лагерѣ, подъ звуки барабаннаго боя и гула орудій, писалъ онъ донесенія и депеши, самъ переписывалъ ихъ, и мы должны отдать справедливость, что почеркъ его былъ нѣкогда не такъ дуренъ, какъ впослѣдствіи; онъ принималъ сербскихъ депутатовъ, являвшихся безпрестанно то съ доносами на Кара-Георгія, то съ различными просьбами и предложеніями, разбиралъ и сводилъ воедино для доклада главнокомандующему многоразличныя жалобы на нашего агента въ Сербіи Р., котораго, наконецъ, графъ Каменскій принужденъ былъ отозвать ужъ для того одного, чтобы спасти его отъ всеобщаго раздраженія; выслушивалъ Болгарскихъ старшинъ, и среди всѣхъ этихъ тревогъ и заботъ еще находилъ время писать прокламаціи то къ жителямъ Болгаріи, то къ народу Сербскому, заклиная именемъ Бога и спасенія отечества прекратить раздоры. Здѣсь онъ впервые сблизился съ племенами Славянъ, подъ Турецкимъ игомъ находящихся; въ памяти его навсегда сохранилась безусловная храбрость Сербовъ, страданія Болгаръ, общая привязанность къ Россіи и преданность религіи христіанъ въ Турціи, не смотря на всѣ преслѣдованія, особенно въ тогдашнее время; впослѣдствіи, Блудовъ вездѣ, гдѣ могъ, отстаивалъ интересы этихъ племенъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Свиданіе двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ и предшествующія ему событія; взаимныя отношенія; личный характеръ Императора Александра 1-го. Послѣдствія Тильзитскаго мира; континентальная система и вліяніе ея въ Россіи. Общее настроеніе и негодованіе. Графъ Сперанскій; графъ Поцо-ди-Борго и графъ Каподистрія; отношенія къ нимъ Блудова.

Привлекательная личность молодаго главнокомандующаго, графа Каменскаго, и его семейство, съ которымъ тѣсно связана судьба Блудовыхъ, отвлекли насъ отъ совершавшихся событій. Мы обозначили, хотя не многими чертами, реформы, которыя Государь вводилъ въ Россіи, помышляя о совершенно новомъ строѣ всего государственнаго управленія и органической жизни народа; но мы не говорили о военныхъ событіяхъ, потрясавшихъ всю Европу, а съ нею и Россію и коснулись только тѣхъ, которыя совершались на окраинахъ ея. Эти событія принадлежатъ военной исторіи и уже занесены въ нее; но для насъ важны послѣдствія ихъ, по вліянію, которое онѣ имѣли на судьбу Россіи и дальнѣйшее развитіе народа.

Храбрый Кульневъ говаривалъ: «матушка Россія тѣмъ хороша, что въ ней всегда въ какомъ нибудь углу дерутся». Эти слова особенно примѣнимы къ тому десятилѣтію, которое предшествовало 1815 году, положившему конецъ кровопролитію.

Русскія войска, сражавшіяся въ Германіи противъ французовъ, превосходившихъ ихъ числительностью и образованіемъ и предводимыхъ лучшимъ полководцемъ въ мірѣ, Наполеономъ, отступали къ нашей границѣ. Уступая каждый шагъ земли съ бою, они иногда брали верхъ надъ непріятелемъ и были еще до того сильны при обратномъ переходѣ чрезъ Нѣманъ, что Наполеонъ согласился на предложенное ему перемиріе; вслѣдъ за тѣмъ совершилось знаменитое свиданіе двухъ Императоровъ, на срединѣ Нѣмана, у Тильзита, 13 Іюня 1807 года. Событіе это имѣло вліяніе на судьбу современной Европы, а впослѣдствіи и самого Наполеона. Когда превратности войны предали его въ руки союзниковъ и заставили отъ нихъ однихъ ожидать рѣшенія своей участи, Императоръ Александръ, какъ извѣстно, много содѣйствовалъ къ облегченію этой участи.

Для насъ остались бы непонятными какъ взаимныя отношенія двухъ Императоровъ, такъ и дальнѣйшее развитіе событій царствованія Александра I, если бы мы не уяснили себѣ личный характеръ Государя. Вполнѣ постигаемъ, что уловить эти тонкія, переходныя, летучія черты, едва доступныя пониманію близкихъ ему современниковъ, весьма трудно, но мы представимъ ихъ такъ, какъ онѣ напечатлѣлись въ насъ самихъ послѣ долгаго, безпристрастнаго изученія.

Александръ I былъ по преимуществу *человѣкъ* въ высокомъ, многообъемлющемъ смыслѣ этого слова, а потомъ уже Государь! Природа соединила въ немъ умъ обширный, сердце исполненное высокихъ ... ысль пытливую, проницательную; н... рьба то съ

судьбою, то съ людьми или самимъ собой нерѣдко колебала его вѣру въ собственныя силы. Недовѣрчивый къ себѣ, онъ искалъ опоры въ людяхъ, разрѣшенія сомнѣній въ тайнахъ природы, безраздѣльно предавался избраннымъ друзьямъ, предавался мистицизму, но ни въ тѣхъ, ни въ другомъ не находилъ отвѣта своему пытливому сердцу, не находилъ чего искалъ, отвращался отъ нихъ и опять заключался въ самомъ себѣ. Онъ создавалъ въ своемъ воображеніи идеалы, которые разбивались при столкновеніи съ дѣйствительностію, и тѣмъ печальнѣе казалась для него эта дѣйствительность. Его упрекали въ шаткости характера, недостаткѣ силы воли, въ противорѣчіи самому себѣ, но мы увидимъ впослѣдствіи какъ бывала несокрушима эта воля, освободившаяся отъ посторонняго вліянія. Въ первые же мѣсяцы своего царствованія, не смотря на молодость и неопытность, онъ умѣлъ сбросить съ себя то насильственное вліяніе, которымъ было думалъ пользоваться графъ Паленъ. А дѣйствія его въ отечественную войну! Допустимъ еще, что въ бытность непріятеля въ предѣлахъ Россіи весь народъ, соединившись какъ одинъ человѣкъ, увлекалъ его за собою къ одной общей цѣли; но послѣ, за границей, когда вся среда, въ которой находился онъ, требовала мира съ Наполеономъ,—кто, какъ не онъ одинъ, рѣшился дать этотъ миръ только въ Парижѣ? Кто увлекъ союзниковъ, противъ ихъ желанія, въ Парижъ?

Воспитаніе, чуждое соприкосновенія съ внѣшнею жизнію, на немъ отразилось болѣе другихъ и оставило неизгладимые слѣды въ его воспріимчивомъ характерѣ. Онъ выросъ между двумя дворами—бабки и отца, непріязненными между собою, противоположными по направленію: при одномъ господствовала роскошь, расточительность, постоянныя празднества, свобода нравовъ, доходившая до излишества, но вмѣстѣ съ тѣмъ свобода мысли, часто блестящей, иногда глубокой; при другомъ—ропотъ негодованія и военный

строй, замѣнявшій всѣ удовольствія. Сходились они только въ томъ, что интрига, преобладавшая при большемъ дворѣ, проникала и въ Гатчину, благодаря проискамъ Ш. и Г. и даже опутывала самого Александра. Принужденный уживаться при томъ и другомъ дворѣ, вовсе къ нимъ не расположенный, могъ ли онъ непріучиться заранѣе къ скрытности? Самое воспитаніе его ввѣрено было двумъ лицамъ, совершенно противоположныхъ началъ. Съ одной стороны, гражданинъ свободной республики, открытый и честный Лагарпъ преподавалъ ему свои правила; съ другой—испытанный въ придворной жизни, умѣвшій ужиться при трехъ царствованіяхъ, Салтыковъ (*) (впослѣдствіи князь) внушалъ ему свои убѣжденія. Знаменитѣйшіе профессора преподавали ему разныя науки, но о нравственномъ воспитаніи мало заботились. Самъ Императоръ говорилъ Прусскому епископу Эйлерту въ 1818 г. «пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога.... (**) Искупленію Европы отъ погибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ». По желанію Императрицы—бабки, онъ вступилъ въ бракъ на 16 году: могъ ли онъ понимать всю важность семейныхъ обязанностей!

Личность Государя исполнена высокаго драматизма и достойна глубокаго изученія психолога, также точно какъ царствованіе его, конечно послужитъ цѣлой наукой для

(*) Салтыковъ (род. 1736 г. ум. 1816) при Екатеринѣ возведенъ въ графское достоинство, при Павлѣ получилъ фельдмаршальскій жезлъ, не отлучаясь отъ двора, при Александрѣ—княжеское достоинство и назначеніе предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Князь Салтыковъ имѣлъ при себѣ офицерскій караулъ. Какъ бы для окончанія своего придворнаго образованія, онъ въ молодости провелъ нѣсколько времени при дворѣ Прусскаго Короля Фридриха II.

(**) Eylert: Characte

изученія политики и государственнаго управленія. Англійскій писатель Аллисонъ, въ своей «Исторіи Европы отъ начала французской революціи до возстановленія Бурбоновъ», справедливо выразился объ этомъ царствованіи: «по массѣ и важности соединившихся въ немъ произшествій, едва ли можно найти подобное ему въ цѣлой исторіи рода человѣческаго». Народы и государства удивлялись его славѣ, его величію, его уму и всепобѣждающей силѣ его обращенія, но никому и въ мысль не приходило, при видѣ этого счастливѣйшаго въ мірѣ Государя, задать себѣ вопросъ, что творится въ глубинѣ души его? Мы будемъ имѣть возможность, впослѣдствіи, проникнуть въ тайникъ этого сердца,— благо онъ самъ раскрываетъ его въ своихъ письмахъ и разговорахъ. Изъ нихъ, какъ изъ самихъ дѣйствій мы увидимъ, что если онъ иногда падалъ, то потомъ подымался еще сильнѣе, еще побѣдоноснѣе. Въ позднѣйшую уже эпоху его царствованія одинъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса писалъ о немъ (*): «Этотъ Государь честнѣйшій человѣкъ—во всемъ обширномъ значеніи слова—какого я когда либо зналъ; онъ можетъ быть часто поступаетъ дурно, но въ душѣ его постоянное стремленіе къ добру». Вотъ почему мы глубоко сокрушаемся, что смерть застала его въ минуту душевной слабости; мы не сомнѣваемся, мы убѣждены, что онъ вышелъ бы изъ этого временнаго нравственнаго упадка и сталъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда для Россіи, или обратился бы къ частной жизни, къ чему душою стремился. Впрочемъ, въ какой бы средѣ онъ ни дѣйствовалъ,—родись простымъ гражданиномъ, онъ имѣлъ бы одинаковое вліяніе, только въ другой сферѣ. Какому то обаятельному влеченію подпадало все, что соприкасалось къ

(*) Депеша виконта Фероне, французскаго посла при Александрѣ, къ министру Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 19 Мая 1823 года.

нему, и люди, окружавшіе его, любили его съ страстнымъ увлеченіемъ. Письма къ нему холоднаго естествоиспытателя Паррота дышатъ горячею привязанностью, «Если я могу Васъ любить такъ, какъ люблю, то какая же женщина противостоитъ Вашему сердцу...» писалъ онъ однажды.

Отъ природы умѣренный въ желаніяхъ, скромный и даже робкій, онъ подчинялъ своему вліянію другихъ именно тѣмъ, что не желалъ господствовать, не стремился къ преобладанію (*). Еще въ дѣтствѣ часто журили его за расположеніе къ лѣни, но это было какое то поэтическое бездѣйствіе, во время котораго онъ предавался всеувлекающему воображенію, уносясь въ міръ другой, отъ пошлой дѣйствительности; за то, если работа приходилась ему по сердцу, онъ трудился безъ устали. Частная его переписка была обширна; кромѣ того, въ архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ находятся собственноручныя инструкціи его нашимъ уполномоченнымъ при иностранныхъ дворахъ министрамъ, не говоря уже о томъ,

---

(*) Чтобы показать отношенія къ нему народа, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ записокъ очевидца, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ лести (Серг. Н. Глинка). «Перенеситесь мыслію въ Москву 6 Декабря 1809 г. Вотъ Императоръ Александръ I выходитъ изъ саней у Тверской заставы и въѣзжаетъ въ столицу верхомъ. Слышите звонъ колокольный, но онъ не заглушаетъ голосъ восхищеннаго народа. Слышите ли эти душевныя восклицанія: Отецъ! Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Государь ѣхалъ одинъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сонмами народа. Иные хватались за лошадь Императора; другіе цѣловали узду и стремена. Лошадь отъ давки народной покрыта была потомъ. Множество торопливыхъ рукъ стирали потъ платками и чѣмъ могли, чтобы передать эти памятники своимъ домашнимъ. И во все это время продолжались восклицанія: «Здравствуй надежда—Государь. Пріѣзжай къ намъ почаще. Мы каждый день, каждый часъ, нашъ родной отецъ, молимся за тебя Господу Богу». Вотъ Государь сходитъ съ лошади у Иверской Божіей Матери. Онъ преклоняетъ колѣно, онъ молится. И вся Москва въ лицѣ народа [illegible]няетъ колѣно и вся Москва молится съ Царемъ своимъ?....

придворной сценѣ; сколько крови портится при видѣ всѣхъ низостей, совершаемыхъ ежеминутно для полученія какого нибудь отличія, за которое я не далъ бы мѣднаго гроша. Истинное несчастіе находиться въ обществѣ такихъ людей. Словомъ, я сознаю, что не созданъ для такого мѣста, которое занимаю теперь и еще менѣе для того, которое предназначено мнѣ въ будущемъ; я далъ обѣтъ отдѣлаться отъ него тѣмъ или другимъ путемъ. Я долго обдумывалъ и разсматривалъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ; наконецъ пришелъ къ этому заключенію ....» Далѣе: «я всегда держался того правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ дурно исполнять его. Слѣдуя такому правилу я пришелъ къ рѣшенію, о которомъ говорилъ. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще опредѣлить время этого отреченія) поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно, частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь своимъ счастіемъ въ кругу друзей и въ изученіи природы.... Мысли жены моей, въ этомъ случаѣ, совершенно сходятся съ моими».

Это было писано еще въ 1796 году, когда увлеченія молодости могли имѣть вліяніе на душу Александра; но даже въ ту минуту, когда престолъ незапно представился передъ нимъ, онъ въ нерѣшимости остановился.... Потомъ онъ писалъ своему воспитателю и другу Лагарпу въ первые годы своего царствованія: «Когда Провидѣніе благословитъ меня возвести Россію на степень желаемаго мною благоденствія, первымъ моимъ дѣломъ будетъ сложить съ себя бремя правленія и удалиться въ какой нибудь уголокъ Европы, гдѣ безмятежно буду наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ». Впослѣдствіи, онъ гораздо положительнѣе говоритъ и даже дѣйствуетъ для достиженія этой конечной цѣли своего царствованія.

Теперь мы только слегка очертили замѣчательную личность Императора Александра I-го, котораго характеръ самъ собою будетъ развиваться передъ читателемъ.

При свиданіи двухъ Императоровъ, положеніе нашего Государя передъ торжествующимъ и побѣдоноснымъ Наполеономъ было очень невыгодно; находившіеся на мѣстѣ ожиданія, свидѣтельствуютъ о его уныніи, его мрачномъ настроеніи; но онъ не сознавалъ въ себѣ той внутренней силы, того чарующаго вліянія, которымъ обладалъ. Кто бы подумалъ, что Наполеонъ, недопускавшій въ жизни ни единаго въ себѣ увлеченія, основывавшій всѣ свои дѣйствія на точномъ математическомъ разсчетѣ, человѣкъ изсѣченный изъ мрамора и поставленный на недосягаемомъ бронзовомъ пьедесталѣ своей славы, въ которомъ было одно живое мѣсто, гдѣ сосредоточивался его свѣтлый умъ и безпредѣльное властолюбіе,—что и этотъ человѣкъ все таки поддается его вліянію. Мы готовы допустить, что обоюдныя обѣщанія были искренни въ то время, когда давались, готовы вѣрить, что если бы эти обѣщанія остались неизмѣнными, если бы онѣ могли осуществиться, если бы союзомъ двухъ Монарховъ достигались тѣ цѣли, тѣ побужденія, о которыхъ толковали въ Тильзитѣ по видимому съ такой въ нихъ вѣрой,—миръ былъ бы возстановленъ на долгое время въ Европѣ. Но направленія обоихъ Монарховъ были такъ различны, властолюбіе Наполеона, не знавшее предѣловъ, не терпящее ни чьего соперничества, было такъ извѣстно, что нельзя было непредвидѣть рано или поздно разрыва новаго союза, имѣвшаго повидимому всѣ признаки самой тѣсной дружбы.

Ежедневныя бесѣды, съ глазу-на-глазъ, продолжавшіяся далеко за полночь, не остались безъ дѣйствія на впечатлительную душу Александра. Г [illegible] ширили кругъ его воззрѣнія, представ[illegible] дметы и

что другія исполнены рѣшительно по мысли его. Большая часть манифестовъ, особенно писанныхъ при статсъ-секретарѣ Шишковѣ, исправлены его рукою. Государь писалъ по русски своеобразно, сильно, хотя иногда дѣлалъ ошибки въ правописаніи; впрочемъ, его статсъ-секретарь Сперанскій, несмотря на обширное образованіе, грѣшилъ также противъ правописанія и даже чаще его. По французски Александръ писалъ правильно, изящно.

Впослѣдствіи, совершенная безнадежность нерѣдко овладѣвала имъ; усталыя руки невольно опускались. Припомнимъ себѣ, съ какимъ постоянствомъ, съ какою энергіею, онъ преслѣдовалъ злоупотребленіе власти и беззаконіе суда, но потомъ, если онъ и не произнесъ извѣстной фразы, появившейся впервые, кажется, въ книгѣ Revelations of Russia, переведенной на французскій и нѣмецкій языки, и такъ часто повторяемой въ иностранной печати, то вѣрно смыслъ ея не разъ приходилъ ему въ голову. Конечно, только отчаяніе и увѣренность въ невозможности исправить зло могли породить подобную грустную мысль. Александру нужно было достигнуть цѣли такъ сказать сразу, однимъ взмахомъ,—иначе онъ останавливался на полу-пути, въ чемъ его часто укоряли; но едва ли въ природѣ человѣка, бравшагося за дѣло съ тѣмъ жаромъ, съ тѣмъ увлеченіемъ, съ которымъ обыкновенно принимался Александръ I, довести его съ тою же твердостію до конца.

Въ молодости еще онъ обнаруживалъ стремленіе къ добру и спѣшилъ на помощь ближнему, не соображая ни средствъ своихъ, ни обстоятельствъ: случилось ему услышать, что какой то старикъ, иностранецъ, нѣкогда служившій при академіи, находится въ крайней бѣдности,—онъ поспѣшно вынулъ 25 руб. и торопился отослать ихъ къ бѣдняку, хотя у него не оставалось болѣе денегъ. Узналъ онъ, что одинъ изъ щекатуровъ, работавшихъ у дворца, упалъ съ лѣсовъ и силь-

но ушибся: «отослать его въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все сіе деньги, послать больному нѣкоторую сумму, постель, свою простыню—было для него дѣломъ одной минуты». Мало этого,—онъ справлялся и заботился о больномъ каждый день, пока тотъ невыздоровѣлъ, скрывая отъ всѣхъ свой поступокъ, «который онъ считалъ долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ» (*). Такое настроеніе не измѣнилось впослѣдствіи, только облеклось въ другую форму. Событія, сопровождавшія пожаръ Москвы и наводненіе Петербурга доказали это. Онъ былъ доступенъ правдѣ; болѣе,—любилъ, чтобы ему говорили открыто и смѣло, хотя бы самыя горькія истины. Едва ли частный человѣкъ вынесъ бы терпѣливо тѣ укоры, которыми осыпалъ его другъ вѣрный, искренній, но слишкомъ брюзгливый и самоувѣренный, Парротъ. Но пусть бы еще Парротъ, любившій его страстно, могъ позволить себѣ говорить такимъ образомъ; по какому праву ворчалъ и бранился въ теченіи цѣлаго дня гр. Т.?—потому развѣ, что его обязанности дозволяли ему находиться цѣлый день во дворцѣ,и Государь снисходительно терпѣлъ эти выходки.

Александръ нѣсколько разъ выражалъ, какъ тягостна для него власть и что онъ «не рожденъ быть деспотомъ» (его собственныя слова). Въ письмѣ къ другу своему В. П. Кочубею, онъ между прочимъ говоритъ (**) «Да, милый другъ, повторяю, мое положеніе вовсе неутѣшительно; для меня оно слишкомъ блистательно и не по характеру, который желаетъ только покоя и тишины. Дворъ созданъ не для меня. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на

(*) *О юности Александра I, Лейпцигъ 1862 г.* журналъ, или часть журнала одного изъ воспитателей Александра I, изданный кн. Ав. Голицынымъ.

(**) Подл. док. (на франц. яз.) и Восп. на пр. Имп. Николая I, бар. Корфа.

придворной сценѣ; сколько крови портится при видѣ всѣхъ низостей, совершаемыхъ ежеминутно для полученія какого нибудь отличія, за которое я не далъ бы мѣднаго гроша. Истинное несчастіе находиться въ обществѣ такихъ людей. Словомъ, я сознаю, что не созданъ для такого мѣста, которое занимаю теперь и еще менѣе для того, которое предназначено мнѣ въ будущемъ; я далъ обѣтъ отдѣлаться отъ него тѣмъ или другимъ путемъ. Я долго обдумывалъ и разсматривалъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ; наконецъ пришелъ къ этому заключенію ....» Далѣе: «я всегда держался того правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ дурно исполнять его. Слѣдуя такому правилу я пришелъ къ рѣшенію, о которомъ говорилъ. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще опредѣлить время этого отреченія) поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно, частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь своимъ счастіемъ въ кругу друзей и въ изученіи природы.... Мысли жены моей, въ этомъ случаѣ, совершенно сходятся съ моими».

Это было писано еще въ 1796 году, когда увлеченія молодости могли имѣть вліяніе на душу Александра; но даже въ ту минуту, когда престолъ незапно представился передъ нимъ, онъ въ нерѣшимости остановился.... Потомъ онъ писалъ своему воспитателю и другу Лагарпу въ первые годы своего царствованія: «Когда Провидѣніе благословитъ меня возвести Россію на степень желаемаго мною благоденствія, первымъ моимъ дѣломъ будетъ сложить съ себя бремя правленія и удалиться въ какой нибудь уголокъ Европы, гдѣ безмятежно буду наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ». Впослѣдствіи, онъ гораздо положительнѣе говоритъ и даже дѣйствуетъ для достиженія этой конечной цѣли своего царствованія.

Теперь мы только слегка очертили замѣчательную личность Императора Александра I-го, котораго характеръ самъ собою будетъ развиваться передъ читателемъ.

При свиданіи двухъ Императоровъ, положеніе нашего Государя передъ торжествующимъ и побѣдоноснымъ Наполеономъ было очень невыгодно; находившіеся на мѣстѣ ожиданія, свидѣтельствуютъ о его уныніи, его мрачномъ настроеніи; но онъ не сознавалъ въ себѣ той внутренней силы, того чарующаго вліянія, которымъ обладалъ. Кто бы подумалъ, что Наполеонъ, недопускавшій въ жизни ни единаго въ себѣ увлеченія, основывавшій всѣ свои дѣйствія на точномъ математическомъ разсчетѣ, человѣкъ изсѣченный изъ мрамора и поставленный на недосягаемомъ бронзовомъ пьедесталѣ своей славы, въ которомъ было одно живое мѣсто, гдѣ сосредоточивался его свѣтлый умъ и безпредѣльное властолюбіе,—что и этотъ человѣкъ все таки поддается его вліянію. Мы готовы допустить, что обоюдныя обѣщанія были искренни въ то время, когда давались, готовы вѣрить, что если бы эти обѣщанія остались неизмѣнными, если бы онѣ могли осуществиться, если бы союзомъ двухъ Монарховъ достигались тѣ цѣли, тѣ побужденія, о которыхъ толковали въ Тильзитѣ по видимому съ такой въ нихъ вѣрой,—миръ былъ бы возстановленъ на долгое время въ Европѣ. Но направленія обоихъ Монарховъ были такъ различны, властолюбіе Наполеона, не знавшее предѣловъ, не терпящее ни чьего соперничества, было такъ извѣстно, что нельзя было непредвидѣть рано или поздно разрыва новаго союза, имѣвшаго повидимому всѣ признаки самой тѣсной дружбы.

Ежедневныя бесѣды, съ глазу-на-глазъ, продолжавшіяся далеко за полночь, не остались безъ дѣйствія на впечатлительную душу Александра. Правда, онѣ расширили кругъ его воззрѣнія, представили съ другой точки пэедметы и

особенно людей; но за то окончательно подорвали вѣру въ нихъ и поколебали то уваженіе къ личности и законности, которое такъ рѣзко отличали его въ началѣ царствованія. Мы думаемъ, что безъ Наполеоновскаго подготовленія, Александръ I никогда не рѣшился бы осудить Сперанскаго своимъ однимъ лицомъ, въ стѣнахъ своего кабинета. Не за долго до того писалъ онъ къ княгинѣ Голицыной, просившей его о какомъ то дѣлѣ, «что онъ въ цѣломъ мірѣ признаетъ только одну власть,—это ту, которая нисходитъ изъ закона», и потому устраняетъ себя отъ участія въ рѣшеніи дѣла.

Личному вліянію Государя мы обязаны заключеніемъ мира, который, при тогдашнихъ обстоятельствахъ нашихъ, послѣ пораженія при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ, могъ назваться еще выгоднымъ, потому что цѣлая область была присоединена къ Россіи. Правда, мы принуждены были признать тотъ порядокъ, который установили побѣды Наполеона въ Европѣ, но оба Государя взаимно ручались за цѣлость своихъ владѣній, а Императоръ Александръ I принималъ на себя посредничество къ примиренію Англіи съ Франціей. Сверхъ того, въ одной статьѣ было сказано: «Императоръ Французовъ, въ уваженіе къ Императору Всероссійскому, соглашается возвратить королю Прусскому часть его областей» (онѣ поименованы). Таковы были явныя условія мирнаго трактата 25 Іюня 1807 года, но въ немъ заключались секретныя прибавленія, конечно вынужденныя силою обстоятельствъ, именно: Въ случаѣ несогласія Англіи на миръ, Россія обязывалась соединиться противъ нея съ Франціей, склонить къ тому же Данію и Швецію и пристать къ континентальной системѣ.

Не смотря, однако, на всѣ вредныя послѣдствія этихъ прибавочныхъ статей, мы никакъ не можемъ согласиться съ ожесточенными противниками Тильзитскаго

договора (*). Особенно упрекаютъ Александра въ томъ, что онъ для личныхъ выгодъ предалъ своихъ союзниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ его искреннимъ другомъ; но могъ ли Александръ жертвовать самостоятельностію или цѣлостью своего государства изъ за сентиментальныхъ чувствъ, не принеся, впрочемъ, никакой пользы своимъ друзьямъ. Дѣйствительно, что могъ сдѣлать въ то время Государь съ такимъ союзникомъ, какъ слабый Шведскій король или король Прусскій, у котораго не только не было арміи, но все почти королевство находилось во власти Французовъ. Расчитывать на одну Англію и ея всегда гадательную, отдаленную помощь, въ виду побѣдоноснаго и несравненно сильнѣйшаго непріятеля, было бы болѣе чѣмъ неблагоразумно. Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда либо, выказался политическій геній Александра, и если онъ не увлекся своимъ рыцарскимъ чувствомъ, если подчинился, скрѣпя сердце, силѣ обстоятельствъ, то именно для того, чтобы воспользоваться временнымъ миромъ для дальнѣйшихъ приготовленій къ войнѣ. Онъ не поддался всесокрушающему вліянію Наполеона ни въ Тильзитѣ, ни въ Эрфуртѣ, какъ многіе полагаютъ, но лучше согласился быть добровольнымъ поклонникомъ его генія, чѣмъ играть жалкую роль жертвы. Онъ заговорилъ инымъ языкомъ, когда узналъ, что силы Наполеона изнемогаютъ въ борьбѣ съ Испаніей, когда увидѣлъ бразды правленія Швеціи въ воинственныхъ рукахъ человѣка энергическаго, нетерпящаго Наполеона и расположеннаго къ союзу съ нимъ, когда наконецъ успѣлъ собрать новыя войска для гигантской борьбы. Время показало правъ ли былъ Александръ!

(*) *Congrés de Vienne*—par Chateaubriand. *Memoires historiques sur Alexandre*—par M-me la comtesse de Choiseul-Gouffieu и многіе нѣмецкіе писатели того времени.

Конечно, всѣ попытки склонить Англію къ примиренію съ Франціей остались безъ успѣха. Война была объявлена, и хотя не сопровождалась военными дѣйствіями, но, предшествуемая континентальною системой, она совершенно убила нашу торговлю и отчасти подготовила тотъ финансовый кризисъ, который разразился впослѣдствіи.

По возвращеніи своемъ въ Россію изъ Дунайскихъ княжествъ, Д. Н. Блудовъ былъ пораженъ тѣмъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, которое нашелъ. Недовольство было общее. Народъ роптал на увеличеніе податей (указы 1810 и 1812 г.). Купечество было безпрестанно поражаемо новыми банкротствами, вслѣдствіе запретительной системы, совершеннаго упадка курса и дурнаго управленія финансами; чиновничество вопило противъ указа, преградившаго путь къ производству въ нѣкоторые чины безъ экзамена, наконецъ, высшій классъ раздраженъ былъ сближеніемъ съ Наполеономъ, нанесшимъ ударъ нашему преобладанію и военной славѣ и поведеніемъ французскаго посла въ Петербургѣ. При такихъ обстоятельствахъ Карамзинъ рѣшился писать: «Россія наполнена недовольными. Жалуются въ палатахъ и хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности ни усердія къ Правительству, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры». И эта записка дошла до Государя. Представители иностранныхъ державъ доносили въ своихъ депешахъ о переворотѣ, готовящемся въ Россіи и угрожающемъ престолу. Шведскій посланникъ, почерпавшій свои свѣдѣнія, какъ и всѣ иностранные дипломаты, изъ общественныхъ слуховъ, представлялъ своему двору Россію въ безнадежномъ положеніи. Если, при этомъ общемъ ропотѣ, не рѣшались еще произносить громко имени Александра, то называли другаго человѣка, виновника большей части преобразованій, который, къ несчастію его, былъ при Государ

въ Эрфуртѣ и подпалъ чарующей силѣ Наполеона. Общее раздраженіе высказывалось противъ Сперанскаго.

Мы не станемъ касаться ни дѣятельности, ни частной жизни этого государственнаго человѣка, послѣ извѣстной его біографіи, написанной барономъ Корфомъ; но не можемъ не указать на одну замѣчательную черту: собиравшаяся надъ нимъ гроза застала его одиноко стоящаго, безъ опоры, безъ всякой партіи, которую, казалось, неизбѣжно должна бы подготовить его разнообразная и безпримѣрная дѣятельность. Если нашелся человѣкъ, отклонившій страшный ударъ, угрожавшій ему, то онъ сдѣлалъ это не ради спасенія Сперанскаго, какъ самъ открыто говорилъ, но во имя правды и славы Государя, которому былъ преданъ безусловно. Причину такого страннаго явленія должно искать въ самомъ воспитаніи и той средѣ, въ которой Сперанскій выросъ; въ ней заранѣе пріучился онъ къ замкнутости характера, недовѣрію къ другимъ, сосредоточенности въ самомъ себѣ, сознанію своихъ всеобъемлющихъ способностей, и вслѣдствіе того, къ отчужденію отъ другихъ, которыхъ въ душѣ своей онъ не привыкъ уважать. Сперанскій не нуждался въ помощникахъ, но и не любилъ раздѣлять славу своихъ трудовъ съ другими. Многіе вымѣщали на немъ его превосходство и свое униженіе; но были и такіе, которые инстинктивно угадывали, что онъ черпалъ свои безпрерывные проекты большею частію изъ иноземныхъ источниковъ и мало соприкасался къ русской жизни.

Весь періодъ времени отъ удаленія извѣстнаго тріумвирата, т. е., отъ 1807 до 1812 года, по внутреннему управленію государства, принадлежитъ ему. Многоразлична и безпримѣрно обильна была его дѣятельность въ это пятилѣтіе. Изъ подъ его всеобъемлющаго вліянія исторглись, силою обс

ть и иностранная поли-

ти

былъ графъ Аракче-

евъ. Государь, во время прибыванія своего въ Вильнѣ, увидѣлъ большіе безпорядки въ арміи и полагалъ, что желѣзная воля Аракчеева необходима въ эту критическую минуту. Впослѣдствіи, когда учредился Государственный совѣтъ, ему предложили на выборъ — остаться министромъ или поступить предсѣдателемъ въ Военный департаментъ Государственнаго совѣта? Аракчеевъ отвѣчалъ, что не потерпитъ надъ собой дядьку, и перешелъ въ Государственный совѣтъ. Мы не разъ еще будемъ говорить объ этомъ человѣкѣ. На мѣсто его поступилъ графъ Барклай-де-Толли, соединявшій съ обширнымъ образованіемъ и умомъ твердую, непоколебимую волю и то безграничное самоотверженіе, котораго блистательный примѣръ онъ завѣщалъ потомству.

Политическою частію постоянно занимался самъ Государь, а въ это время болѣе обыкновеннаго, потому что видѣлъ въ канцлерѣ графѣ Румянцевѣ приверженца французскаго союза. Какъ дипломатъ, Александръ приводилъ въ отчаяніе своихъ соперниковъ. Съ злобною завистью и полнымъ сознаніемъ своего безсилія отзываются о немъ: Шведскій посланникъ въ Парижѣ, Лагербіелки, говоритъ: «Александръ въ политикѣ своей тонокъ какъ кончикъ булавки, остеръ какъ бритва и фальшивъ какъ пѣна морская». Шатобріанъ пишетъ: «какъ человѣкъ, онъ искрененъ, когда рѣчь идетъ о человѣчествѣ; но скрытенъ, какъ византіецъ, когда коснется политики (*)». Главными сотрудниками Государя были два человѣка, которыхъ имена уже отмѣчены исторіей. Одинъ изъ нихъ—корсиканецъ, другъ Паоло, приверженецъ и вождь партіи свободной республики, родившійся въ тотъ же годъ и въ томъ же городѣ, гдѣ родился Наполеонъ, воспитывавшійся въ одной съ нимъ школѣ, и

(*) Congrés de Vérone t. 1 p. 186.

вмѣстѣ съ тѣмъ, врагъ не только его, но всей фамиліи Бонопарте, предавшей островъ Франціи,—графъ Поццо-ди-Борго. Личная месть Наполеону и глубокое убѣжденіе, что независимость и свобода народовъ несовмѣстны съ его существованіемъ, были завѣтной идеей, цѣлью, для достиженія которой онъ безгранично и безраздѣльно, отдалъ всю жизнь свою. Этотъ человѣкъ являлся всюду, гдѣ можно было разжечь страсти или возбудить политику противъ Наполеона: въ Лондонѣ—онъ ревностный и любимый совѣтникъ Кабинета; въ Вѣнѣ—рѣшаетъ дворъ разорвать связь съ Франціей и вступить съ нею въ бой; въ Швеціи—усиливаетъ вражду Бернадота противъ Франціи; наконецъ въ Россіи, при Императорѣ Александрѣ, при нашей первой войнѣ съ Франціей, онъ находится при арміи, и уѣзжаетъ послѣ свиданія двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ. Напрасно Государь старается удержать его, вполнѣ оцѣняя великіе таланты этого человѣка,—графъ Поццо-ди-Борго отвѣчаетъ, что тѣсная связь съ Наполеономъ губительна для каждаго, кто вступаетъ въ нее, что свѣтъ успокоится только тогда, когда не станетъ этого человѣка и—какъ послѣдній доводъ—объясняетъ Государю, что Наполеонъ можетъ потребовать выдачи его, подданнаго Франціи, отъ державы, находящейся въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей, и что хотя онъ вполнѣ увѣренъ въ рыцарскомъ великодушіи Государя, но не желаетъ быть причиной разрыва. Поццо-ди-Борго ищетъ другаго поля дѣйствій, попадаетъ на эскадру Сенявина; дерется за одно съ нею, потомъ скитается отъ преслѣдованія Наполеона въ Малой Азіи, а при первомъ выстрѣлѣ на Нѣманѣ, является опять при Александрѣ и уже не разстается болѣе съ своей новой отчизной, служенію которой посвятилъ большую часть своей жизни.

При наступательныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, онъ соединяется съ барономъ Штейномъ, этимъ двигателемъ

Германскихъ народовъ противъ Франціи, дѣйствуетъ всѣми силами на князя Меттерниха, чтобы отторгнуть Австрію отъ союза съ Наполеономъ, входитъ въ сношенія съ партіей недовольныхъ въ Парижѣ, гдѣ сохранилъ еще связи; его вліянію, отчасти, обязаны появленію Моро въ русской арміи.— Въ Парижъ!—твердитъ онъ безпрестанно союзнымъ Государямъ, и не покидаетъ Императора Александра I, когда тотъ, потерявъ надежду склонить фельдмаршала Шварценберга на дальнѣйшее движеніе войскъ, рѣшается отдѣлиться, и со своими и прусскими войсками итти въ столицу Франціи. Наконецъ, когда Наполеонъ опять появляется во главѣ Франціи и ея сосредоточенныхъ военныхъ силъ, онъ одинъ изъ русскихъ участвуетъ въ Ватерлооскомъ дѣлѣ (*), успѣваетъ дать знать Императору о побѣдѣ и умоляетъ итти со всѣми силами къ Парижу, чтобы противодѣйствовать чужеземнымъ проискамъ, а до того остается тамъ единственнымъ представителемъ русскихъ интересовъ. Напрасно Талейранъ соблазнялъ его портфелемъ Фуше (министра Внутреннихъ дѣлъ), графъ Поццо-ди-Борго остался вѣренъ Россіи, и даже послѣ смерти Императора Александра I, котораго довѣренностію вполнѣ пользовался. Онъ не покинулъ русской службы и тогда, когда его перевели изъ Парижа, который предпочиталъ всему, въ томъ же званіи посла въ Лондонъ.

Другой политическій дѣятель, графъ Каподистрія, родился на Іоническихъ островахъ. Подобно графу Поццо-ди-Борго, онъ провелъ раннюю молодость свою въ борьбѣ партій, отстаивая свободу и независимость своей родины, противъ всеобъемлющаго преобладанія Франціи. Отецъ его, преслѣдуемый, заключенный въ тюрьмѣ, угрожаемый смертью за

(*) За это дѣло онъ получилъ св. Георгія 4 ст.

его приверженность къ республиканскому правленію, едва былъ спасенъ своими единомышленниками, въ томъ числѣ и сыномъ. Въ промежутокъ времени, когда республика Іоническихъ островов находилась подъ покровительствомъ Россіи и Англіи, молодой Каподистрія пользовался большимъ вліяніемъ не только на своей родинѣ, гдѣ былъ министромъ Иностранныхъ и потомъ Внутреннихъ дѣлъ, но и во всей Греціи; сношенія его съ знаменитыми вождями (Колокотрони, Караискаки, Боцарисъ и др.) начинаются съ этого времени. Когда, послѣ Тильзитскаго мира, Іоническіе острова подпали опять вліянію Франціи, онъ принужденъ былъ покинуть родину и не колеблясь въ выборѣ новаго отечества, отправился въ единовѣрную ему Россію, куда слава Александра I привлекала много замѣчательныхъ лицъ и гдѣ надѣялся онъ всего скорѣе найти сочувствіе своей завѣтной мысли, которой онъ служилъ всю жизнь свою, за которую погибъ, эта мысль—освобожденіе Греціи, тогда страдавшей подъ гнетомъ Порты, подобно другимъ христіанскимъ областямъ нашего времени.

Можетъ быть не съ тѣмъ жаромъ, не съ тѣмъ всесокрушающимъ увлеченіемъ, какъ Поццо-ди-Борго преслѣдовалъ онъ свою идею, но конечно съ тѣмъ же постоянствомъ и можетъ быть съ большимъ терпѣніемъ и умѣніемъ. Самыя средства были иныя; за идею Поццо-ди-Борго стояли вооруженные народы, за идею Каподистрія пока только одна Эттерія, да еще общественное мнѣніе, поддерживаемое святостію дѣла и руководимое замѣчательными личностями. Если по уму, по силѣ характера и энергіи было сходство, между Каподистрія и Поццо-ди-Борго, то вмѣстѣ съ тѣмъ было различіе въ ихъ нравственномъ воззрѣніи на предметы: Поццо-ди-Борго умеръ оставивъ огромное состояніе; Каподистрія, еще при жизни, отдалъ скудные остатки своего содержанія на защиту отечества. Одинъ умный дипломатъ, знавшій

коротко обоихъ, сравнивалъ перваго изъ нихъ съ Ѳемистокломъ, другаго съ Аристидомъ.

Есть лица, предъ обоятельнымъ вліяніемъ которыхъ невольно останавливаешься и съ трудомъ можешь оторваться отъ нихъ,—такова была, по мнѣнію современниковъ, личность графа Каподистрія, таковою она и для насъ остается. Съ нимъ соединена цѣлая система нашей политики; обстоятельства могутъ заставить правительство уклониться отъ нея, но люди, убѣжденныя въ правотѣ ея, считали бы измѣной интересамъ Россіи нарушеніе этой политики.

Графъ Иванъ Каподистрія пріѣхалъ въ Россію въ 1809 году, въ Январѣ мѣсяцѣ. При первомъ же свиданіи съ Императоромъ Александромъ, онъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе и будущая участь молодаго человѣка была рѣшена. Онъ принятъ былъ въ русскую службу съ чиномъ статскаго совѣтника и зачисленъ въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ, управляемую въ то время канцлеромъ графомъ Румянцевымъ.

Вскорѣ онъ былъ назначенъ «сверхъ штата» при посольствѣ въ Вѣнѣ, откуда былъ вытребованъ въ Дунайскую армію Чичаговымъ, лично знавшимъ его, для веденія переговоровъ съ Турками; потомъ, послѣ движенія арміи въ Россію, раздѣлялъ всѣ превратности военныхъ дѣйствій и наконецъ вызванъ былъ Государемъ въ Вѣну на конгресъ, сопутствовалъ ему за границей, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ политическихъ переговорахъ, а во время возвращенія въ Россію, докладывалъ Государю Императору вмѣстѣ съ управлявшимъ впослѣдствіи Министерствомъ графомъ Нессельроде (*) дѣла по политической части. У него была особая канцелярія, гдѣ получили первое дипломатическое

(*) Графъ Румянцевъ уволенъ въ 1814 г.; послѣ него управлялъ не долго коллегіей Иностранныхъ дѣлъ членъ ея, тайный совѣтникъ Вейдемейеръ; его мѣсто занялъ графъ Нессельроде.

образованіе князь Горчаковъ, гр. Строгоновъ, Северинъ, Блудовъ, гдѣ старшимъ изъ всѣхъ былъ Стурдза.

Направленіе политики графа Каподистрія обозначалось рѣзко. Еще во время самыхъ дружескихъ отношеній нашихъ съ Австріей, во время перваго движенія союзныхъ войскъ къ Парижу, графъ Каподистрія умѣлъ проникнуть двуличіе Вѣнскаго кабинета; онъ понялъ, что интересы наши слишкомъ различны съ интересами Австріи и точки соприкосновенія ихъ раздражаютъ и возбуждаютъ негодованіе послѣдней, а потому доказывалъ, что то вліяніе, которое мы должны имѣть по неизбѣжному теченію дѣлъ на разсѣянныя массы славянскихъ племенъ, всегда встрѣтитъ противодѣйствіе въ Австрійской политикѣ, стремящейся стереть чуждыя ей народности и германизировать ихъ, во имя цивилизаціи и въ пользу распространенія Императорской власти. Это направленіе было особенно въ духѣ князя Меттерниха, котораго личныя убѣжденія слишкомъ противорѣчили нравственнымъ началамъ Каподистрія и не разъ возбуждали негодованіе Александра Павловича, особенно во время Вѣнской конференціи. Графъ Каподистрія утверждалъ, что при первой коалиціи противъ Россіи, Австрія не только присоединится къ ней, но станетъ въ главѣ ея, и это предвидѣніе торжественно оправдалось въ самое короткое время. Наполеонъ, послѣ вторичнаго своего появленія во Франціи, съ такою быстротой вступилъ въ Парижъ, что успѣлъ захватить въ кабинетѣ бѣжавшаго Короля всѣ бумаги и доставилъ Императору Александру I трактатъ, заключенный между Англіей, Франціей и Австріей для совокупнаго дѣйствія противъ Россіи.

Государь бросилъ въ огонь это недостойное свидѣтельство вѣроломства союзниковъ, приписавъ его внушеніямъ Талейрана, но Каподистрія подозрѣвалъ тутъ другаго дѣятеля и едва ли ошибался. Александра I упрекаютъ въ подозри-

тельности: но чья вѣра въ людей не поколебалась бы при видѣ подъ этимъ актомъ имя Императора Франца, который впослѣдствіи подписалъ трактатъ Священнаго союза,—этого нравственнаго катихизиса трехъ государей.

Защитникъ правъ народныхъ, втоптанныхъ въ грязь безнравственной политикой князя Меттерниха, графъ Каподистрія находилъ сочувствіе въ честной душѣ Александра и не только пользовался полной довѣренностью, но и искренней дружбой Государя. За то князь Меттернихъ съ удивительной настойчивостью работалъ объ удаленіи его отъ русскаго двора. Его инструкціи Австрійскимъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ, его письма служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Король Французскій, во время пребыванія графа Каподистрія въ Парижѣ, приказалъ показать ему нѣсколько подобныхъ документовъ, гдѣ его выставляли какъ опаснаго интригаита, какъ возмутителя народовъ противъ Государей, даже какъ заговорщика, и очень ловко, черезъ частную переписку, иногда даже черезъ женщинъ умѣли довести это до ушей Государя. Каподистрія оставался вѣренъ своему призванію, своимъ началамъ и скорѣе согласился сойти со сцены дѣйствія, чѣмъ измѣнить имъ. Стурдза, графъ Блудовъ, князь Горчаковъ и многіе, знавшіе коротко этого государственнаго человѣка, сохранили къ нему глубокое благоговѣніе и отзывались объ немъ съ восторженнымъ увлеченіемъ.

Обратимся къ другимъ дѣятелямъ того времени. Блудовъ не былъ знакомъ съ графомъ Сперанскимъ до возвращенія послѣдняго изъ ссылки. Увлекшійся подобно другимъ идеей обновленія Россіи въ началѣ царствованія Императора Александра I, Блудовъ невольно призадумался о ихъ послѣдствіяхъ и началъ серьезно всматриваться въ нихъ и изучать. Записка Карамзина о древней и новой Россіи была въ то время неизвѣстна, но мнѣнія, въ ней выраженныя, слу-

жили какъ бы отголоскомъ извѣстной партіи. Всего же болѣе повредила Сперанскому въ общественномъ мнѣніи ловко пущенная мысль, что онъ приводитъ въ исполненіе Наполеоновскія идеи, навѣянныя на него въ Эрфуртѣ.

Съ Поццо-ди-Борго графъ Блудовъ встрѣчался рѣдко въ жизни, но его образъ, его разговоры, такъ врѣзались въ памяти молодаго дипломата, что онъ съ точностію передавалъ ихъ тридцать лѣтъ спустя. О сношеніяхъ его съ графомъ Каподистрія мы будемъ говорить впослѣдствіи.

По возвращеніи изъ арміи, Блудовъ встрѣтился съ одною знаменитою личностью, которая столько же была извѣстна въ мірѣ дипломатическомъ какъ и военномъ: князь Кутузовъ назначался главнокомандующимъ арміею на Дунаѣ и желая узнать о положеніи дѣлъ въ Княжествахъ послалъ за Блудовымъ. Въ разговорѣ съ нимъ, отдавая справедливость дѣйствіямъ Каменскаго, Кутузовъ не одобрялъ однако приступа къ Рущуку: «въ войнѣ, какъ и въ дипломатическихъ переговорахъ со всякою державою, а съ Турціей особенно, замѣтилъ онъ, не должно никогда забывать двухъ главныхъ союзниковъ—терпѣніе и время; надо было пустить *ихъ* осаждать Рущукъ, а не солдатъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Двѣнадцатый годъ; Государь и народъ дѣйствуютъ единодушно. Паденіе Сперанскаго. Устраненіе Барклай-де-Толли. Пребываніе Блудова въ Стокгольмѣ; его дипломатическая дѣятельность; дружескія отношенія къ семейству Сталь. Графъ Строгоновъ. Славнѣйшая эпоха въ жизни Государя Александра I и торжество Россіи. Вѣнскій конгресъ. Баронесса Криднеръ. Вторичное занятіе Парижа. Трактаты; священный союзъ; причины побудившія къ составленію его и послѣдствія.

Двѣнадцатый годъ наступалъ во всеоружіи страшной смерти. Ему предшествовала невиданная до того по величинѣ и блеску комета, служившая грознымъ знаменіемъ для суевѣрнаго народа. Бѣдствія болѣе существенныя сопровождали одиннадцатый и начало двѣнадцатаго года: запылали города и села русскіе: Кіевъ, Воронежъ, Казань, Уфа, Житоміръ, Бердичевъ и многіе другіе города обращены были большею частію въ пепелъ. Во многихъ мѣстахъ явился голодъ. Наконецъ, Русской землѣ, давно необагряемой кровью, пришлось пресытиться ею, какъ нѣкогда, во времена Монголовъ и Литвы. Наполеонъ вторгся въ предѣлы Россіи и лавой понесся по ней, не находя настоящей преграды до Бородино. Онъ вторгся безъ предварительнаго объявленія, беззаконно попирая международныя права. Мы однако ожидали войны, хотя еще и не были къ ней приготовлены; средства наши были отчасти истощены, от-

части затрачены на продолжительную борьбу съ Турціей. Только тутъ, почуявъ рану нанесенную прямо въ сердце, возстала вся Россія какъ одинъ человѣкъ; торжественный обѣтъ Александра, не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока хотя одинъ человѣкъ изъ непріятельской арміи будетъ въ предѣлахъ Россіи, нашелъ отголосокъ въ каждомъ Русскомъ, возвратилъ Государю прежнюю безусловную любовь и безграничную вѣру въ него.

Когда онъ явился въ Москвѣ, грустный, подавленный тягостію совершавшихся событій, одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «не унывай! видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи! Всѣ умремъ за тебя». Онъ передалъ словами то, что было на сердцѣ у каждаго. Въ арміи какъ и въ народѣ, ополчившемся чѣмъ попало, Государь могъ читать выраженіе однихъ чувствъ, однихъ словъ: «Caesar morituri te salutant.»

Здѣсь должны мы упомянуть о событіи, которое находится въ связи съ обстоятельствами войны,—мы говоримъ о ссылкѣ Сперанскаго. Была ли это жертва, принесенная общественному мнѣнію, совершилась ли она вслѣдствіе клеветы и доноса, какъ думаютъ болѣе безпристрастные потомки, или личныхъ убѣжденій Государя, — во всякомъ случаѣ это была мѣра, приведенная въ исполненіе безъ предварительнаго слѣдствія и суда, чего прежде не могъ бы потерпѣть Александръ, и о чемъ нельзя не пожалѣть въ настоящее время. Но не такъ думали современники, они говорятъ объ этомъ событіи, какъ о первой одержанной надъ Французами побѣдѣ.—«Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость,» говоритъ въ своихъ запискахъ желчный Вигель.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, общему мнѣнію, общему требованію суждено было выказать другую вопіющую не-

справедливость, но то было время тяжелое, смутное, время испытаній, когда полчища Наполеона наводнили уже всю западную Россію и шли къ обѣимъ столицамъ.

Какой то глухой, подавленный стонъ стоялъ надъ Россіей. Казалось, неудовлетворенная злоба, жажда мести боялась высказаться, чтобы не слышать собственнаго стыда. Народное чувство было пробуждено, настроенно, страсти воспламенены, какъ это было вѣроятно во времена 1612 года; женщины вооружались чѣмъ могли, кидались на отсталыхъ Французовъ, терзали ихъ; бѣднякъ несъ послѣднюю копѣйку на защиту отечества. Посрамленіе земли родной и церкви—самая злая изъ всѣхъ бѣдъ, и горе врагу, который, въ торжествѣ побѣды, неумѣетъ уважать этого народнаго чувства.—Россія и Испанія служили лучшимъ доказательствомъ. Въ эти то минуты неестественнаго, напряженнаго состоянія и всеобщей вражды къ иностранцамъ послышался общій ропотъ противъ русскихъ генераловъ, носившихъ иноземное имя. Не понимая плана военныхъ дѣйствій Барклай-де-Толли, его укоряли въ медленности, даже въ предательствѣ. Государь уступилъ народу, такъ безгранично жертвующему собою для спасенія Россіи. Отправляя престарѣлаго Кутузова главнокомандующимъ, онъ сказалъ ему: «ступай спасать Россію»! и предоставилъ славу этого спасенія ему, а Барклай, какъ истинный герой, сталъ въ ряды подчиненныхъ.

Предоставимъ исторіи записывать на своихъ страницахъ великія событія той великой эпохи и обратимся къ скромной судьбѣ Блудова. Въ ней совершился также важный переворотъ. Послѣ его одиннадцатилѣтней постоянной любви, и твердости молодой дѣвушки, о которую сокрушились всѣ дѣлаемыя ей предложенія, — княгиня Щербатова наконецъ рѣшилась низойти до родственной связи съ простымъ дворянскимъ семействомъ; но ея суетное тще-

славіе видимо страдало; какъ о послѣднемъ усиліи съ ея стороны положить преграду этому, по ея мнѣнію, неровному браку, какъ о характеристической чертѣ времени, въ нашъ вѣкъ немыслимой, упомянемъ о требованіи княгини Щербатовой, чтобы Дмитрій Николаевичъ представилъ доказательства, что родъ его, какъ древнѣйшій, занесенъ въ книгу столбовыхъ дворянъ, обыкновенно называемую *бархатною*; но и это было сдѣлано, и давно желанная для молодыхъ людей минута настала. Бракъ совершился Апрѣля 28 дня, 1812 года, въ домовой церкви Самбурскаго, бывшаго духовникомъ при великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, супругѣ эрцгерцога Іосифа, палатина Венгерскаго, одной изъ прелестнѣйшихъ и несчастнѣйшихъ женщинъ. Самбурскій, человѣкъ большаго ума и образованія, пользовался общимъ уваженіемъ. Онъ сошелся съ Блудовымъ черезъ родственника своего Малиновскаго, очень любилъ его и самъ вѣнчалъ молодую чету. Посажеными отцемъ и матерью были у Блудова—князь Салтыковъ и его жена; шаферами—Александръ Тургеневъ и Жуковскій. Свадьбу справили скромно, въ присутствіи только близкихъ родныхъ и друзей: время было тяжелое; при томъ же княгиня Щербатова была уже больна, что можетъ быть и понудило ее рѣшиться пристроить дочерей, уже лишившихся отца. Вскорѣ она умерла въ сильныхъ страданіяхъ отъ общаго воспаленія въ крови, послѣ удачной, по видимому, операціи рака.

Блудовъ, за нѣсколько времени до свадьбы, нанялъ флигель при домѣ княгини Щербатовой, который и теперь существуетъ въ томъ же видѣ, съ тѣмъ же мезониномъ, у Семеновскаго плаца. Здѣсь онъ оставался съ молодою женою до отъѣзда своего изъ Петербурга.

Къ этому, кажется, времени, или нѣсколько ранѣе, относится одно обстоятельство, по видимому маловажное, но показывающее большую силу воли въ молодомъ человѣкѣ.

Блудовъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ карточной игрѣ. Еще въ дѣтствѣ, онъ не разъ слышалъ жалобы матери о томъ разстройствѣ, которое эта страсть вносила въ его семейство, раззоряя имѣніе, заставляя мать проводить безсонныя ночи въ ожиданіи возвращенія мужа. Въ его пылкомъ воображеніи представилась живо нѣжно любимая имъ жена, страдающая, въ слезахъ, — изъ-за него, изъ-за его преступной страсти, если бы онъ ей предался болѣе, чѣмъ любви къ семейству; онъ невольно призадумался. Кромѣ того, взявшись за управленіе имѣніемъ, онъ убѣдился, какихъ усилій, какихъ пожертвованій потребовалось отъ матери, чтобы поправить дѣла, разстроенныя мужемъ. Дмитрій Николаевичъ рѣшился, во чтобы то ни стало, подавить въ себѣ врожденную страсть; но онъ хорошо понималъ, что этого не легко было достигнуть и не отважился вступать въ прямой съ нею бой: онъ хотѣлъ обойти ее и потому далъ себѣ обѣтъ—не пользоваться выигранными деньгами, а отдавать ихъ, всѣ сполна, бѣднымъ. Такимъ образомъ проигрышъ оставался безвозвратно въ накладъ ему и не было приманки, цѣли къ игрѣ. Она сама по себѣ сдѣлалась для него невозможной. Блудовъ пересталъ, даже разучился играть. Когда приходилось иногда сдѣлать исключеніе для кого нибудь изъ лицъ, которыхъ онъ любилъ и уважалъ, то игралъ такъ дурно и разсѣянно, что ему очень рѣдко предлагали карту. Въ домѣ его никогда не играли. Конечно, для любимой женщины принесъ бы онъ и не такую жертву. Эта кроткая, любящая, терпѣливая, одаренная всѣми добрыми качествами души женщина, имѣла большое вліяніе на его пылкій и страстный характеръ.

Блудову предлагали болѣе дѣятельную службу за границей, но сколько устройство собственныхъ дѣлъ послѣ смерти матери, столько любовь удерживала его въ Петербургѣ. Достигнувъ наконецъ цѣли своихъ давнихъ стрем-

леній, онъ обратился къ графу Румянцову съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что дѣла его не удерживаютъ болѣе въ Россіи и предлагалъ себя въ его распоряженіе.

Въ то время политическія дѣла наши въ Швеціи обращали особенное вниманіе министерства. Вся судьба ея сосредоточивалась въ одной личности, какъ справедливо замѣтилъ канцлеръ Румянцевъ, отправляя Блудова,—въ наслѣдномъ принцѣ, Бернадотѣ. Вступившій въ ряды французской арміи солдатомъ, въ девять лѣтъ онъ едва дослужился до унтеръ-офицера; на этомъ, казалось, онъ долженъ былъ и остановиться; малограмотному, хотя исправному солдату въ мирное время не могла предстоять блестящая будущность; какъ вдругъ вспыхнула революція: Бернадотъ принялъ въ ней самое дѣятельное участіе, и своимъ основательнымъ природнымъ умомъ, а главное, необыкновенными военными способностями и особенно храбростію сталъ въ ряду замѣчательныхъ генераловъ. Судьба поставила его соперникомъ Наполеона, какъ въ военной славѣ, такъ и въ семейной жизни. Онъ женился на дочери Марсельскаго негоціанта, которую любилъ Наполеонъ, и былъ взаимно любимъ; но отецъ не согласился на бракъ. Наполеонъ сохранилъ съ нею связь—какого рода,—неизвѣстно. Внезапная смерть наслѣдника Шведскаго престола, принца Голштейнъ-Аугустенбургскаго, домогательства Датскаго короля соединить, въ силу народнаго избранія, двѣ короны; наконецъ, случайное пребываніе Бернадота въ главѣ французской арміи на сѣверѣ Германіи рѣшили выборъ сейма въ пользу его. Король былъ старъ, изнуренъ болѣзнію и бразды правленія были ввѣрены наслѣдному принцу. Онъ лично не любилъ Наполеона и свиданіе его въ Або съ Императоромъ Александромъ рѣшило ихъ взаимный союзъ, когда еще другіе государи не помышляли о борьбѣ съ Наполеономъ. Сухтеленъ долженъ былъ сопутствовать Бернадоту въ его

путешествіи по Швеціи и предполагаемой высадкѣ и противъ Наполеона или его союзницы Даніи и употребить всѣ усилія, чтобы французская партія не успѣла отклонить отъ этого намѣренія разными соблазнительными предложеніями въ пользу Швеціи. Молодому Блудову предложили ѣхать совѣтникомъ миссіи въ Стокгольмъ, съ тѣмъ чтобы онъ оставался тамъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ отсутствіи Сухтелена, а чтобы сдѣлать для него болѣе доступнымъ въ іерархическомъ порядкѣ этотъ важный постъ, произвели его наконецъ въ коллежскіе совѣтники.

Положеніе Блудова на новомъ дипломатическомъ поприщѣ было довольно затруднительное. Общество Стокгольма, потрясенное недавнею народною революціей, не возстановилось. Французская партія была довольно сильна и самъ министръ Иностранныхъ дѣлъ принадлежалъ къ ней. Потерявъ всякую надежду склонить на свою сторону наслѣднаго принца, она дѣйствовала на народъ, соблазняя его присоединеніемъ къ Швеціи всей Финляндіи при помощи Французовъ и разжигая страсти противъ Россіи. Къ тому же, обѣщанное нами содѣйствіе для присоединенія Норвегіи къ Швеціи, замедлялось не только посылкою отряда, котораго у насъ не было по случаю войны, обнимавшей весь западъ Россіи, но и потому, что мы не желали раздражать противъ себя Данію, стараясь отклонить ее отъ союза съ Франціей. Одинъ Бернадотъ понималъ настоящее наше положеніе, но и тотъ принужденъ былъ бороться съ демократическою партіею. На Блудовѣ лежала еще другая трудная обязанность — добывать и посылать въ Петербургъ всѣ свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось тогда въ Европѣ и особенно на театрѣ войны, въ Испаніи, такъ какъ наши сообщенія обычнымъ путемъ, черезъ Германію, были прерваны и даже Европейскіе журналы получались черезъ миссію въ Стокгольмѣ. Блудовъ, по видимому, успѣлъ найтись

въ трудномъ своемъ положеніи, и, судя по депешамъ къ нему графа Румянцева, дѣйствіями его оставались довольны.

Жизнь въ Стокгольмѣ вообще скучна, а въ то время, при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили, была еще скучнѣе; для Блудова же вскорѣ она сдѣлалась невыносимою. Извѣстія, получаемыя изъ Россіи, и безъ того слишкомъ бѣдственныя, раздувались еще болѣе въ Стокгольмской прессѣ и публикѣ. По донесеніямъ своего Вяземскаго управляющаго, онъ могъ судить какой слѣдъ оставляютъ за собою Французы. Деревни его были уничтожены до тла пожаромъ; изъ крестьянъ—ровно половина истреблена непріятелемъ (*); домъ въ Вязьмѣ и барская усадьба, доставшаяся отъ дяди, были преданы огню. Наконецъ, извѣстіе о взятіи Москвы совсѣмъ сразило его. Вдали отъ Россіи, оно имѣло видъ рѣшительной нашей погибели. Въ эти тяжелыя минуты жена Блудова имѣла на него благодѣтельное вліяніе; она твердо вѣрила въ спасеніе Россіи, ободряла и утѣшала мужа и невольно внушала ему ту же вѣру. Къ тому же судьба, какъ бы сжалилась надъ нимъ и послала изъ далека одну замѣчательную личность, которая оживила маленькое общество Блудовыхъ.

Баронесса Сталь-Голштейнъ возбудила негодованіе Наполеона, когда тотъ еще былъ консуломъ. Блестящая по уму, независимая по состоянію, она служила центромъ небольшаго, но избраннаго Парижскаго общества, которое не преклонялось передъ консуломъ, не раболѣпствовало передъ императоромъ, не унижалось до лести и безусловнаго восхваленія Наполеона. Этого уже было достаточно, чтобы раздражить властителя половины Европы, а нѣсколько острыхъ

(*) Блудовъ втеченіи трехъ лѣтъ не бралъ съ нихъ никакого оброка, а потомъ опредѣлилъ этотъ оброкъ въ 4 р. 50 к., который и оставался неизмѣннымъ до освобожденія крестьянъ.

словъ, вышедшихъ изъ ея кружка, приписываемыхъ ей, направленныхъ противъ Наполеона, и тѣсная связь съ Бенжаменъ-Констаномъ довершили его негодованіе. Мелкія придирки обратились въ постоянное преслѣдованіе и окончились тѣмъ, что она принуждена была искать спасенія въ бѣгствѣ. Это было въ началѣ 1812 года. Не легко ей было пробраться въ то время черезъ Германію, исполнявшую безпрекословно волю Наполеона. «Я проводила все время надъ изученіемъ карты Европы, пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, чтобы бѣжать отъ Наполеона, точно также, какъ онъ изучалъ ее, чтобы покорить Европу и моя, какъ и его кампанія имѣла цѣлію Россію. Эта держава была тогда послѣднимъ убѣжищемъ угнетенныхъ».

Послѣ многихъ приключеній, ей удалось наконецъ, черезъ Галицію, достигнуть Россіи и она вздохнула было свободнѣе, какъ вдругъ разразилась грозная вѣсть—Наполеонъ вторгся въ предѣлы Россіи. Надо было искать новаго убѣжища. Оставшись только нѣсколько дней въ Петербургѣ, она, черезъ Финляндію, отправилась въ Швецію, гдѣ наслѣдный принцъ Бернадотъ уже высказался противъ Наполеона и все болѣе сближался съ Александромъ.

Сталь съ семействомъ провела зиму въ Стокгольмѣ. Романическія отношенія ея къ Рокку, окончившіяся тайнымъ, необъявленнымъ бракомъ извѣстны. Въ одинъ прекрасный вечеръ нашли у дверей дома Сталь раненнаго, истекающаго кровью молодаго человѣка; его внесли въ домъ; сама хозяйка неотступно за нимъ ухаживала, и черезъ нѣсколько дней больной, именно кавалеръ де-Рокка, поправился, а Сталь страстно влюбилась. Впрочемъ, трудно было женщинѣ, проводившей съ нимъ нѣсколько дней и ночей вмѣстѣ не влюбиться: онъ былъ красавецъ собой; ума, правда, обыкновеннаго; но умныя женщины не терпятъ очень умныхъ мужей. Де-Рокка былъ честный и добрый малый;

его любили и посторонніе. Съ ними жила Альбертина, дочь баронессы Сталь, вышедшая впослѣдствіи за мужъ за герцога де-Бролли, мать писателя Альберта де-Бролли, въ то время милая, молоденькая, умная, веселая и добрая дѣвушка. Она очень сдружилась съ княжною Марьей Андреевной Щербатовой, меньшей сестрой Блудовой, которая жила съ нею въ Стокгольмѣ; наконецъ, вмѣстѣ съ Сталь находился неразлучный другъ, воспитатель дѣтей и сотрудникъ ея, Вильгельмъ Шлегель, котораго нельзя было не уважать, не смотря на нѣкоторые его мелкіе недостатки.

Сталь была рождена для общества. Живой, исполненный остроумія, блистательный разговоръ, безъ всякой изысканности и сентиментальности, которыми часто грѣшатъ ея литературныя произведенія, заставляли собесѣдниковъ забывать ея дурную наружность, увлекаться и проводить съ нею цѣлые вечера. Она любила и цѣнила умъ въ другихъ; живой обмѣнъ мыслей и остроумія ей были необходимы, какъ масло для лампы: «Jetais vulnérable, par mon gout pour la société» пишетъ она, «le plaisir de causer, je l'avoue, a toujours été pour moi le plus piquant de tous». Для нея пріѣздъ Блудовыхъ въ Стокгольмъ былъ просто даромъ неба. Она нашла въ нихъ именно то, чего искала. Блудовъ также любилъ общество; до конца жизни онъ привлекалъ его къ себѣ привѣтливымъ и необыкновенно добродушнымъ пріемомъ и оживлялъ блестящимъ умомъ. Оба семейства сблизились, и вскорѣ отношенія ихъ сдѣлались самыми искренными, дружескими; не проходило вечера, чтобы они не видались между собою.

Въ Стокгольмѣ родилась старшая дочь Блудовыхъ: Сталь первая приняла ее къ себѣ на руки и напутствовала къ новой жизни.

Взаимныя отношенія, свиданія, бесѣды умной изгнанницы

оставили въ памяти Блудова самый свѣтлый слѣдъ, непомрачаемый никакими тѣнями непріятныхъ столкновеній. По видимому въ баронессѣ Сталь они произвели то же впечатлѣніе. Нѣсколько сказанныхъ ею задушевныхъ словъ о семействѣ Блудова служатъ тому доказательствомъ.

Іюня 8-го, 1813 года пріѣхалъ въ Стокгольмъ назначенный полномочнымъ министромъ при тамошнемъ дворѣ баронъ Строгоновъ,—тотъ самый Строгоновъ, котораго память еще такъ жива на Востокѣ. Въ бытность свою посломъ въ Константинополѣ, онъ въ самую критическую эпоху, умѣлъ сохранить все достоинство русскаго посла и въ минуты опасности выказать ту непоколебимую твердость, которая заставила его уважать самихъ Турокъ, не смотря на то, что тогда въ Стамбулѣ еще сажали пословъ въ семибашенный замокъ. Славяне-райи будутъ долго помнить его, какъ единственнаго защитника своего, какъ человѣка, къ которому они прибѣгали не только въ нуждахъ политическихъ, но въ частныхъ своихъ дѣлахъ и всегда встрѣчали въ немъ самое искреннее сочувствіе.

Блудовъ, назначенный совѣтникомъ миссіи только для того, чтобы управлять ею во время отсутствія посланника, вскорѣ по пріѣздѣ Строгонова оставилъ Швецію и пріѣхалъ въ Петербургъ въ самую знаменательную, самую великую эпоху для Россіи и для Государя Александра Павловича.

Когда, послѣ всѣхъ превратностей войны, по пути усѣянному трупами, русскія войска, сначала отступавшія передъ Французами до Москвы, наконецъ достигли по пятамъ ихъ до Парижа,—Александръ остановилъ движеніе войскъ передъ столицей, уже ожидавшей участи Москвы. «Тяжба человѣчества выиграна»! сказалъ онъ послѣ Монмартрскаго дѣла. Но какой борьбы стоила она, какую непреклонную волю, сколько силы характера нужно было, чтобы противустоять всѣмъ колебаніямъ, всѣмъ соблазнамъ,

которыя представляли ему союзники для вступленія въ переговоры съ непріятелемъ на длинномъ пути побѣдъ и пораженій отъ Москвы до Парижа, и ему, ему одному принадлежитъ слава того, что тяжба человѣчества рѣшена, выиграна и не затянулась на безконечное время. Этого одного подвига слишкомъ достаточно, чтобы опровергнуть всѣ упреки въ слабости, нерѣшительности его характера. Посылая для переговоровъ флигель-адъютанта Орлова, онъ сказалъ ему: «de gré ou de-force, au pas de charge ou au pas de parâde, sur des décombres ou sous des lambris dorés, il faut que l'Europe couche aujourd'hui méme à Paris!.... (*)» и капитуляція была подписана въ тотъ же день ($^{19}/_{31}$ Марта 1814 г.). Александръ и вѣрный его союзникъ, Фридрихъ Вильгельмъ, торжественно вступили съ войсками своими въ столицу. Тогда же Императоръ Александръ издалъ отъ своего имени и за своею подписью прокламацію, въ которой объявлялъ, что ни онъ, ни союзники его не вступятъ въ переговоры съ Наполеономъ или съ кѣмъ нибудь изъ членовъ его семейства, и приглашалъ Французовъ избрать временное правительство, предоставляя себѣ будущее устройство королевства. Французскій сенатъ объявилъ Наполеона лишеннымъ престола.

Судьба Франціи была рѣшительно въ рукахъ Александра; Французы это видѣли и окружали его всевозможными почестями и ласкательствами. Александръ стоялъ на той высотѣ величія и славы, какой когда либо достигалъ человѣкъ. Онъ былъ освободитель народовъ и народъ не съ ужасомъ, внушаемымъ завоевателями, но съ благодарностью и покорностью ожидалъ отъ него одного своего устройства. Любовь къ нему доходила до обожанія.

(*) «Волею или силою, на штыкахъ или парадпымъ шагомъ, на развалинахъ или въ золоченыхъ палатахъ,—надо, что бы Европа сегодня ночевала въ Парижѣ».

«Справедливость требуетъ сказать, писалъ одинъ англійскій дипломатъ того времени, что если континентъ былъ проклятъ въ Бонапартѣ, то онъ получилъ благословеніе въ Александрѣ, этомъ законномъ Императорѣ и освободителѣ человѣчества».

Александръ не дозволилъ себѣ однако предаться увлеченію славы и почить на лаврахъ, столь дорогою цѣной имъ добытыхъ. Поставивъ непремѣннымъ условіемъ для возстановленія прежней династіи—дарованіе Франціи конституціоннаго правленія, вознаградивъ ее такимъ образомъ за потерю провинцій, пріобрѣтенныхъ насиліемъ и войной, онъ подписалъ окончательно мирный договоръ въ Парижѣ и, вмѣстѣ съ Прусскимъ королемъ, отправился въ Лондонъ, гдѣ ихъ также ожидали торжественныя встрѣчи, нескончаемыя празднества и самый восторженный пріемъ народа. Изъ Англіи Государь отправился въ Карлсруэ для свиданія съ Императрицею Елизаветой Алексѣевной, а оттуда въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ 13 Іюля.

Если появленіе его повсюду въ Европѣ производило восторженный пріемъ, то чего же онъ долженъ былъ ожидать въ столицѣ Россіи!... Ни какое перо не въ состояніи этого выразить: Сенатъ, Св. Синодъ и Государственный Совѣтъ просили его принять имя «Благословеннаго», которымъ уже назвала его вся Россія и дозволить воздвигнуть памятникъ дѣламъ его. Посланіе Жуковскаго къ Александру, написанное по взятіи Парижа, имѣло потрясающее дѣйствіе (*): слѣдующій стихъ не былъ піитическою фигурою:

«Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ,
На праздникахъ семьей украшенный твой ликъ
Ликующихъ родныхъ родный благотворитель
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ!

(*) Письмо А. Н. Тургенева. Русскій Архивъ, вып. 4. 1864 г.

Дѣйствительно, въ отдаленныхъ провинціяхъ, въ семейныхъ кругахъ, гдѣ лесть уже не могла имѣть никакого значенія, бюстъ Александра или его портретъ обвивался свѣжими цвѣтами, и первый тостъ, первая молитва собравшейся семьи были за него (*). Александръ отклонилъ всѣ почести, всѣ торжества, готовившіяся въ честь его. Въ то время онъ уже познавъ всю тщету наружнаго величія. Славу подвиговъ онъ отдавалъ побѣдоноснымъ войскамъ своимъ и предоставилъ торжество, готовившееся для него, гвардейскимъ полкамъ, которые, при общихъ восторженныхъ кликахъ, привѣтствуемые имъ самимъ, вступили черезъ тріумфальныя ворота въ Петербургъ 30 Іюля.

Государь недолго оставался въ Петербургѣ. Онъ запечатлѣлъ это пребываніе дѣломъ, которое вполнѣ согласовалось съ его порывами сердца. Желая, хотя частію, заплатить долгъ Россіи въ отношеніи русской арміи, онъ учредилъ, въ память Кульмской побѣды, «Комитетъ 18 Августа 1814 года», для вспомоществованія раненымъ воинамъ. Затѣмъ, поспѣшилъ въ Вѣну, гдѣ назначенъ былъ общій конгрессъ для устройства политическихъ дѣлъ всей Европы.

Вѣнскій конгрессъ, представлялъ странное смѣшеніе идей, и нравственныхъ и политическихъ началъ, которыми руководились дипломаты, устроивавшіе государства по числу *душъ* и квадратныхъ миль, не соображаясь не только съ желаніемъ народа, но даже съ ихъ національностью, ни съ интересами, ни наконецъ съ географическимъ положеніемъ странъ и нерѣдко дѣйствовавшіе съ цѣлями своекорыстной политики или личными. Кто подумалъ бы,

(*) Такъ было въ деревнѣ Долбинѣ (см. тотъ же № Архива), такъ было во многихъ деревняхъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы устно и печатно.

напримѣръ, что представитель свободной Великобританіи противодѣйствовалъ всѣмъ вліяніемъ своимъ, вмѣстѣ съ другими, возстановленію Польскаго королевства и дарованію ему конституціи, соглашаясь лучше, чтобы Польша присоединена была къ Россіи, какъ ея нераздѣльная провинція— чувство понятное въ Русскихъ, но странное со стороны Англичанина.

Опустимъ завѣсу на блестящую по наружности, но мрачную въ сущности картину конгресса, гдѣ часто изъ-за женской улыбки, изъ-за остраго слова приносились въ жертву интересы цѣлой провинціи, и скажемъ только, что главнымъ дѣятелемъ его былъ князь Меттернихъ. Извѣстный баронъ Штейнъ не выдержалъ пребыванія въ Вѣнѣ и до окончанія переговоровъ уѣхалъ.

Этотъ мирный конгрессъ готовъ былъ превратиться во враждебный лагерь, какъ вдругъ, среди пировъ и баловъ, раздался кликъ—Наполеонъ высадился на берегъ Франціи, Наполеонъ приближается къ Парижу, Наполеонъ, торжествующій повсюду, вступилъ Императоромъ въ Парижъ. Слова эти имѣли дѣйствіе таинственныхъ *мане*, *текель*, *фаресъ*, пламенемъ начертанныхъ на стѣнѣ дворца Балтазара. Всѣ кинулись къ оружію и устремились къ одной цѣли, къ Рейну, обративъ туда же возвращающіяся къ своимъ границамъ войска.

Оставивъ Вѣну, гдѣ не давали ни минуты досуга, чтобы очнуться отъ постояннаго чаду лести, увлеченія красоты и соблазновъ всякаго рода, Александръ вздохнулъ свободнѣе. Съ той подвижностью и быстротой переходовъ, которыми отличались ощущенія его, онъ окинулъ взоромъ событія конгресса и . . . отвернулся отъ нихъ.

На пути къ мѣсту дѣйствія, куда спѣшили войска и государи, ему готовились новыя торжества, показывавшія, что народы болѣе вѣруютъ въ него, чѣмъ въ своихъ властителей,

ожидаютъ своего спасенія скорѣе отъ него, чѣмъ отъ нихъ, и это возлагало на него новыя обязанности.

Въ Гейдельбергѣ, утомленный, измученный пріемомъ, отъ котораго не могъ избавиться, онъ поздно вечеромъ вернулся домой; но сонъ не давался ему; Государь былъ сильно взволнованъ и путешествіемъ и мыслію о предстоящей новой борьбѣ съ человѣкомъ, хотя побѣжденнымъ, но все еще пользовавшимся магическимъ вліяніемъ побѣдителя; онъ развернулъ Библію, которую въ послѣднее время всегда возилъ съ собою, ища успокоенія въ словахъ святой книги; но взоры скользили по строкамъ не останавливаясь, и умъ отказывался отъ пониманія ихъ. Въ это время онъ случайно вспомнилъ, что дѣвица Стурдза, сестра извѣстнаго Стурдзы, находившагося при графѣ Каподистрія и сопутствовавшаго ему, Стурдза (*), любимая фрейлина Императрицы Елизаветы и очень уважаемая имъ самимъ показывала въ Вѣнѣ письмо г-жи Криднеръ, которая предвидѣла и бѣгство Наполеона и его торжественную высадку на берега Франціи. Стурдза вообще говорила о ней, какъ о женщинѣ необыкновенной, нашедшей въ глубокомъ раскаяніи и молитвѣ спокойствіе и счастіе, котораго тщетно искала въ суетномъ мірѣ. Александру явилось непреодолимое желаніе увидѣть Криднеръ, съ нею бесѣдовать; но гдѣ ее достать? Неизвѣстно даже было гдѣ она находилась въ то время? Раздавшійся стукъ у дверей вывелъ его изъ міра мечтательности (**). «Въ

(*) Р. С. Стурдза была впослѣдствіи замужемъ за графомъ Эддингомъ, потомъ, овдовѣвъ, возвратилась въ Россію—въ Одессу, гдѣ и скончалась въ 1844 г. Она была любимой сестрой Ал. С. Стурдзы и замѣняла ему мать, судя по его словамъ.

(**) Egnard: Vie de madame de Krüdner 1829. 2 Vol.—Любопытныя свѣдѣнія о баронессѣ фонъ-Криднеръ можно найти въ запискахъ Brescius u. Sfiecker: Beitrage zu einer Charakteristik der frau von Krüdner. Berlin 1818, а также въ недавно вышедшей книгѣ: La baronne de Krüdner, l'Empereur Alexandre I etc, par Capefigue, хотя въ ней много невѣрнаго.

комнату вошелъ князь Волконскій,—пишетъ Государь,—съ видомъ нетерпѣнія и досады. Онъ сказалъ, что рѣшился безпокоить меня въ этотъ необыкновенный часъ только потому, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Криднеръ. Можете себѣ представить мое удивленіе! Мнѣ казалось, что это сонъ. Криднеръ! Криднеръ! невольно произнесъ я. Этотъ быстрый отвѣтъ на мою мысль не могъ быть случайнымъ. Я сей часъ же принялъ посѣтительницу и она, какъ бы угадывая настроеніе души моей, поспѣшила успокоить ея давнишнее смятеніе утѣшительными словами».

Криднеръ, какъ говорилъ Государь, подняла передъ нимъ завѣсу прошедшаго и представила жизнь его со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе, не есть полное искупленіе грѣховъ, что сама она была великая грѣшница, но что у подножія креста, выстрадала себѣ прощеніе постоянною молитвою и горькими слезами. Она говорила съ тѣмъ же, можетъ быть, краснорѣчіемъ, съ какимъ умный проповѣдникъ возвѣщаетъ вѣчныя истины со своей каѳедры, но съ бо́льшимъ увлеченіемъ, съ бо́льшимъ знаніемъ сердца своего слушателя, и, главное, самъ слушатель былъ слишкомъ настроенъ къ впечатлительности тишиною, таинственностію глубокой ночи. Александръ былъ потрясенъ до глубины души: онъ плакалъ.

Съ этихъ поръ начинаются сношенія съ Криднеръ, которыя остались не безъ послѣдствій на его душу, уже подготовленную великими событіями къ тому восторженному піетизму, который нерѣдко отрывалъ его отъ земныхъ заботъ, особенно въ послѣднее время, и заставлялъ возлагать бремя правленія на другихъ дѣятелей. Баронессѣ Криднеръ было тогда 50 лѣтъ.

Счастье измѣнило Наполеону. Ватерлооская битва привела опять союзниковъ въ Парижъ. На этотъ разъ Императоръ Александръ поселился въ скромномъ дворцѣ Елизе-Бурбонскомъ, принадлежавшемъ тогда ребенку, сыну Наполеона, еще въ колыбели провозглашенному Римскимъ королемъ. Государь избѣгалъ всякихъ торжественныхъ пріемовъ, празднествъ и вообще какого либо изъявленія восторженности,—искренней или наемной; если являлся на улицахъ Парижа, то большею частію инкогнито, стараясь пройти незамѣченнымъ. Его мысли были тогда заняты важнымъ предметомъ. Трактатъ, тайно заключенный противъ него тремя державами, съ которыми по видимому онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, самостоятельность которыхъ—Франціи особенно—онъ отстаивалъ, имѣлъ сильное на него дѣйствіе. Онъ думалъ заключить такой союзъ, который бы основанъ былъ на нравственныхъ началахъ, который бы связалъ государей и народъ братскими узами, освященными религіей, былъ бы для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству, по долгу. Возможно ли осуществленіе такой возвышенной мысли?— Это другой вопросъ, но что Александръ руководился этой мыслію, болѣе религіозной, чѣмъ политической, и только ею, а несвоекорыстными видами, о которыхъ впослѣдствіи говорили, это свидѣтельствуютъ и люди близкіе ему и тогдашнее его нравственное настроеніе.

Вотъ что говоритъ одинъ изъ участниковъ, хотя косвенныхъ, въ составленіи этого акта, А. С. Стурдза, котораго конечно ни кто не заподозритъ въ неправдивости (*). «Государь, благоговѣя предъ цѣлебной и животворной мощію христіанской вѣры, видѣлъ во внутреннемъ ея возстановленіи един-

(*) Воспоминанія о жизни и дѣяніяхъ графа И. А. Каподистрія. Соч. А. С. Стурдзы.

ственный залогъ мира, возрожденія, и благополучія всѣхъ племенъ земныхъ».

Императоръ собственноручно написалъ весь трактатъ; онъ поручилъ графу Каподистрія только облечь его въ обычную форму, «но сущности отнюдь не измѣняйте! это мое дѣло; я началъ и съ Божіею помощію довершу», прибавилъ Государь. Стурдза, которому поручилъ графъ Каподистрія распредѣленіе и отдѣлку статей, почему-то раздѣлилъ ихъ на четыре, вмѣсто бывшихъ трехъ пунктовъ. Государь поставилъ неизбѣжнымъ условіемъ число три и возстановилъ прежній порядокъ; самъ переписалъ актъ, засвидѣтельствовалъ его собственною скрѣпою, и потомъ подписалъ, въ числѣ трехъ Государей, въ день Воздвиженія честнаго креста ($\frac{14}{26}$ Сентября).

«Симъ необыкновеннымъ ходомъ непосредственныхъ переговоровъ между монархами, Государь желалъ и надѣялся утвердить на незыблемомъ основаніи союзъ искренняго братства». . . . .

Государи, подписавшіе трактатъ обязывались «какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководиться заповѣдями Св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями».

Мы съ намѣреніемъ распространились объ этомъ болѣе духовномъ, чѣмъ дипломатическомъ актѣ, чтобы показать, какъ несправедливо обвиняютъ государей въ намѣреніи заключить союзъ противъ народовъ! Если, впослѣдствіи, дипломаты успѣли дать подобный оборотъ священному трактату, то это доказываетъ только всю изворотливость ихъ, отъ которой самыя лучшія намѣренія не могутъ устоять. Но во время составленія его, всякое дипломатическое участіе минист-

ровъ было устранено; никто даже не зналъ, какъ составлялся актъ и, можетъ быть, только баронесса Криднеръ читала его вчернѣ; Стурдза ясно это свидѣтельствуетъ. Описывая въ подробности всю манипуляцію составленія акта, онъ весьма основательно говоритъ въ концѣ: «содня подписанія сего договора, враждебно ополчились на него дипломатическое коварство, церковная мнительность и демагогическое своевольство», а между тѣмъ каждое изъ нихъ бралось за него, какъ за орудіе для себя полезное. Такова бываетъ иногда участь самыхъ святыхъ намѣреній и предначертаній, но дѣло исторіи возстановить истину.

Вскорѣ Государь оставилъ Парижъ и отправился въ Россію. Во Франціи остался тридцати-тысячный корпусъ подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова, умѣвшаго снискать любовь Французовъ, какъ и своихъ подчиненныхъ. Переговоры велъ графъ Каподистрія и подписалъ Парижскій трактатъ 8/20 Ноября 1815 года. Актъ этотъ отличается полнотою, ясностію, предусмотрительностію всѣхъ могущихъ случиться обстоятельствъ и вообще носитъ на себѣ печать великаго и свѣтлаго ума. За тѣмъ, передавъ всѣ дѣла конференціи, наблюдавшей за исполненіемъ договора, генералу Поццо-ди-Борго, назначенному полномочнымъ министромъ въ Парижѣ, графъ Каподистрія, призываемый волею Государя, отправился въ Петербургъ и остановился въ комнатахъ, гдѣ жилъ нѣкогда государственный канцлеръ. Онъ уже былъ назначенъ статсъ-секретаремъ и ему поручены были всѣ важнѣйшія политическія дѣла того времени.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сильное движеніе въ Европѣ, отразившееся у насъ. Государь становится въ главѣ этого движенія. Преобразованіе въ управленіи, въ языкѣ и литературѣ. Общества «Любителей русскаго слова» и «Арзамаское». Блудовъ изъ главныхъ дѣятелей послѣдняго; значеніе «Арзамаса», участники его и существенная польза, принесенная имъ. Дружба Блудова съ Жуковскимъ и Карамзинымъ; образъ ихъ мыслей.

Долго подавленныя страсти выступали со всею силою. Въ народахъ, участвовавшихъ въ великихъ событіяхъ, въ борьбѣ продолжительной, жертвовавшихъ своею жизнію, своимъ достояніемъ для сохраненія государственной независимости, развилось чувство личнаго достоинства, чувство самобытности. Содѣйствуя общему дѣлу, они естественно желали быть участниками общихъ интересовъ, требовали для себя тѣхъ правъ, которыми воспользовались только одни избранные, оставивъ на долю народа обязанности, можетъ быть менѣе обременительныя, чѣмъ возлагала на нихъ война, но тѣмъ неменѣе унизительныя. Постоянные походы въ чужія государства, нерѣдко отдаленныя, столкновенія съ иными народами, иными нравами и образованіемъ, взаимное соприкосновеніе различныхъ интересовъ расширили кругъ знаній, развили понятія, показали многіе предметы

въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Народъ, не получивъ и того, что ему обѣщали въ минуты опасности, возмутился. Сначала послышался общій ропотъ, потомъ затаенная злоба и месть, которыя, какъ сѣтью, покрыли тайными обществами государства Германо-романскіе. Правительства, вмѣсто разумныхъ мѣръ и уступокъ, умѣли противопоставить тайнымъ обществамъ тайную полицію, созданіе Фуше, возведенное въ систему и науку Меттернихомъ. Народъ чувствовалъ свою силу тѣмъ сознательнѣе, что въ главѣ правительствъ были люди слабые, выродившіеся; великій вѣкъ унесъ великихъ дѣятелей; другіе же, болѣе развитые, стали на сторону народовъ.

Нужно ли говорить, что такая затаенная, глухая борьба между народомъ и правительствомъ влечетъ за собою неизбѣжно заговоры, всякаго рода насиліе, доходящее до изступленія; такимъ образомъ, тайное общество, собравшееся въ Іенѣ, положило убить трехъ человѣкъ и роздало торжественно кинжалы тремъ убійцамъ. Избранные *для начала*, какъ сказано въ собраніи, жертвы были: плодовитый драматургъ Коцебу, профессоръ Шмальцъ и Стурдза, имя котораго мы такъ часто поминали въ книгѣ.—Извѣстно, что только первое убійство удалось привести въ исполненіе. Шмальцъ, здоровый и сильный, успѣлъ отдѣлаться отъ убійцы, а Стурдза, предупрежденный заранѣе, во время уѣхалъ въ Россію. Вскорѣ потомъ, нѣкто Ленингъ, которому также выпалъ жребій кинжальщика, кинулся на Нассаускаго президента Ибеля, но тотъ также отбился и только слегка раненъ.

Причиной покушенія на жизнь Стурдзы было слѣдующее обстоятельство: изучая духъ и систему преподаванія въ германскихъ университетахъ, которые часто посѣщалъ, онъ составилъ записку о направленіи ихъ и представилъ графу Каподистрія; эта записка, по волѣ Государя, была ра-

*

зослана главнѣйшимъ посольствамъ нашимъ, какъ водится, въ литографированныхъ экземплярахъ; неизвѣстно какъ оттуда попала она въ англійскій *Times* въ искаженномъ видѣ, и потомъ перепечатана во многихъ нѣмецкихъ журналахъ. Она то и возбудила негодованіе германской молодежи противъ Стурдзы.

Противъ самого Государя составленъ былъ за границей заговоръ; впрочемъ, это было дѣломъ политической партіи, которая имѣла цѣлію, остановивъ Александра Павловича во время переѣзда его черезъ Бельгію, вынудить объявить сына Наполеона императоромъ Французовъ; но вовремя предупрежденныя мѣстныя власти не допустили исполненія.

Возвратившіяся изъ-за границы наши войска и лица, сопутствовавшія имъ, занесли въ Россію идеи, ей прежде неизвѣстныя; но тутъ нашли они другую почву и болѣе правильное примѣненіе. Государь стоялъ въ главѣ либеральныхъ преобразованій. Его примѣръ, столько же, какъ настоянія Штейна, способствовали тому, что король Прусскій, видѣвшій въ Александрѣ совершенство политической мудрости, приступилъ къ коренным преобразованіямъ; но въ Пруссіи были два государственныхъ человѣка, поддерживавшіе короля на этомъ пути—Штейнъ и Гарденбергъ, люди совершенно противоположныхъ качествъ, другъ друга пополнявшіе, и взятые вмѣстѣ, составляли какъ бы одно цѣлое, въ высшей степени полезное при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Александръ въ то время стоялъ одинокимъ дѣятелемъ во внутреннихъ реформахъ своего государства.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ опять обратился къ любимой мысли—уничтоженія крѣпостнаго права. Въ 1816 году былъ сдѣланъ первый опытъ этого—утвержденіемъ положенія для Эстляндскихъ крестьянъ; инниціатива освобожденія принадлежитъ дворянству. Курляндіи Государь

предложилъ сдѣлать то же, а когда дѣло замедлилось, онъ повелѣлъ (въ 1816 году) ввести или выработанный для нея проектъ или утвержденное уже Эстляндское положеніе. Дворянство согласилось на послѣднее. Лифляндія боролась долго съ различными сопряженными съ этимъ многосложнымъ дѣломъ затрудненіями; наконецъ, въ 1818 году, и она приняла учрежденіе объ освобожденіи крестьянъ. Замѣчательны слова Александра лифляндскому дворянству по этому случаю: «Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ». Присоединеніе Псковской губерніи къ Остзейскому генералъ-губернаторству показываетъ, что Государь хотѣлъ начать съ нея опытъ уничтоженія крѣпостнаго права въ русскихъ губерніяхъ; но, видно, слава этого дѣла суждена была Александру II, и самое дѣло отъ этого замедленія много выиграло, потому что развившіяся понятія и измѣнившіяся обстоятельства дали возможность привести его въ исполненіе на иныхъ началахъ, чѣмъ оно приведено въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

То же направленіе Александра видно въ другихъ отрасляхъ управленія. Еще годомъ ранѣе, онъ даровалъ Польшѣ конституціонную хартію, которая значительно расширила и дополнила права и преимущества гражданъ, сравнительно съ прежнимъ органическимъ уставомъ. Поляки приняли съ восторгомъ конституцію, но не умѣли воспользоваться этимъ добровольнымъ даромъ Александра, великодушно отплатившаго добромъ возставшему противъ него народу. «Когда Силла хотѣлъ дать свободу Риму,—Римъ не въ состояніи былъ принять ее» говоритъ Монтескьё (*). Рѣчь Государя,

(*) Esprit des lois.

произнесенная на первомъ польскомъ сеймѣ, показываетъ ясно, какого рода преобразованія Государь готовилъ для Россіи.

Мысль и слово мало-по-малу также освобождались отъ тѣхъ узъ, которыя наложили на нихъ обстоятельства или излишняя ревность тогдашнихъ исполнителей цензурныхъ правилъ. Рѣчь Уварова, сказанная въ Педагогическомъ институтѣ, сочиненіе Тургенева «о налогахъ», разборъ его Куницынымъ, самыя лекціи послѣдняго, читанныя въ Царскосельскомъ лицеѣ, и нѣкоторыя вышедшія въ то время сочиненія служатъ явнымъ тому свидѣтельствомъ. Офиціальная газета «Сѣверная почта» (1816) заявила формально, что свобода печати покровительствуется самимъ Августѣйшимъ Монархомъ, и потому даетъ возможность доводить до него истину, что она противна только тѣмъ, которые хотѣли бы отчуждать Государя отъ его народа, а такихъ людей, конечно, никто не послушаетъ въ царствованіе Александра I.

Въ литературѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, съ нѣкотораго времени проявлялось стремленіе сбросить съ себя старыя, обветшалыя формы такъ называемаго книжнаго церковно-славянскаго языка и обновиться живою русской рѣчью. Ревнители стараго порядка во всемъ и всюду, только потому что онъ старый или сверстный и сподручный имъ, отъ котораго оторваться они не въ силахъ, спохватились уже тогда, когда раздалась живая, понятная и гладкая рѣчь Карамзина, когда плавные стихи Дмитріева, гармоническіе Жуковскаго, звучный стихъ Батюшкова и бойкій Крылова пробудили, оживили публику, усыпленную стихами Хвостова и его предшественниковъ. Громомъ и бурей разразились они противъ нововводителей въ литературѣ, видя въ нихъ не только людей, глумящихся надъ русскимъ словомъ, извращающихъ его, но растлѣвающихъ русскіе нравы,—людей,

вредныхъ общественному порядку, угрожающихъ святынѣ религіи. Мы съ грустію должны сказать, что именно такой оборотъ этому, повидимому, литературному спору, далъ Шишковъ, отвѣчая Д. В. Дашкову на статьи его, помѣщенныя въ № 11 и 12 журнала «Цвѣтникъ» (1810 г.), издаваемаго Бенитцкимъ и Никольскимъ. Это былъ разборъ перевода двухъ статей Лагарпа, сдѣланнаго Шишковымъ въ 1808 году. Здѣсь, можетъ быть, впервые въ то время является критическое воззрѣніе на предметъ, а не сухой разборъ формы и фразъ. Увлеченіе Шишкова дошло до фанатизма. Онъ напечаталъ «Присовокупленіе къ разсужденію о краснорѣчіи священнаго писанія (1811 г.)». Это уже не филологическая статья, но обвиненіе въ безнравственности, въ безвѣріи, въ отсутствіи всякой привязанности къ отечеству людей, подобныхъ Дашкову и его кружку. Тогда то Дашковъ напечаталъ свою извѣстную брошюру «о легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику», гдѣ указалъ значеніе статьи Шишкова и къ какому роду она принадлежитъ. Вопросъ могъ сдѣлаться серьезнымъ. Даже приверженцы Шишкова обвиняли его въ неприличной выходкѣ, которая, впрочемъ, не повредила Дашкову, потому что въ то время литературной полемикѣ не придавали другаго значенія.

Партіи обозначились ясно. Такъ называемые въ то еще время Славянофилы (*) или Шишковисты соединились дружно между собою, составили Общество и устроили бесѣды «Любителей Русскаго слова» у Державина (1811 г.). Уставъ этихъ бесѣдъ писанъ Шишковымъ. Засѣданія были ежемѣсячныя и происходили публично. Общество имѣло характеръ чисто бюрократическій: мини-

(*) Слово *Славянофилъ* въ первый разъ въ литературѣ появилось въ извѣстномъ стихотвореніи В. Л. Пушкина «Опасный сосѣдъ»: «Славянофиловъ кумъ, угрюмый нашъ пѣвецъ!» Такъ В. Пушкинъ обращается къ князю Шахматову, любимцу Шишкова.

стры, епископы, генералы, все, что было знатнаго и имѣвшаго вліяніе въ службѣ и обществѣ, добивалось чести участвовать въ «Бесѣдахъ». Въ собраніе пріѣзжали въ мундирахъ и лентахъ, дамы—въ бальныхъ платьяхъ. Всѣ скучали невыносимо, но пріѣзжали: это была мода. Блудовъ однажды попалъ на чтеніе какого то разсужденія о «красотахъ слога» и вынесъ изъ «Бесѣды» для будущихъ своихъ «Арзамасцевъ» цѣлый запасъ остроумныхъ разсказовъ.

Въ одной изъ «Бесѣдъ» Шишковъ читалъ свое «разсужденіе о любви къ отечеству». Общество было многочисленное, какъ самъ Шишковъ пишетъ къ Бардовскому: «Духовенство и знатнѣйшія особы обоего пола украшали залу». Рѣчь имѣла успѣхъ; иначе и быть не могло въ той средѣ, въ которой она читалась; притомъ, Шишковъ говорилъ о любви къ отечеству: такая струна всегда сочувственно отзовется въ сердцѣ русскаго; а въ то время, наканунѣ отечественной войны,—и тѣмъ болѣе. Для Шишкова этотъ вечеръ имѣлъ существенное послѣдствіе. Государь, прочитавъ рѣчь, назначилъ автора ея Государственнымъ секретаремъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ самъ Шишковъ. Все, что было читано въ «Бесѣдѣ», печаталось подъ названіемъ «Чтеній». Ихъ издано 19-ть книжекъ (отъ 1811 до 1815 г.); сухость, педантство, скудность дарованія,—за немногими исключеніями, составляютъ характеръ ихъ.

Защитники слога и литературнаго направленія Карамзина, извѣстные подъ названіемъ Карамзинистовъ, громили Славянофиловъ стихами и прозой, печатаемыми въ журналахъ: «Московскомъ Меркуріѣ» издаваемомъ Макаровымъ, и «Цвѣтникѣ». В. Л. Пушкинъ, Батюшковъ, Жуковскій, Дашковъ, князь Вяземскій и особенно Д. Н. Блудовъ были жаркими защитниками и поклонниками Карамзина, который самъ не входилъ въ полемику; онъ не любилъ ее; къ тому

же, уже былъ занятъ своей «Исторіей». Карамзинисты еще не устроились въ особое общество; мысль о томъ была подана впослѣдствіи. Тогда же имъ было не дото-го. Отечественная война возставала съ общимъ призывнымъ кликомъ—къ оружію! Карамзинисты, большею ча-стію люди молодые и доказавшіе, что они «патріоты» не на словахъ, а на дѣлѣ, запечатлѣвшіе своею кровію при-вязанность къ отечеству, разъѣхались по разнымъ полкамъ, арміямъ и дипломатическимъ канцеляріямъ, находившимся при Главнокомандующихъ войсками.

Но вотъ дымъ пожаровъ и паръ крови осѣлъ; побѣдный громъ и вопли пораженій стихли; чадъ опьяненія славы про-шелъ и замѣнился полнымъ сознаніемъ своей силы и досто-инства. Литературная распря возникла пуще прежняго. Для противодѣйствія извѣстнымъ «Бесѣдамъ» возникло обще-ство «Арзамасъ». Это было въ 1815 году. Вотъ что по-служило собственно предлогомъ и такъ сказать ускорило его основаніе. Шаховской поставилъ на сцену и впослѣд-ствіи напечалъ свою комедію «Урокъ кокеткамъ или Липец-кія воды»,—подражаніе французскому (la Coquette), какъ большая часть его комедій. Пьеса имѣла успѣхъ по той причинѣ, по которой у насъ всегда будетъ держаться теат-ральная пьеса: въ ней говорилось много о событіяхъ 12-го года, о Лейпцигѣ, Кульмѣ, Парижѣ; но въ комедіи, въ числѣ карикатурныхъ лицъ, поклонниковъ Лелевой, вы-ставленъ былъ Фіалкинъ, жалкій «балладникъ»—явный намекъ на Жуковскаго, который одинъ въ то время писалъ баллады. (Еще прежде князь Шаховской написалъ коме-дію «Новый Стернъ», въ которой осмѣялъ Карамзина). Цѣлый потокъ сатирическихъ статей, эпиграммъ полился на князя Шаховскаго. Одинъ Жуковскій, бывшій въ числѣ другихъ также въ театрѣ во время представленія пье-сы,—нисколько не обидѣлся, какъ свидѣтельствуетъ пись-

мо его къ роднымъ по этому случаю: «Теперь страшная война на Парнасѣ; около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и они молчали,—городъ раздѣленъ на двѣ партіи и французскія волненія забыты при шумѣ Парнаской бури»... а далѣе: «Я благодаренъ этому пустому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собою. Я теперь знаю, что я люблю поэзію для нея самой и что комары Парнаса меня не укусятъ никогда слишкомъ больно».

Зато другіе дѣйствовали иначе: Дашковъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» «Письмо къ новѣйшему Аристофану» и извѣстную въ свое время кантату, которая была пѣта при собраніи всѣмъ обществомъ Арзамасцевъ: каждый куплетъ ея оканчивался стихами:

«Хвала тебѣ, о Шутовскій!

Замѣтимъ, что князь Вяземскій первый назвалъ въ своихъ эпиграммахъ князя Шаховскаго—Шутовскимъ, а Булгарина—фигляринымъ и флюгаринымъ и эти прозванія привились къ нимъ на всю жизнь. Въ «Сынѣ Отечества», въ «Россійскомъ Музеумѣ» печаталось множество эпиграммъ князя Вяземскаго, Блудова и другихъ.

Мы должны оговорить здѣсь ошибку, вкравшуюся въ изданіи добросовѣстнаго и вѣрнаго цѣнителя таланта Пушкина. Анненковъ приписываетъ кантату Дашкова Пушкину; по видимому онъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что нашелъ ес въ бумагахъ поэта; но свидѣтельства современниковъ (князя Вяземскаго, графа Блудова) въ этомъ случаѣ имѣютъ полную силу доказательства. Пушкинъ могъ получить ее отъ одного изъ Арзамасцевъ, съ которыми, какъ мы увидимъ, онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и сохранилъ ее у себя.

Дашковъ особенно былъ немилосердъ ко всякой посред-

ственности, напыщенной бездарности, которая добивается извѣстности и славы всякими интригами и происками. Состоя членомъ «Общества любителей Россійской словесности, наукъ и художествъ» (*), онъ возсталъ противъ избранія Хвостова, котораго кто-то предложилъ въ члены; но большинство склонилось на сторону Хвостова и онъ былъ выбранъ. Дашковъ показалъ видъ, что помирился съ этимъ избраніемъ, и даже просилъ предоставить ему говорить похвальное слово Хвостову. Ничего неподозрѣвая, всѣ согласились. Въ присутствіи Хвостова и всего общества, превознося поэта всевозможными похвалами, онъ умѣлъ ихъ до того опошлить, до того облить ироніей, желчью, и ловко сопротивопоставить его безобразнѣйшіе стихи стихамъ классиковъ, что слушатели долго не поняли мистификаціи и допустили его докончить рѣчь. Зато, потомъ, Хвостовъ былъ взбѣшенъ, и въ удовлетвореніе ему, Дашковъ былъ исключенъ изъ Общества.

Блудовъ написалъ нѣсколько эпиграммъ; вотъ одна изъ нихъ:

Хотите-ль, господа, между пѣвцами
Узнать Карамзина отъявленныхъ враговъ!
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами
И вотъ, блѣднѣющій надъ рифмами, Шишковъ:
Они умомъ равны; обоихъ зависть мучитъ;
Но одного сушитъ она, другаго пучитъ.

Шишковъ былъ худъ; Шаховской толстъ и брюзглъ.

Въ это время рѣшено было дѣйствовать совокупно, общими силами и основать общество. Поводомъ къ названію общества «Арзамаскимъ» была статья Блудова: «Видѣніе въ Арзамасѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей»

(*) «Общество» пыталось было издавать журналъ, но ограничилось однимъ выпускомъ «С.-Петербургскаго Вѣстника» 1812 г.

съ эпиграфомъ «le vrai peut quelque fois n'etre pas vraisemblable». Онъ написалъ эту шутку подъ впечатлѣніемъ французской статьи «Vision de l'abbé Morellet», написанной по поводу комедіи Palissot: «les philosophes», въ которой осмѣяны энциклопедисты вообще и Ж. Ж. Руссо особенно. Подобно тому, какъ аббатъ Morellet отвѣчалъ на неприличныя выходки Palissot насмѣшками, такъ авторъ «Видѣнія въ Арзамасѣ» отвѣчалъ на выходки князя Шаховскаго и Шишковистовъ. Отсюда происходитъ названіе общества «Арзамасцевъ». Отчего же графъ Блудовъ избралъ для мѣста дѣйствія своего городъ Арзамасъ, мало извѣстный даже между городами Россіи?—Въ то именно время отправлялся въ Арзамасъ воспитанникъ Петербургской школы, живописецъ Ступинъ, съ тѣмъ чтобы основать тамъ школу живописи (*). Объ этомъ говорили при графѣ Блудовѣ, трунили надъ Ступинымъ, который хочетъ грубую Арзамаскую живопись возвести въ искусство и образовать академію. Это дало мысль объ Арзамасѣ и впослѣдствіи повело къ шуточному названію общества—«Арзамаская Академія», «Арзамаское ученое общество».

Графа Блудова, Дашкова и Жуковскаго можно назвать первыми основателями «Арзамаса». Къ нимъ примкнуло все, что было въ то время даровитаго и умнаго въ обществѣ и между литераторами: это были передовые люди своего времени. Тутъ были, кромѣ названныхъ мною лицъ, А. Тургеневъ, В. Л. Пушкинъ, Александръ Пушкинъ, Батюшковъ, Политика, Сѣверинъ, Михаилъ Орловъ, Уваровъ, князь Вяземскій и другіе. Въ уставѣ общества, написанномъ въ шуточномъ тонѣ Блудовымъ и Жуковскимъ, сказано между

(*) Ступинъ принесъ значительную пользу, находившемуся до того въ самомъ жалкомъ видѣ, искусству иконописи. Онъ умеръ въ недавнее время, и школа его, къ сожалѣнію, запущена.

плыхъ водахъ, для излеченія отъ простудной лихорадки, которую получилъ онъ на *Липецкихъ водахъ* (*)».

Не смотря однако на всю наружную шутливость «Общества», оно имѣло значеніе болѣе важное, чѣмъ казалось по виду, и пускало корни глубже и прочнѣе въ русскую почву, чѣмъ мнимые поборники россійскаго слова, сановитые мужи «Бесѣды».

Вотъ что говоритъ объ обществѣ Арзамасцевъ одинъ изъ тѣхъ людей, который, конечно, лучше всякаго другаго умѣлъ оцѣнить истинное его значеніе и котораго слова, хотя давно писанныя, мѣтко, тонко и вѣрно опредѣляли цѣль общества и пользу (**). «Арзамасъ не имѣлъ собственно никакой опредѣленной формы. Это было общество молодыхъ людей, связанныхъ между собою однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи, и собравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признавали путеводителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого Общества, или лучше сказать, этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно критическое. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и проч.—Чѣмъ разнообразнѣе была цѣль общества, тѣмъ менѣе было послѣдовательности въ его занятіяхъ. Въ то время, подъ вліяніемъ «Арзамаса» писались стихи Жуковскаго,

---

(*) Намекъ на комедію Кн. Шаховскаго.

(**) Статья, изъ которой мы выписываемъ эти строки, помѣщена въ «Современникѣ» (1851 г. № 6) подъ названіемъ «Литературныя воспоминанія» и хотя она подписана буквами А. В., но судя по замѣткѣ сдѣланной въ той книжкѣ, по слогу ея и по тому, что объ ней говорилось въ свое время, нельзя сомнѣваться, что статья эта принадлежитъ Уварову.

Батюшкова, Пушкина, и это вліяніе отразилось, можетъ быть, и на иныхъ страницахъ Исторіи Карамзина».

Карамзинъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1816 году для объясненій по изданію первыхъ 8-ми томовъ «Исторіи», писалъ къ своей женѣ: «здѣсь, изъ мущинъ, всѣхъ для меня любезнѣе Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ»; а въ слѣдующемъ письмѣ: «сказать правду, здѣсь не знаю я ничего умнѣе Арзамасцевъ, съ ними бы жить и умереть (*)».

Собирались Арзамасцы большею частію у Блудова и Уварова; вечеръ, посвященный какому нибудь серьезному чтенію или разбору критическому вновь появившагося въ одной изъ европейскихъ литературъ сочиненія, оканчивался веселымъ ужиномъ, гдѣ арзамаскій гусь и веселые куплеты, эпиграммы, а за неимѣніемъ ихъ обычная кантата Дашкова, пѣтая всѣми вмѣстѣ — составляли неизбѣжную принадлежность ужина. Какъ далеко не походили эти люди на ту блестящую молодежь, которая, въ шумныхъ оргіяхъ, проживала огромныя достоянія, пожалованныя ихъ отцамъ Екатериной II, или Павломъ I. Не походили они и на тѣхъ нравственно-болѣзненныхъ личностей, которыя, въ отчужденіи отъ свѣта и совершенномъ непониманіи его интересовъ, предавались утопическимъ ученіямъ, искали великихъ истинъ въ таинствахъ массонскихъ ложъ или хлопотали о разсылкѣ библій къ Самоѣдамъ и Тунгусамъ вмѣсто того, чтобы озаботиться разсылкой букварей своимъ же крестьянамъ. Это были люди бодрые и смѣлые духомъ, богатые надеждами, но большей частію бѣдняки (**) по состоянію (за исклю-

(*) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина ч. I.

(**) Блудовъ (до полученія наслѣдства), Жуковскій и еще одинъ изъ ихъ товарищей, подъ конецъ мѣсяца, когда финансы ихъ приходили въ совершен-

ченіемъ Уварова и князя Вяземскаго). Трудомъ и изученіемъ практической жизни, усерднымъ добываніемъ истинъ научныхъ, пробивали они себѣ тернистый путь въ жизни, и ни одинъ изъ нихъ не изчезъ, не оставивъ за собой слѣда, а изчезли они почти всѣ, за исключеніемъ князя Вяземскаго и Сѣверина (*)!

Въ этомъ кружкѣ людей уже готовились противники Шишкову и его сотоварищамъ по убѣжденіямъ на болѣе обширномъ полѣ; они, какъ увидимъ, неразъ поставляли непреодолимыя преграды—обратить назадъ рядъ преобразованій Александра I и явились неутомимыми бойцами противъ столь извѣстнаго Цензурнаго Устава, составленнаго въ бытность министромъ Народнаго просвѣщенія Шишкова. Люди, его закала, съ затаенной злостью предвидѣли это и старались всячески повредить, если не погубить молодыхъ вольнодумцевъ, одержимыхъ духомъ сомнѣнія и отрицанія. Мы видѣли, чтó самъ Шишковъ писалъ о Дашковѣ. О Карамзинѣ Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій попечитель Московскаго университета, доносилъ министру Народнаго просвѣщенія, графу К. А. Разумовскому, что сочиненія этого опаснаго для общества и правительства литератора исполнены «вольнодумческаго и якобинскаго яда». Не должно забывать что Голенищевъ-Кутузовъ самъ былъ литераторъ и даже вмѣстѣ съ графомъ Салтыковымъ и Хвостовымъ издавалъ журналъ (Другъ просвѣщенія), чтò дало возможность защитникамъ Карамзина вымѣстить цѣлымъ рядомъ статей и эпиграммъ эту клевету.

Общество людей молодыхъ, энергическихъ и талантли-

ное истощеніе, часто хлебали щи у Гаврилы (слуги и дядьки Блудова) и тѣмъ ограничивали свой неприхотливый обѣдъ.

(*) Въ настоящее время померъ и Сѣверинъ въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ былъ очень долго посланникомъ и потомъ жилъ въ отставкѣ.

выхъ конечно стремилось расширить кругъ своей дѣятельности. Они рѣшились издавать журналъ. Графъ Блудовъ составилъ програму (*). Подготовили нѣсколько статей: Батюшковъ и Уваровъ—о греческой Антологіи (**); графъ Блудовъ—о русскихъ пословицахъ и нѣсколько др.— Графъ Каподистрія, по отношеніямъ своимъ къ «Обществу», обѣщалъ доставлять редакціи политическія статьи и современныя свѣдѣнія о ходѣ европейскихъ дѣлъ. Но графъ Блудовъ уѣхалъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ (1818 г.); Дашковъ, болѣе другихъ настойчивый и практическій для приведенія въ исполненіе подобнаго предпріятія, около того же времени отправился въ Константинополь; явились еще другія непредвидѣнныя въ каждомъ журнальномъ дѣлѣ обстоятельства и предположеніе не осуществилось. Самое общество стало собираться рѣже, а вскорѣ (въ концѣ 1818 г.) и совсѣмъ смолкло. Остались, однако, неизмѣнными на всю жизнь связи, скрѣплявшія арзамасцевъ между собою, по крайней мѣрѣ большую часть изъ нихъ, да имена, которыми они впослѣдствіи назывались въ своемъ кругу и часто подписывались въ письмахъ и подъ литературными статьями.

Незамѣтно подкрадывается новое поколѣніе, являются новыя идеи, новое направленіе умовъ. Какъ бы взамѣнъ «Арзамасу» основалось общество «Соревнователей просвѣщенія и благотворительности»; но издаваемый имъ журналъ не имѣлъ единства убѣжденій; члены были слишкомъ разрознены и часто отличались противоположными возрѣ-

(*) Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ Вигелемъ, будто-бы Блудовъ опровергалъ мнѣніе Михаила Орлова, предлагавшаго Обществу приступить къ изданію журнала; Блудовъ спорилъ противъ програмы журнала, а не противъ изданія.

(**) Статья была впослѣдствіи напечатана отдѣльно. Предисловіе къ ней подписано буквами Ст., т. е. Старушка и А.—Ахиллъ—арзамаскія названія Уварова и Батюшкова.

ніями; а потому выраженія общаго ихъ направленія должно искать уже въ другихъ обществахъ, не всегда литературныхъ, явныхъ и тайныхъ: это направленіе оставило по себѣ слѣдъ кровавый...

Время «Арзамаса», по словамъ Дмитрія Николаевича, было счастливѣйшее время въ жизни. Это подтверждается также его мыслями и замѣтками, которыя онъ набрасывалъ на лоскутки бумаги, большею частію карандашемъ, въ разное время, когда они приходили ему въ голову. Вотъ что онъ писалъ въ эту эпоху: «Счастливое расположеніе души, когда мы любимъ всѣхъ. Спаситель сказалъ: любите своихъ враговъ! открывая намъ тайну какъ найти рай и въ семъ мірѣ». Семейное счастіе Блудовыхъ не омрачалось ни малѣйшею тѣнью. «Въ дѣтяхъ все будущее родителей; они ихъ воплощенная надежда. Не знаю, кто сказалъ это; и сказалъ ли правду! При взглядѣ на дѣтей, когда всѣ ощущенія изчезаютъ въ удовольствіи ихъ видѣть и когда сердце трепещетъ отъ нѣжности, отецъ узнаетъ чтó есть наслажденье настоящей минуты, а часто онъ и боится подумать о будущемъ!» Дружба самая искренняя, самая безкорыстная съ Жуковскимъ и Карамзинымъ (*) была для него источникомъ инаго рода радостей. Для точности опредѣленія мы должны однако замѣтить, что въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ существовалъ нѣкоторый оттѣнокъ, который налагали различіе въ лѣтахъ и привычка обращенія съ первой молодости; такимъ образомъ Жуковскій и Блудовъ были между собою на-*ты*, а Карамзину говорили—*вы*. «О, Жуковскій,—писалъ Блудовъ, если бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, того чувства, въ которомъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, чистой отъ всѣхъ порочныхъ по-

(*) Карамзинъ осенью 1816 г. переѣхалъ въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ.

бужденій, и безцѣнное ощущеніе твоей любви, и наконецъ воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ,—Жуковскій, я все бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживляюсь твоими стихами, какъ увядающій цвѣтокъ возвращеннымъ свѣжимъ воздухомъ. Два дни я страдалъ нравственной болѣзнію, и эту болѣзнь можно назвать каменною, ибо въ ней всѣ способности души и ума каменѣютъ; мнѣ казалось, что я утопаю въ какой то пустотѣ и тщетно ищу въ ней себя; но случай привелъ мнѣ на память твои стихи и я почувствовалъ свое сердце. Очаровательная музыка! тобой я буду лечиться отъ новой тарантулы, которая не даетъ смерти, но отнимаетъ жизнь».

Одинаковый образъ мыслей, одни и тѣже стремленія въ жизни связывали тѣсно эти три личности. Возьмите на выдержку изъ ихъ сочиненій того времени любое мѣсто, которое бы только носило отпечатокъ чувствъ и отличалось полнотой мысли,—тоже стремленіе: «жить для добра, для истины, которая одна служитъ основою счастія и просвѣщенія». Карамзинъ, въ письмѣ своемъ къ Тургеневу, говоритъ: «Жить есть не писать исторіи, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться душой къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая моихъ восьми или девяти томовъ; чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея: страсти должны не счастливить, а разработывать душу.... любите добро, а что есть добро, спрашивайте у совѣсти». Вотъ что писалъ Жуковскій къ тому же А. И. Тургеневу (1812 г. 4 Августа). Помнишь ли что говоритъ Миллеръ? lesen ist nichts, lesen und denken—etwas; lesen, denken und fühlen—die Vollkommenheit. На мѣсто lesen поставить leben.... и далѣе, «великія мысли усовершенствуютъ великія чувства, удерживаютъ ихъ на поле-

тѣ: произведеніе всего этого—счастіе». Приводимъ наконецъ выписку изъ письма Блудова къ женѣ: «Правда! Правда! Она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей—служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно и страдальцами».

Ко времени «Арзамаса» принадлежитъ и 2-я часть «Спящихъ дѣвъ—Вадимъ», посвященный Блудову. Жуковскій въ своемъ посвященіи говоритъ:

«Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель,
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь—хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пребываніе Государя въ Москвѣ. Престолонаслѣдіе. Блудовъ при графѣ Каподистріи; Жуковскій при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; Полетика. Отправленіе Блудова въ Лондонъ; особое порученіе. Возрастающее неудовольствіе иностранныхъ державъ противъ Россіи. Возстаніе Испанскихъ колоній служитъ началомъ возстанія народовъ. Отношенія коммисаровъ къ Наполеону на островѣ Св. Елены. Депеши и журнальныя статьи Блудова. Болѣзнь его; отъѣздъ. Переводъ и изданіе дипломатическихъ актовъ; цѣль и сотрудники.

Въ концѣ 1817 года Дмитрій Николаевичъ Блудовъ отправился съ дипломатической Канцеляріей въ Москву, гдѣ находился уже съ Сентября мѣсяца Государь Императоръ со своимъ семействомъ и весь дворъ. Жуковскій, назначенный преподавателемъ русскаго языка къ молодой великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, также находился въ Москвѣ. Привязавшійся всею поэтическою душою къ своей ученицѣ, онъ переводилъ, по ея желанію, лучшія стихотворенія изъ нѣмецкихъ поэтовъ и издавалъ ихъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ небольшими брошюрами подъ названіемъ «*Для немногихъ*» «Für Wenige», которыхъ вышло 6-ть книжекъ. Онѣ не были въ продажѣ и печатались въ числѣ какихъ нибудь 75 или 100 экземпляровъ, и потому составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Жуковскій и Блудовъ съ какою то дѣтскою радостію бродили по Москвѣ, вспоминая и

первую молодость, со всѣми ея лишеніями и мелкими радостями и ту великую пору 12 года, послѣ которой едва оправлялась древняя столица, представляя еще во многихъ улицахъ обгорѣлые дома и груды камня. Сюда же былъ вызванъ изъ Лондона Полетика, бывшій тамъ совѣтникомъ посольства. «Изъ всѣхъ чиновниковъ министерства Иностранныхъ дѣлъ, Полетикѣ и Блудову болѣе всѣхъ Каподистрія оказывалъ пріязнь и уваженіе; послѣдняго называлъ перломъ русскихъ дипломатовъ», говоритъ Вигель въ своихъ запискахъ. Полетика былъ членомъ «Арзамаса» и извѣстенъ въ немъ подъ именемъ «очарованный челнъ». Жуковскій и Блудовъ приняли его съ распростертыми объятіями. Вскорѣ открылось, что Полетику вызвали для того, чтобы предложить ему мѣсто посланника въ Соединенныхъ Штатахъ. Вмѣсто его Каподистрія представилъ совѣтникомъ посольства Блудова. Оба они, по случаю своего новаго назначенія, откланивались Государю въ Москвѣ.

Блудова лично зналъ мало Александръ Павловичъ, но въ воспоминаніяхъ Дмитрія Николаевича сохранилась простота и чарующее вліяніе его пріема. Въ Москвѣ Блудовъ нашелъ его чрезвычайно измѣнившимся. Событія 1812 года, какъ утверждаютъ современники, въ нѣсколько мѣсяцевъ состарили его; задумчивость и даже грусть выражались на лицѣ, на которомъ все рѣже и рѣже показывалась его чарующая улыбка; говорили, что во время продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ, онъ былъ занятъ мыслію о составленіи акта престолонаслѣдія; помышлялъ тогда же отказаться отъ престола и искать отдыха и тишины въ какомъ нибудь уединеніи. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, Александръ объявилъ совершенно неожиданно великому князю Николаю Павловичу, что онъ, «чувствуя совершенное ослабленіе силъ, считаетъ за долгъ и непреложно рѣшился отказаться отъ престола, лишь только замѣ-

титъ по упадку своихъ силъ, что настало къ тому время (*). Я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, но онъ, съ врожденнымъ отвращеніемъ отъ престола, рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать. И такъ, Вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ Императорскому сану». Вскорѣ послѣ того, мы видимъ подтвержденіе той же мысли въ словахъ великаго князя Константина Павловича, который высказался любимому своему брату Михаилу, что онъ рѣшился твердо и неколебимо уступить право свое, по порядку престолонаслѣдія, великому князю Николаю. Но Государь долго еще медлилъ и не облекалъ свое предположеніе въ законный актъ, какъ будто колеблясь и не рѣшаясь на важный шагъ. Это колебаніе можно скорѣе приписать тому, что, вмѣстѣ съ порядкомъ наслѣдія престола, онъ хотѣлъ объявить и свое отреченіе, чѣмъ другому нелѣпому предположенію, будто Александръ, въ случаѣ смерти болѣзненной Императрицы Елизаветы Алексѣевны и брака съ другою, еще могъ думать о прямыхъ наслѣдникахъ; такое предположеніе вполнѣ опровергается многими свидѣтельствами, которыя преждевременно было бы приводить здѣсь; мысли его все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ дѣлъ земныхъ. Въ Москвѣ онъ чувствовалъ себя лучше. Искреннее сочувствіе народа облегчало его душу, а рожденіе великаго князя Александра Николаевича окончательно рѣшило его привести въ исполненіе свою мысль о престолонаслѣдіи.

Если бы Государь здѣсь остановился на царственномъ пути своемъ и отказался отъ престола, онъ остался бы величайшимъ Государемъ и человѣкомъ въ исторіи! Онъ былъ главнымъ двигателемъ и рѣшителемъ міровыхъ событій Европы; внутри же государства—его живительныя начала,

---

(*) *Восшествіе на престолъ Императора Николая I*, составлено барономъ Корфомъ, 1857 года.

исполненныя благихъ и либеральныхъ намѣреній, служили бы путеводными знаками для его преемниковъ, между тѣмъ какъ торопливое, судорожное и непослѣдовательное приведеніе ихъ въ исполненіе подорвало къ нимъ вѣру и отодвинуло назадъ впослѣдствіи.

Москва задержала Блудова своимъ радушнымъ пріемомъ. Здѣсь то, обновившись жизнью полною, въ кругу людей мыслящихъ, которые предпочитали скромную долю литератора всѣмъ превратностямъ свѣта и службы, онъ отмѣтилъ у себя въ тетрадкѣ: «Область творческаго ума, ясныхъ пониманій, высокихъ мыслей, сильныхъ, горячихъ чувствъ и вдохновенныхъ ими словъ, ты была для меня землей обѣтованной, и, какъ Моисей, обнимая тебя взоромъ, я не вступилъ въ твои предѣлы!» Простившись на долго съ Москвой и друзьями, Блудовъ отправился для дальнѣйшихъ сборовъ въ Петербургъ.

Александръ I придавалъ большое значеніе печатной гласности, особенно заграничной; журнальная же пресса, слѣдуя внушеніямъ своихъ правительствъ, особенно въ Англіи и Германіи, была сильно возбуждена противъ насъ. Для противодѣйствія этой прессѣ, для опроверженія клеветы и распространенія истины, Государь, по мысли графа Каподистрія, назначилъ во Франкфуртъ особенное лицо (Фаберъ), которое должно было слѣдить за журналами европейскаго материка, вступить въ сношенія съ вліятельными редакторами, доставлять имъ матеріалы или уже готовыя статьи, и вообще знакомить Европу съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Такого же рода порученіе возлагалось на Блудова въ отношеніи журналовъ англійскихъ и американскихъ; вниманіе его было особенно обращено на испанскія колоніи, которыя вели ожесточенную войну противъ своей метрополіи, почти явно поддерживаемую Англіей, между тѣмъ, какъ Россія стояла за Испанію. Блудовъ отка-

зывался было отъ этого порученія, извиняясь незнаніемъ англійскаго языка, но министерство, судя по инструкціямъ, слишкомъ вѣрило въ его способности и настояло на своемъ требованіи: оставалось повиноваться. Блудовъ отправился въ концѣ Апрѣля 1818 года.

Путешествіе съ семействомъ по Германіи и Франціи, на пути въ Англію, не представляетъ ничего особеннаго притомъ же описано подробно спутникомъ его, Вигелемъ. Упомянемъ объ одномъ случаѣ,—благо самъ Вигель разсказываетъ его: Блудовъ отправлялся за границу со всѣмъ семействомъ въ двухъ собственныхъ экипажахъ; видя что Вигель, котораго доктора посылали за границу, затрудняется въ своемъ отправленіи, онъ предложилъ ему мѣсто въ экипажѣ, увѣривъ, что оно лишнее и что, по окончаніи путешествія, доставитъ ему счетъ издержекъ, падающихъ на него; но когда, пришлось имъ разставаться уже въ Парижѣ, Блудовъ объявилъ рѣшительно, что счеты потеряны, и что не стоитъ болѣе говорить о такихъ пустякахъ. Насъ ни сколько не удивляетъ этотъ поступокъ Блудова, но нельзя достаточно надивиться, какимъ образомъ добрые Блудовы могли ужиться съ Вигелемъ, котораго капризы были такъ извѣстны современникамъ, который, въ добавокъ, не могъ сносить дѣтскаго плача, а у Блудовыхъ было трое дѣтей. «Умъ многое выкупаетъ», говаривалъ часто Блудовъ, а кто же можетъ усомниться въ умѣ Вигеля?

Принявшись за дѣло, не теряя времени, молодой дипломатъ черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ въ Лондонъ, свободно читалъ англійскіе журналы. Но тутъ представилась другая забота—найти органъ, который бы взялъ на себя защиту Россіи. Въ 1818 году страсти были сильно раздражены въ Англіи; опасенія, чтобы Александръ I не замѣстилъ въ Европѣ Наполеона, что такъ ошибочно предсказывалъ послѣдній, какъ страшное видѣніе пугало англійскій ка-

бинетъ и этотъ страхъ сообщался всей странѣ. Мысль, овладѣвавшая общественнымъ мнѣніемъ Англіи, принимала всегда громадные размѣры; не было небылицы, если только она служила въ укоръ Россіи, которая не находила бы мѣста въ столбцахъ англійскихъ газетъ и надо было много смѣлости, чтобы рѣшиться противостать общественному мнѣнію.

Въ назначеніи Блудова и особенно въ послѣдовавшей затѣмъ перепискѣ ясно видно живое участіе, которое все болѣе и болѣе принималъ въ судьбѣ его графъ Каподистрія, по мѣрѣ того, какъ узнавалъ ближе. Чтобы облегчить доступъ въ высшее лондонское общество, онъ далъ ему письмо къ графу Воронцову, который хотя оставилъ постъ посла въ Лондонѣ и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Wilton House, однако сохранилъ большое вліяніе въ странѣ какъ по родственнымъ связямъ, такъ и по личнымъ своимъ качествамъ. Это знакомство во многихъ отношеніяхъ было благодѣтельно для семейства Блудовыхъ; особенно дочь графа Воронцова приласкала молодую Блудову въ обществѣ, ей совершенно чуждомъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ Блудова, графъ Ливенъ уѣхалъ въ Ахенъ, гдѣ уже собрался конгрессъ государей, и Блудовъ остался повѣреннымъ въ дѣлахъ.—Онъ обыкновенно писалъ свои офиціальныя депеши на имя графа Нессельроде, а конфиденціальныя письма къ графу Каподистрія; такъ поступали многіе изъ посланниковъ того времени.

Кабинетъ Англіи сильно заботило сближеніе наше съ Франціей. Стюартъ, англійскій посланникъ при французскомъ дворѣ, никакъ не могъ простить графу Поццо-ди-Борго того преобладающаго вліянія, какое онъ имѣлъ въ Парижѣ. Чтобы напугать европейскіе дворы, онъ распустилъ молву о заключенномъ будто бы тайномъ союзѣ между Россіей и Франціей. Въ одномъ изъ писемъ своихъ

къ графу Каподистрія, Блудовъ, говоря о мѣрахъ, которыя онъ принялъ для того, чтобы обличить всю нелѣпость этого слуха и тѣ грязные источники, изъ которыхъ онъ почерпнутъ, между прочимъ сообщаетъ, что онъ представитъ нѣкоторыя данныя, по которымъ можно предполагать о состоявшемся тайномъ соглашеніи между Англіей и Австріей противъ Россіи. Мы не имѣемъ передъ собой на этотъ разъ улики двуличія австрійской политики, которая въ то же время вела дружескія переговоры съ Россіей, но готовы вѣрить въ предположеніе Блудова тѣмъ болѣе, что министерство придавало ему также значеніе.

Возстаніе Испанскихъ колоній, поддерживаемое и возбуждаемое Англіей, наконецъ перешло въ метрополію и сообщалось всему материку Европы, чего желалъ лондонскій кабинетъ. Онъ могъ наконецъ сбыть этотъ буйный, привыкшій къ праздности и разврату сбродъ солдатъ, которыхъ набиралъ вербовкой отовсюду для поддержанія гигантской войны, а также и громадные запасы военныхъ снарядовъ и мануфактурныхъ произведеній, залежавшихся послѣ раззорительной для нея континентальной системы, такъ какъ бо́льшая часть фабрикъ на твердой землѣ остановилась вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ. Но англійскій кабинетъ того времени, не отличавшійся дальновидностію, смотрѣлъ на предметъ слишкомъ односторонне и руководствовался рутиннымъ преданіемъ. Блудовъ справедливо писалъ объ немъ: «le mot faiblesse le peint sous tous les rapports; faiblesse de caractére, de talent, de crédit, et même de confiance dans leurs propres forces» (*). Министерство не думало о томъ, что общее движеніе умовъ и страстей, возстаніе народовъ въ Европѣ можетъ отразиться въ Англіи иначе, чѣмъ торговыми барышами. Вскорѣ, послѣ смерти

(*) «Слово—слабость изображаетъ его во всѣхъ отношеніяхъ: слабость характера, дарованій, довѣрія и увѣренности въ собственныя силы».

Георга III, считавшагося только по имени королемъ, и вступленія на престолъ принца-регента, подъ именемъ Георга IV, общее негодованіе разразилось многими частными возмущеніями въ Англіи, Шотландіи и особенно Ирландіи и наконецъ возрасло до обширнаго заговора, имѣвшаго цѣлію вырѣзать всѣхъ министровъ, поджечь со всѣхъ концовъ Лондонъ, захватить орудія, оружіе, склонить на свою сторону или истребить войско и поставить новое правленіе на другихъ республиканскихъ началахъ. Въ главѣ заговора стоялъ нѣкто Артуръ Тистельвудъ, служившій нѣкогда въ военной службѣ въ Англіи, потомъ въ Америкѣ и наконецъ участвовавшій во французской революціи послѣ паденія Робеспьера.—Заговорщики схвачены въ тотъ день, когда они готовились убить министровъ во время общаго обѣда. Казнь ихъ не привлекла ни малѣйшаго къ нимъ сочувствія въ народѣ, не смотря на общее, какъ мы сказали, негодованіе противъ правительства.

Относительно отдѣленія американскихъ колоній, принадлежавшихъ Испаніи, въ то время никто уже не сомнѣвался. Одинъ изъ возмутившихся генераловъ Венецуэлы открылъ конторы въ Англіи и публично нанималъ охотниковъ въ солдаты, которые толпами собирались подъ его и всякое другое знамя, выставляемое какимъ—либо авантюристомъ, лишь бы оно манило грабежомъ и наживой. Англійскіе гарнизоны, остававшіеся во Франціи въ силу трактата, возвратились, и всякой безпріютной сволочи было много. Напрасно испанскій посланникъ протестовалъ во имя международнаго права и взаимной пріязни двухъ государствъ: на него не обращали вниманія. Блудовъ, въ одной изъ депешъ своихъ, сравнивалъ Испанію съ больнымъ человѣкомъ, отживающимъ вѣкъ, и предсказывалъ уже тотъ переворотъ, который вскорѣ дѣйствительно совершился въ ней.

Для Лондонскаго кабинета оставалась однако одна важ-

ная забота: Наполеонъ въ заточеніи не переставалъ тревожить его напуганное воображеніе.

Блудову сообщались изъ англійскаго министерства свѣдѣнія, получаемыя съ острова св. Елены; кромѣ того, посольство наше состояло въ прямыхъ сношеніяхъ съ русскимъ коммисаромъ на островѣ, графомъ Бальменомъ. Невольно сжимается сердце, читая депеши того времени и видя, какъ великій человѣкъ вдается во всѣ дрязги и мелочи обыденной жизни, исполненной самой недостойной интриги. Графъ Бальменъ обвиняетъ во всемъ сира Г. Лау и страдаетъ не менѣе, а можетъ и болѣе другихъ добровольныхъ затворниковъ св. Елены, сопутствовавшихъ Наполеону, потому что всѣ надежды небольшой Лонгвудской колоніи были сосредоточены на немъ, а онъ ничего не въ состояніи былъ сдѣлать. Монтолонъ не отставалъ отъ него съ мольбами принять письмо Наполеона къ Императору Александру; самъ Наполеонъ рѣшился писать къ нему и просить его исполнить эту просьбу, но власть русскаго коммисара была до того ограничена, что онъ не могъ даже убѣдить непреклоннаго Лау измѣнить свое обращеніе съ Наполеономъ.— Бальменъ повидимому мучился сильно; притомъ же, климатъ острова св. Елены дѣйствовалъ на всѣхъ иноземцевъ одинаково гибельно; нервы его пришли въ совершенное разстройство; онъ рѣшился, хотя на время, оставить островъ и отправился въ Ріо-Жанейро, предоставя графу Ливену извинить передъ министерствомъ всѣми возможными доводами его самовольную отлучку; ему просто была не-подъ-силу такая жизнь, и онъ умолялъ, чтобы его съ будущаго года отозвали въ Россію. Изъ этихъ первоначальныхъ депешъ Бальмена никакъ нельзя было предположить, что онъ кончитъ тѣмъ, что женится на племянницѣ Гудсонъ Лау.

Замѣчателенъ разговоръ Бальмена съ Монтолономъ передъ отъѣздомъ въ Ріо. «Въ Васъ однихъ, говорилъ этотъ

добровольный изгнанникъ, заключается для насъ и наибольшее общественное мнѣніе и судъ потомства: можете ли вы быть увѣрены, что въ отсутствіе ваше они тутъ разумѣется и австрійскій коммиссаръ не покусятся на жизнь императора? Само собою разумѣется, что Бальменъ успокоивалъ его какъ могъ. Блудовъ, которому Бальменъ сообщилъ этотъ разговоръ, въ свою очередь доносилъ о томъ, что докторъ О'Мейра, по возвращеніи его съ острова св. Елены, обвинялъ въ присутствіи многихъ, сэръ Гудсонъ Лау въ томъ, что тотъ будто бы поручалъ ему отравить Наполеона. Разумѣется нашъ повѣренный въ дѣлахъ сообщаетъ это извѣстіе какъ слухъ, которому не придавалъ большаго значенія.

Изъ донесенія Блудова, мы убѣждаемся, какъ зорко слѣдило англійское правительство за всѣмъ, что имѣло какое нибудь отношеніе къ знаменитому узнику, и дѣйствуя въ этомъ случаѣ вопреки своихъ конституціонныхъ и нравственныхъ началъ, перехватывало частныя письма, отправляемыя съ острова св. Елены; наконецъ рѣшилось наложить руку на бумаги и на самого генерала Гурго, возвратившагося оттуда и проживавшаго уже нѣсколько времени въ Лондонѣ очень мирно и спокойно. Гурго прибѣгнулъ было къ силѣ, чтобы защититься отъ англійскихъ полисменовъ, но конечно этимъ только подалъ бóльшій поводъ къ обвиненію себя. Вообще, изъ всѣхъ депешъ нашего посольства видѣнъ тотъ страхъ, который внушало еще имя Наполеона нѣкоторымъ правительствамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочувствіе отдѣльныхъ лицъ къ узнику, какъ не старались скрыть его настоящее положеніе.

Блудовъ представляетъ ясную картину тогдашнихъ отношеній Англіи къ Америки. Онъ говоритъ, что воспламененіе страстей, произведенное еще недавней, ожесточенной войною, стихаетъ, но за то быстро возникающее благосо-

стояніе Соединенныхъ штатовъ, его торговля, самыя постановленія возбуждаютъ зависть и затаенныя опасенія; злоба накипаетъ при каждомъ политическомъ столкновеніи двухъ націй и обѣщаетъ перейти въ вѣчное враждебное соперничество.

На поприщѣ англійской журналистики Блудовъ, какъ видно изъ переписки его съ графомъ Каподистрія, началъ съ опроверженія клеветы по дѣламъ Польши, которая видно и тогда, какъ и теперь, составляла обычный предметъ иностранной прессы. Не странно ли, что въ то время, когда Александръ даровалъ Польшѣ обширную конституцію, вопреки противодѣйствія иностранныхъ державъ, когда полное самоуправленіе господствовало во вновь созданномъ королевствѣ, насъ осыпаютъ упреками въ томъ, что лучшіе люди Польши и особенно ксендзы томятся въ неволѣ въ «ледяныхъ странахъ Сибири». Впрочемъ, мы должны сознаться, что попытки Блудова еще менѣе чѣмъ Фабра принесли пользы для Россіи. Опытъ иностранныхъ державъ показалъ, что для того, чтобы имѣть свой собственный, сильный и самостоятельный органъ, или вообще пользоваться вліяніемъ въ журнальной прессѣ нужно много энергіи, денегъ и таланту.

Проживши болѣе двухъ лѣтъ въ Лондонѣ, Блудовъ убѣдился, что состояніе его, при томъ образѣ жизни и тѣхъ связяхъ, которыя онъ составилъ, разстраивается; а слишкомъ усидчивая жизнь за занятіями и чуждый ему климатъ сломили его крѣпкую натуру. Онъ сильно заболѣлъ. Во время болѣзни вполнѣ высказалась пріязнь къ нему графа Ливена и лондонскихъ друзей семейства Блудовыхъ, которые окружали его самой нѣжной заботливостью; но Блудовъ не могъ вполнѣ оправиться отъ послѣдствій своей тяжкой болѣзни въ Лондонѣ. Страстно любя Россію, онъ полагалъ, что родной воздухъ оживитъ его. Нельзя также не

замѣтить, что сильное вмѣшательство графини Ливенъ въ дипломатическія сношенія возмущало служащихъ при посольствѣ. Блудовъ настоятельно просился и былъ отозванъ изъ Лондона. Онъ совершилъ обратный путь частію моремъ, частію сухимъ путемъ черезъ Эльзинеръ, Стокгольмъ и Або, и лѣтомъ 1820 года прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь ожидала его новая работа. Давно уже Государь (какъ сказано въ предписаніи Блудову) хотѣлъ обнародованіемъ важнѣйшихъ политическихъ актовъ и инструкцій своимъ уполномоченнымъ разрушить тѣ обвиненія, которыя возводили на него въ какихъ то тайныхъ замыслахъ противъ независимости и цѣлости Европы. Кромѣ того, онъ желалъ сдѣлать ихъ вполнѣ доступными для всѣхъ русскихъ, которые могли бы судить о дѣйствіяхъ по документамъ, а не по журнальнымъ выдержкамъ и слухамъ, большею частію превратнымъ. Государь высказывалъ также желаніе—положить начало введенія русскаго языка въ дипломатической перепискѣ; чтобы пріурочить его къ этому употребленію, конечно ничего лучшаго нельзя было сдѣлать, какъ собрать и перевести политическія акты на русскій языкъ. Для этого-то труда былъ назначенъ Блудовъ, и такъ какъ эта работа была не-подъ-силу одному человѣку, то ему предоставлено было выбрать себѣ помощниковъ.

Въ инструкціи сказано, что ему поручается это дѣло, какъ человѣку, пользующемуся извѣстностію въ русской литературѣ. Хотя инструкція, какъ и всѣ политическіе офиціальные акты того времени, была подписана графомъ Нессельроде, но изъ переписки Блудова и графа Каподистрія видно, что наблюденіе за работой возложено было Государемъ на графа Каподистрія. Мысль же о необходимости приспособленія отечественнаго языка къ дипломатической перепискѣ въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, выражается здѣсь не въ первый разъ; какъ кажется

она была подана Карамзинымъ и поддерживалась русскими дипломатами.

Главнымъ сотрудникомъ Блудова былъ Дашковъ, который и окончилъ редакцію 2-го тома. Судьба постоянно сводила этихъ двухъ людей между собой: не смотря на то, что оба были закинуты въ даль отъ своего отечества, отдѣлены морями другъ отъ друга, они часто встрѣчались въ Петербургѣ, какъ будто для того, чтобы сильнѣе скрѣпить взаимную связь, которая началась съ первой ихъ молодости, во время пребыванія въ Москвѣ, и съ годами все крѣпла, не смотря на видимую разность характеровъ. Въ самой служебной дѣятельности ихъ много сходства. Казалось бы мирное дипломатическое предназначеніе избавляло ихъ отъ всѣхъ опасностей и лишеній, а между тѣмъ каждый подвергался имъ, одинъ—во время войны въ Турціи, другой—въ народномъ возмущеніи въ Константинополѣ, гдѣ Дашковъ дѣйствовалъ съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ и достойный посолъ нашъ, графъ Строгоновъ. Наконецъ, впослѣдствіи, въ царствованіи Императора Николая I, оба уже шли совершенно одинаково по пути возвышеній, облегчая совѣтомъ и содѣйствіемъ другъ другу труды гражданской дѣятельности; чуждые соперничества и зависти, они сохранили взаимную дружбу во всю жизнь.

Выборъ дипломатическихъ актовъ дѣлалъ графъ Каподистрія. Северину поручено было подписываніе всѣхъ печатаемыхъ листовъ отъ имени министерства, такъ какъ изданіе было изъято отъ обычной цензуры. Въ десять мѣсяцевъ первый томъ перевода былъ оконченъ и представленъ Государю Императору, который въ то время находился въ Троппау. Государь остался очень доволенъ работой и тутъ же произвелъ Блудова въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Графъ Нессельроде извѣстилъ его о томъ въ самыхъ

лестныхъ выраженіяхъ и просилъ поспѣшить изданіемъ, назначивъ для этого довольно значительную сумму. Книга печаталась въ казенной типографіи, лучшей въ то время и принадлежавшей главному штабу Его Величества. Она появилась подъ названіемъ «Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами Европейскими отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 году до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году».—Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1823 году; томъ второй, приготовленный также Блудовымъ, за отъѣздомъ его за границу, изданъ Дашковымъ въ 1825 году. Изданіе это, безукоризненно исполненное, какъ относительно самаго перевода, такъ и въ типографскомъ отношеніи, служитъ единственнымъ матеріаломъ для изученія нашей политики и весьма жаль, что оно не было продолжаемо. Изъ него же мы можемъ убѣдиться, что богатый русскій языкъ весьма удобенъ и для дипломатической переписки, хотя Блудовъ говорилъ, что ему въ началѣ было довольно трудно бороться съ нѣкоторыми оборотами, такъ легко укладывающимися въ выработанную дипломатическую французскую фразу и что онъ не разъ совѣтовался въ этомъ случаѣ съ Карамзинымъ и много толковалъ съ Жуковскимъ. Онъ понималъ свой предметъ серьезно и выполнялъ его добросовѣстно, какъ все, что ему поручалось.

Блудовъ, по видимому, уже пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ по предмету международнаго права; такъ, по случаю возникшаго протеста Англіи противъ завладѣнія нами сѣверною оконечностію Америки, спрашивали мнѣній его и Балугьянскаго относительно правъ нашихъ на эти колоніи. По мысли Блудова составленъ былъ меморандумъ (едва ли не Дашковымъ), который былъ вполнѣ одобренъ Государемъ и препровожденъ Лондонскому кабинету.

Въ это время у Блудовыхъ было уже четверо дѣтей—два

сына и двѣ дочери. Жили они въ собственномъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ, который пріобрѣли, продавши большой домъ княгини Щербатовой для раздѣла вырученной суммы между двумя сестрами. Тѣсный кружокъ друзей ихъ увеличился однимъ лицомъ, которое ежедневно бывало у нихъ на правахъ члена семейства. Въ началѣ этой книги, мы упомянули о Шишкинѣ, женатомъ на сестрѣ Катерины Ермолаевны Блудовой, на котораго она указывала, какъ на примѣръ злополучія. И дѣйствительно, старики Шишкины изжили жизнь тревожную и горькую, а со смертію ихъ дѣтей прекратилось и потомство. Одинъ сынъ былъ отличный морякъ, и подавалъ большія надежды, но умеръ въ первой молодости; другой—постригся монахомъ въ Юрьевъ монастырь, Новгородской губерніи. Старшая дочь, Людмила, красавица собой, также постриглась въ монахини и впослѣдствіи была игуменьей Новгородскаго Духова монастыря (*). Она была воспріемницей Императрицы Елизаветы Алексѣевны и Александры Ѳеодоровны при ихъ мѵропомазаніи; Императоръ Александръ очень уважалъ и иногда посѣщалъ ее. Наконецъ, меньшая дочь, Олимпіада, воспитывавшаяся въ Смольномъ монастырѣ, вышла первою, съ шифромъ, и потому назначена была фрейлиной къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и жила до смерти принца Ольденбургскаго въ Твери съ ея дворомъ. Екатерина Павловна въ то время, сдружившись съ Карамзинымъ, стала заниматься русскою литературой, съ которою была мало знакома; двѣ фрейлины ея, Шипова и Шишкина, помогали ей въ занятіяхъ.—Послѣ смерти принца Ольденбургскаго и отъѣзда Екатерины Павловны изъ Россіи, Шишкина перешла къ большому двору и проводила все время у своего двоюроднаго брата, Дмитрія Николаевича Блудова, гдѣ, въ

(*) При постриженіи, она приняла имя Максимиллы.

кругу литераторовъ, развилась въ ней еще болѣе страсть къ литературѣ. Батюшковъ (*) былъ къ ней неравнодушенъ, хотя она была не хороша собою. Она напечатала два романа: Скопинъ Шуйскій и Прокопій Ляпуновъ и путешествіе изъ Петербурга въ Крымъ, которые въ свое время читались. Олимпіада Петровна Шишкина умерла отъ холеры въ 1853 году, оставивъ по себѣ добрую память; Блудовы любили ее какъ родную сестру. Это была пламенная, чистая, исполненная добра и привязанности къ друзьямъ душа.

(*) Это былъ послѣдній годъ литературной дѣятельности Батюшкова, хотя ему еще суждено было долго жить и мучиться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Перемѣна въ образѣ мыслей и дѣйствій Александра I-го. Тщетныя усилія графа Каподистрія отклонить Россію отъ Австрійской политики; натянутость отношеній и отъѣздъ Каподистрія изъ Россіи; печальныя послѣдствія, высказавшіяся на Веронскомъ конгрессѣ. Вліяніе Меттерниха на конгрессахъ и внѣ ихъ. Мнѣніе общества и подчиненныхъ о графѣ Каподистрія. Удаленіе князя Голицына и Кочубея; отъѣздъ князя Волконскаго и Закревскаго; Аракчеевъ остается единственнымъ докладчикомъ Государя; его характеръ и свойства. Аракчеевъ и Сперанскій. Наводненіе 1824 года.

Александръ видимо томился подъ бременемъ государственнаго правленія. Душа его, измученная постоянною борьбой, потрясенная громадными событіями, запечатлѣнными его именемъ, но унесшими, конечно, важную долю его нравственныхъ силъ, усталая, разочарованная, искала покоя и молитвы; въ минуты же особеннаго внутренняго смятенія, онъ старался забыться въ вихрѣ необыкновенно быстрой ѣзды и безпрестанныхъ путешествій. По камеръ-фурьерскому исчисленію, онъ изъѣздилъ въ жизнь свою неимовѣрное пространство, а именно, около двухъ сотъ тысячъ верстъ. Онъ совершенно оставилъ празднества, выходы, избѣгалъ общества, отвергъ всякаго рода придворную пышность, избѣгалъ даже шумной столицы, проводя время въ Царскомъ селѣ, одинокій, гуляя въ уединенныхъ аллеяхъ

сада; иногда посѣщалъ Юрьевъ монастырь, близъ котораго были расположены военныя поселенія, и тамъ бесѣдовалъ и молился вмѣстѣ съ извѣстнымъ архимандритомъ Фотіемъ. Воображеніе его было раздражено и настроено къ впечатлительности. Умъ встревоженъ. Подозрительность и недовѣріе возрастало, и къ сожалѣнію ими часто пользовались во вредъ другимъ.

Графъ Милорадовичъ, генералъ-губернаторъ С.-Петербургскій, человѣкъ какъ говорили, добрый, храбрѣйшій изъ генераловъ, но до того мало знакомый со своими обязанностями и безпечный, что наканунѣ еще 14 Декабря незналъ и не вѣрилъ въ заговоръ, Милорадовичъ досталъ съ большимъ усиліемъ весьма мало распространенную «Оду на свободу», написанную Пушкинымъ почти экспромтомъ, о которой онъ самъ и друзья его уже забыли, по незначительности стихотворенія. Придавая большую важность этому ребяческому произведенію, Милорадовичъ доложилъ его Государю въ смыслѣ до того неблагопріятномъ для Пушкина, что Государь хотѣлъ показать надъ нимъ примѣръ строгости, совершенно ему несвойственной, и сослать его даже въ Сибирь. Но тутъ встрепенулось гнѣздо «Арзамасцевъ», хотя разрушенное въ цѣломъ, но существовавшее въ частяхъ. Они подняли на ноги графа Каподистрія и Карамзина, и ихъ ходатайству Пушкинъ обязанъ былъ, что мало пострадалъ за свое легкомысліе. Онъ былъ отправленъ на службу въ Екатеринославъ къ Попечителю южныхъ колонистовъ генералу Инзову, человѣку старому, доброму, но преисполненному странностей, который отъ души полюбилъ молодаго изгнанника, хотя тотъ часто подшучивалъ надъ нимъ. Отсюда начинается странническая жизнь Пушкина въ южномъ краѣ Россіи.

Въ Іюнѣ 1820 года случился пожаръ въ Царскомъ селѣ: сгорѣли часть дворца и лицея, и это произвело тяжелое,

мрачное впечатлѣніе на Александра; онъ промолвился, что видитъ въ этомъ предзнаменованіе дурное, что счастіе, сопутствовавшее ему, съ этихъ поръ отвернется. Вслѣдствіе такого настроенія, онъ придавалъ каждому событію особое значеніе и важность.

Извѣстное происшествіе въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, сильно поразило Александра I; впрочемъ, этому много способствовала самая обстановка происшествія. Семеновскій полкъ былъ любимѣйшимъ полкомъ Александра; еще при Павлѣ Петровичѣ онъ былъ шефомъ полка и свыкся съ нимъ, какъ со своей семьей. Семеновцы обожали Государя и избрали его образцомъ для своего подражанія. Никогда не слышно было грубаго слова, не только брани, ни на ученьѣ, ни въ казармѣ, — о тѣлесномъ наказаніи и рѣчи не могло быть.— Говорятъ, что офицеры простерли свою вѣжливость до того, что были съ солдатами на *вы*, но въ произведенномъ по дѣлу слѣдствіи объ этомъ не упоминается. Если бы офицера увидѣли на какомъ нибудь шпицъ-балѣ или въ другомъ нескромномъ заведеніи, онъ былъ бы удаленъ изъ полка обществомъ товарищей; если бы солдата встрѣтили пьянымъ на улицѣ, его непремѣнно какъ нибудь выжили бы свои же; да это и не могло случиться. Офицеры занимались большею частію серьезнымъ чтеніемъ или обученіемъ грамотѣ солдатъ и рѣдко посѣщали общества. Тѣ и другіе смотрѣли нѣсколько свысока на прочія войска; одежда, пища ихъ была лучше, чѣмъ въ другихъ полкахъ, чему обязаны были своему шефу, а также полковому командиру, генералъ-адъютанту Потемкину, этому джентльмену въ полномъ значеніи слова. Пуританизмъ офицеровъ простирался до того, что они даже не курили табаку. Конечно, въ нравственномъ отношеніи едва ли существовало въ Европѣ другое подобное войско.

замѣтить, что сильное вмѣшательство графини Ливенъ въ дипломатическія сношенія возмущало служащихъ при посольствѣ. Блудовъ настоятельно просился и былъ отозванъ изъ Лондона. Онъ совершилъ обратный путь частію моремъ, частію сухимъ путемъ черезъ Эльзинеръ, Стокгольмъ и Або, и лѣтомъ 1820 года прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь ожидала его новая работа. Давно уже Государь (какъ сказано въ предписаніи Блудову) хотѣлъ обнародованіемъ важнѣйшихъ политическихъ актовъ и инструкцій своимъ уполномоченнымъ разрушить тѣ обвиненія, которыя возводили на него въ какихъ то тайныхъ замыслахъ противъ независимости и цѣлости Европы. Кромѣ того, онъ желалъ сдѣлать ихъ вполнѣ доступными для всѣхъ русскихъ, которые могли бы судить о дѣйствіяхъ по документамъ, а не по журнальнымъ выдержкамъ и слухамъ, большею частію превратнымъ. Государь высказывалъ также желаніе—положить начало введенія русскаго языка въ дипломатической перепискѣ; чтобы пріурочить его къ этому употребленію, конечно ничего лучшаго нельзя было сдѣлать, какъ собрать и перевести политическія акты на русскій языкъ. Для этого-то труда былъ назначенъ Блудовъ, и такъ какъ эта работа была не-подъ-силу одному человѣку, то ему предоставлено было выбрать себѣ помощниковъ.

Въ инструкціи сказано, что ему поручается это дѣло, какъ человѣку, пользующемуся извѣстностію въ русской литературѣ. Хотя инструкція, какъ и всѣ политическіе офиціальные акты того времени, была подписана графомъ Нессельроде, но изъ переписки Блудова и графа Каподистрія видно, что наблюденіе за работой возложено было Государемъ на графа Каподистрія. Мысль же о необходимости приспособленія отечественнаго языка къ дипломатической перепискѣ въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, выражается здѣсь не въ первый разъ; какъ кажется

она была подана Карамзинымъ и поддерживалась русскими дипломатами.

Главнымъ сотрудникомъ Блудова былъ Дашковъ, который и окончилъ редакцію 2-го тома. Судьба постоянно сводила этихъ двухъ людей между собой: не смотря на то, что оба были закинуты въ даль отъ своего отечества, отдѣлены морями другъ отъ друга, они часто встрѣчались въ Петербургѣ, какъ будто для того, чтобы сильнѣе скрѣпить взаимную связь, которая началась съ первой ихъ молодости, во время пребыванія въ Москвѣ, и съ годами все крѣпла, не смотря на видимую разность характеровъ. Въ самой служебной дѣятельности ихъ много сходства. Казалось бы мирное дипломатическое предназначеніе избавляло ихъ отъ всѣхъ опасностей и лишеній, а между тѣмъ каждый подвергался имъ, одинъ—во время войны въ Турціи, другой—въ народномъ возмущеніи въ Константинополѣ, гдѣ Дашковъ дѣйствовалъ съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ и достойный посолъ нашъ, графъ Строгоновъ. Наконецъ, впослѣдствіи, въ царствованіи Императора Николая I, оба уже шли совершенно одинаково по пути возвышеній, облегчая совѣтомъ и содѣйствіемъ другъ другу труды гражданской дѣятельности; чуждые соперничества и зависти, они сохранили взаимную дружбу во всю жизнь.

Выборъ дипломатическихъ актовъ дѣлалъ графъ Каподистрія. Северину поручено было подписываніе всѣхъ печатаемыхъ листовъ отъ имени министерства, такъ какъ изданіе было изъято отъ обычной цензуры. Въ десять мѣсяцевъ первый томъ перевода былъ оконченъ и представленъ Государю Императору, который въ то время находился въ Троппау. Государь остался очень доволенъ работой и тутъ же произвелъ Блудова въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Графъ Нессельроде извѣстилъ его о томъ въ самыхъ

лестныхъ выраженіяхъ и просилъ поспѣшить изданіемъ, назначивъ для этого довольно значительную сумму. Книга печаталась въ казенной типографіи, лучшей въ то время и принадлежавшей главному штабу Его Величества. Она появилась подъ названіемъ «Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами Европейскими отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 году до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году».—Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1823 году; томъ второй, приготовленный также Блудовымъ, за отъѣздомъ его за границу, изданъ Дашковымъ въ 1825 году. Изданіе это, безукоризненно исполненное, какъ относительно самаго перевода, такъ и въ типографскомъ отношеніи, служитъ единственнымъ матеріаломъ для изученія нашей политики и весьма жаль, что оно не было продолжаемо. Изъ него же мы можемъ убѣдиться, что богатый русскій языкъ весьма удобенъ и для дипломатической переписки, хотя Блудовъ говорилъ, что ему въ началѣ было довольно трудно бороться съ нѣкоторыми оборотами, такъ легко укладывающимися въ выработанную дипломатическую французскую фразу и что онъ не разъ совѣтовался въ этомъ случаѣ съ Карамзинымъ и много толковалъ съ Жуковскимъ. Онъ понималъ свой предметъ серьезно и выполнялъ его добросовѣстно, какъ все, что ему поручалось.

Блудовъ, по видимому, уже пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ по предмету международнаго права; такъ, по случаю возникшаго протеста Англіи противъ завладѣнія нами сѣверною оконечностію Америки, спрашивали мнѣній его и Балугьянскаго относительно правъ нашихъ на эти колоніи. По мысли Блудова составленъ былъ меморандумъ (едва ли не Дашковымъ), который былъ вполнѣ одобренъ Государемъ и препровожденъ Лондонскому кабинету.

Въ это время у Блудовыхъ было уже четверо дѣтей—два

сына и двѣ дочери. Жили они въ собственномъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ, который пріобрѣли, продавши большой домъ княгини Щербатовой для раздѣла вырученной суммы между двумя сестрами. Тѣсный кружокъ друзей ихъ увеличился однимъ лицомъ, которое ежедневно бывало у нихъ на правахъ члена семейства. Въ началѣ этой книги, мы упомянули о Шишкинѣ, женатомъ на сестрѣ Катерины Ермолаевны Блудовой, на котораго она указывала, какъ на примѣръ злополучія. И дѣйствительно, старики Шишкины изжили жизнь тревожную и горькую, а со смертію ихъ дѣтей прекратилось и потомство. Одинъ сынъ былъ отличный морякъ, и подавалъ большія надежды, но умеръ въ первой молодости; другой—постригся монахомъ въ Юрьевъ монастырь, Новгородской губерніи. Старшая дочь, Людмила, красавица собой, также постриглась въ монахини и впослѣдствіи была игуменьей Новгородскаго Духова монастыря (*). Она была воспріемницей Императрицы Елизаветы Алексѣевны и Александры Θеодоровны при ихъ мѵропомазаніи; Императоръ Александръ очень уважалъ и иногда посѣщалъ ее. Наконецъ, меньшая дочь, Олимпіада, воспитывавшаяся въ Смольномъ монастырѣ, вышла первою, съ шифромъ, и потому назначена была фрейлиной къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и жила до смерти принца Ольденбургскаго въ Твери съ ея дворомъ. Екатерина Павловна въ то время, сдружившись съ Карамзинымъ, стала заниматься русскою литературой, съ которою была мало знакома; двѣ фрейлины ея, Шипова и Шишкина, помогали ей въ занятіяхъ.—Послѣ смерти принца Ольденбургскаго и отъѣзда Екатерины Павловны изъ Россіи, Шишкина перешла къ большому двору и проводила все время у своего двоюроднаго брата, Дмитрія Николаевича Блудова, гдѣ, въ

(*) При постриженіи, она приняла имя Максимиллы.

кругу литераторовъ, развилась въ ней еще болѣе страсть къ литературѣ. Батюшковъ (*) былъ къ ней неравнодушенъ, хотя она была не хороша собою. Она напечатала два романа: Скопинъ Шуйскій и Прокопій Ляпуновъ и путешествіе изъ Петербурга въ Крымъ, которые въ свое время читались. Олимпіада Петровна Шишкина умерла отъ холеры въ 1853 году, оставивъ по себѣ добрую память; Блудовы любили ее какъ родную сестру. Это была пламенная, чистая, исполненная добра и привязанности къ друзьямъ душа.

(*) Это былъ послѣдній годъ литературной дѣятельности Батюшкова, хотя ему еще суждено было долго жить и мучиться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Перемѣна въ образѣ мыслей и дѣйствій Александра I-го. Тщетныя усилія графа Каподистрія отклонить Россію отъ Австрійской политики; натянутость отношеній и отъѣздъ Каподистрія изъ Россіи; печальныя послѣдствія, выказавшіяся на Веронскомъ конгрессѣ. Вліяніе Меттерниха на конгрессахъ и внѣ ихъ. Мнѣніе общества и подчиненныхъ о графѣ Каподистрія. Удаленіе князя Голицына и Кочубея; отъѣздъ князя Волконскаго и Закревскаго; Аракчеевъ остается единственнымъ докладчикомъ Государя; его характеръ и свойства. Аракчеевъ и Сперанскій. Наводненіе 1824 года.

Александръ видимо томился подъ бременемъ государственнаго правленія. Душа его, измученная постоянною борьбой, потрясенная громадными событіями, запечатлѣнными его именемъ, но унесшими, конечно, важную долю его нравственныхъ силъ, усталая, разочарованная, искала покоя и молитвы; въ минуты же особеннаго внутренняго смятенія, онъ старался забыться въ вихрѣ необыкновенно быстрой ѣзды и безпрестанныхъ путешествій. По камеръ-фурьерскому исчисленію, онъ изъѣздилъ въ жизнь свою неимовѣрное пространство, а именно, около двухъ сотъ тысячъ верстъ. Онъ совершенно оставилъ празднества, выходы, избѣгалъ общества, отвергъ всякаго рода придворную пышность, избѣгалъ даже шумной столицы, проводя время въ Царскомъ селѣ, одинокій, гуляя въ уединенныхъ аллеяхъ

сада; иногда посѣщалъ Юрьевъ монастырь, близъ котораго были расположены военныя поселенія, и тамъ бесѣдовалъ и молился вмѣстѣ съ извѣстнымъ архимандритомъ Фотіемъ. Воображеніе его было раздражено и настроено къ впечатлительности. Умъ встревоженъ. Подозрительность и недовѣріе возрастало, и къ сожалѣнію ими часто пользовались во вредъ другимъ.

Графъ Милорадовичъ, генералъ-губернаторъ С.-Петербургскій, человѣкъ какъ говорили, добрый, храбрѣйшій изъ генераловъ, но до того мало знакомый со своими обязанностями и безпечный, что наканунѣ еще 14 Декабря незналъ и не вѣрилъ въ заговоръ, Милорадовичъ досталъ съ большимъ усиліемъ весьма мало распространенную «Оду на свободу», написанную Пушкинымъ почти экспромтомъ, о которой онъ самъ и друзья его уже забыли, по незначительности стихотворенія. Придавая большую важность этому ребяческому произведенію, Милорадовичъ доложилъ его Государю въ смыслѣ до того неблагопріятномъ для Пушкина, что Государь хотѣлъ показать надъ нимъ примѣръ строгости, совершенно ему несвойственной, и сослать его даже въ Сибирь. Но тутъ встрепенулось гнѣздо «Арзамасцевъ», хотя разрушенное въ цѣломъ, но существовавшее въ частяхъ. Они подняли на ноги графа Каподистрія и Карамзина, и ихъ ходатайству Пушкинъ обязанъ былъ, что мало пострадалъ за свое легкомысліе. Онъ былъ отправленъ на службу въ Екатеринославъ къ Попечителю южныхъ колонистовъ генералу Инзову, человѣку старому, доброму, но преисполненному странностей, который отъ души полюбилъ молодаго изгнанника, хотя тотъ часто подшучивалъ надъ нимъ. Отсюда начинается странническая жизнь Пушкина въ южномъ краѣ Россіи.

Въ Іюнѣ 1820 года случился пожаръ въ Царскомъ селѣ: сгорѣли часть дворца и лицея, и это произвело тяжелое,

мрачное впечатлѣніе на Александра; онъ промолвился, что видитъ въ этомъ предзнаменованіе дурное, что счастіе, сопутствовавшее ему, съ этихъ поръ отвернется. Вслѣдствіе такого настроенія, онъ придавалъ каждому событію особое значеніе и важность.

Извѣстное произшествіе въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, сильно поразило Александра I; впрочемъ, этому много способствовала самая обстановка произшествія. Семеновскій полкъ былъ любимѣйшимъ полкомъ Александра; еще при Павлѣ Петровичѣ онъ былъ шефомъ полка и свыкся съ нимъ, какъ со своей семьей. Семеновцы обожали Государя и избрали его образцомъ для своего подражанія. Никогда не слышно было грубаго слова, не только брани, ни на ученьѣ, ни въ казармѣ, — о тѣлесномъ наказаніи и рѣчи не могло быть.— Говорятъ, что офицеры простерли свою вѣжливость до того, что были съ солдатами на *вы*, но въ произведенномъ по дѣлу слѣдствіи объ этомъ не упоминается. Если бы офицера увидѣли на какомъ нибудь шпицъ-балѣ или въ другомъ нескромномъ заведеніи, онъ былъ бы удаленъ изъ полка обществомъ товарищей; если бы солдата встрѣтили пьянымъ на улицѣ, его непремѣнно какъ нибудь выжили бы свои же; да это и не могло случиться. Офицеры занимались большею частію серьезнымъ чтеніемъ или обученіемъ грамотѣ солдатъ и рѣдко посѣщали общества. Тѣ и другіе смотрѣли нѣсколько свысока на прочія войска; одежда, пища ихъ была лучше, чѣмъ въ другихъ полкахъ, чему обязаны были своему шефу, а также полковому командиру, генералъ-адъютанту Потемкину, этому джентльмену въ полномъ значеніи слова. Пуританизмъ офицеровъ простирался до того, что они даже не курили табаку. Конечно, въ нравственномъ отношеніи едва ли существовало въ Европѣ другое подобное войско.

Европѣ. Начавшись въ испанскихъ колоніяхъ Америки, оно перешло въ метрополію, оттуда въ Португалію, Туринъ и Италію. Въ Австрійской имперіи, составленной изъ народовъ различныхъ происхожденій и вѣроисповѣданій, хранилось множество воспламенительныхъ элементовъ; тайные зажигатели скрывались повсюду отъ бдительности правительствъ.

Меттерниху необходимо было обезпечить владѣнія Австріи отъ будущихъ переворотовъ и всѣхъ превратностей судьбы, непостоянство которой она недавно еще испытала. Вѣнскій кабинетъ воспользовался священнымъ союзомъ и во имя его потребовалъ ополченія въ защиту правъ Государей и Божескихъ законовъ, увѣряя, что не поведеніе Фердинанда увлекло Испанію къ возстанію, но духъ времени, безбожіе и общественное настроеніе къ неповиновенію властямъ. Напрасно возставалъ противъ такого требованія Каподистрія, утверждая, что система взаимнаго оберегательства полезна только тѣмъ, кто нуждается въ ней; что Россіи нечего опасаться внутреннихъ переворотовъ, которые могутъ угрожать Австріи и намъ не понадобится ея помощь въ этомъ случаѣ, а тамъ гдѣ нужно, мы не можемъ разчитывать на нее; что союзъ этотъ обременителенъ, заставляя содержать на готовѣ армію для другихъ; что движеніе войскъ нашихъ за границу вредно нашимъ интересамъ, и если уже нужны вооруженныя силы, то лучше употребить ихъ для защиты собственныхъ выгодъ, которыя сильно страдали въ Константинополѣ, гдѣ вмѣшательство западныхъ державъ было явно направлено противъ насъ. Онъ предлагалъ систему невмѣшательства и, твердо держась этихъ началъ, даже не настаивалъ на немедленномъ военномъ заступничествѣ за Грековъ, освобожденіе которыхъ было завѣтной идеей его жизни; но умолялъ не задушать народнаго движенія насильственны-

ми дѣйствіями, дать свободу развиваться общему сочувствію къ дѣлу Греціи въ Россіи, какъ оно уже развилось и пріобрѣло гражданственность въ другихъ Европейскихъ государствахъ, олицетворяясь въ обществахъ Этеріи.

Въ защиту политики графа Каподистрія подана была мемерія барона Криднера: это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатическихъ документовъ по силѣ изложенія и доказательствъ. Если онъ навлекъ на себя упреки другаго статсъ-секретаря, то Государь былъ болѣе снисходителенъ, и уважая убѣжденія, лично сказалъ ему, что велитъ отвѣчать. Опровержeніе составлено также очень ловко и умно. Мысли, даже слова Государя схвачены и развиты весьма послѣдовательно. Долго дипломаты ломали себѣ голову, кому приписать этотъ умный меморандумъ; думали даже, что онъ составленъ въ иностранной канцеляріи. Только лѣтъ черезъ пять послѣ узнали, что онъ принадлежитъ графу Поццо-ди-Борго!..... Мы съ грустью заносимъ этотъ фактъ на наши страницы.

Каподистрія видѣлъ, что убѣжденія его мало дѣйствуютъ, что политика Меттерниха увлекала болѣе и болѣе Александра I, а въ заключеніи конференціи въ Троппау, и особенно въ Лейбахѣ вполнѣ восторжествовала. Конечно, Государя не могли поколебать въ искренней пріязни къ графу Каподистрія, которую можно было назвать дружбой, но онъ уже видѣлъ въ немъ человѣка болѣе привязаннаго къ интересамъ Греціи, чѣмъ Россіи, и потому болѣе расположеннаго къ защитѣ народнаго движенія, чѣмъ защитѣ правъ государей. При такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, не многое нужно было, что бы довести до разрыва между ними. Смѣлая выходка нетерпѣливаго Александра Ипсиланти, который былъ генералъ-маіоромъ въ русской службѣ, была приписана врагами Каподистрія, его тайному подстрекательству, хотя онъ первый не одо-

брялъ ее. Государь едва ли повѣрилъ клеветѣ; по крайней мѣрѣ личныя отношенія оставались повидимому тѣ же, и оба статсъ-секретаря по прежнему ходили вмѣстѣ съ докладомъ къ Государю.

При одномъ изъ этихъ докладовъ обнаружилась сильнѣе прежняго разность мнѣній; графъ Каподистрія, указывая на совершенное равнодушіе союзниковъ къ интересамъ Россіи въ распрѣ ея съ Турціей, между тѣмъ какъ мы, съ большими пожертвованіями, вооружаемся за ихъ выгоды, настаивалъ на энергическомъ дѣйствіи, по крайней мѣрѣ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ дворами Вѣнскимъ и Лондонскимъ. Для иной политики нужны были другіе дѣятели, и потому необходимо было отозвать прежнихъ представителей нашихъ, изъ которыхъ одинъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Меттерниха, а другой былъ старъ и слабъ; онъ предлагалъ назначить въ Вѣну графа Толстаго и въ Лондонъ барона Строгонова, который уже со всѣмъ посольствомъ выѣхалъ изъ Константинополя и находился въ Россіи. Государь, послѣ долгихъ преній, послѣдовалъ противоположному мнѣнію..... По выходѣ изъ кабинета графъ Каподистрія передалъ своему сотоварищу всѣ депеши, которыя Государь по обыкновенію поручилъ ему, объявивъ, что это былъ его послѣдній докладъ. Въ Августѣ 1822 года графъ Каподистрія оставилъ Россію. Онъ отправился сначала въ Эмсъ, а потомъ въ Женеву. При разставаніи съ нимъ, Государь искренно плакалъ: Каподистрія былъ одинъ изъ весьма немногихъ людей, который вполнѣ приходился ему по душѣ. Что же касается до самого статсъ-секретаря, то онъ былъ преданъ Александру безгранично и благоговѣлъ передъ нимъ; тѣмъ тяжелѣе для него была разлука.

Для Россіи потеря Каподистрія была важнѣе проиграннаго сраженія. Государь отправился на Веронскій конгрессъ безъ него. Тамъ-то сильнѣе прежняго скрѣпились

узы священнаго союза, который принялъ такой неожиданный оборотъ, и эти узы тѣснили насъ такъ долго, что оставили по себѣ рубцы и раны, которые не скоро залечатся.

Дальнѣйшая судьба графа Каподистрія извѣстна. Онъ достигъ осуществленія своей идеи, служенію которой посвятилъ всю жизнь свою: нужно было только умѣть привести ее въ исполненіе. Казалось, онъ одинъ могъ создать будущность новаго королевства, но судьба опредѣлила иное: онъ палъ, и его мученическая смерть освѣтила образъ его еще болѣе плѣнительнымъ блескомъ для потомства, а новое королевство, какъ бы въ искупленіе преступленія, совершеннаго надъ лучшимъ изъ своихъ людей, продолжаетъ терзаться и мучиться въ своемъ неустройствѣ.

Графъ Каподистрія оставилъ по себѣ драгоцѣнный матеріалъ для изученія политики,—это записку, посланную имъ изъ Женевы Императору Николаю I по восшествіи его на престолъ; въ ней же заключаются весьма любопытныя свѣдѣнія, собственно до него относящіяся. Изъ этой записки, а также изъ добросовѣстнаго труда А. С. Стурдзы, напечатаннаго въ чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россіи (*), и свидѣтельства современниковъ заимствовали мы подробности о замѣчательной личности нашего дипломата.

Съ отъѣздомъ графа Каподистрія вліяніе Меттерниха усилилось не только на конгрессахъ, но начало явно проявляться и въ Петербургѣ. Графъ Поццо-ди-Борго еще пользовался довѣріемъ Государя Императора; но онъ былъ далеко, а со смертію Александра, онъ уже не имѣлъ никакого вліянія внѣ круга своихъ дѣйствій, въ Лондонѣ, куда, противъ своего желанія, былъ посланъ.

(*) «Воспоминанія о жизни и дѣяніяхъ графа И. А. Каподистрія, правителя Греціи».

Графъ Каподистрія пользовался такимъ обаятельнымъ вліяніемъ на служившихъ въ его небольшой канцеляріи, что за исключеніемъ одного изъ нихъ, всѣ пожелали оставить службу по его удаленіи, и нужно было большое усиліе съ его стороны, чтобы убѣдить, хотя нѣкоторыхъ, отложить свое намѣреніе. Отставка ихъ имѣла бы видъ какой-то демонстраціи противъ правительства, между тѣмъ какъ статсъ-секретарь Государя, отправлялся за границу, въ отпускъ, со всѣми видимыми знаками его милостей, въ придворномъ экипажѣ, съ фельдъегеремъ, обезпеченный относительно средствъ своего существованія.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ хотя и остался въ спискахъ министерства Иностранныхъ дѣлъ, но былъ откомандированъ къ управляющему министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, по дѣламъ Бессарабскимъ.

Отъѣздъ графа Каподистрія неблагопріятно подѣйствовалъ на общественное мнѣніе не только въ Петербургѣ, но и внутри Россіи, гдѣ сочувствіе къ судьбѣ Греціи, вступившей въ столь неровную борьбу, распространялось болѣе и болѣе и гдѣ какъ-то смутно сознавали, что обязанности, принимаемыя нами въ угоду Австріи, для охраненія будто бы мира въ Европѣ, и, собственно говоря, для охраненія цѣлости и спокойствія Германіи, обойдутся намъ слишкомъ дорого впослѣдствіи.

Припомнимъ слова мудрой политики Александра, выраженныя въ манифестѣ 4 Іюля 1801 г. «Если я примусь за оружіе, говорилъ онъ, такъ только для защиты моего народа.... Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни установили у себя народы; пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей Имперіи тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь я, и мы останемся въ

самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ». Нельзя не пожалѣть, что уклонились отъ этой политики.

Случайно, или по интригамъ заранѣе обдуманнымъ, тѣсный кругъ приверженцевъ Александра видимо рѣдѣлъ и Государь оставался болѣе и болѣе одинокимъ. Графъ Аракчеевъ сдѣлался главнымъ двигателемъ государственнаго управленія. Завистливо глядѣлъ онъ на тѣхъ немногихъ, которые еще пользовались дружеской пріязнію Александра I и, какъ онъ думалъ, препятствовали ему овладѣть его душой (*). Онъ ловко умѣлъ не допустить до Государя Сперанскаго, возвращеннаго въ Петербургъ, но навсегда удаленнаго отъ сердца Государя. Труднѣе ему было подорвать довѣріе и давнишнюю тѣсную связь съ княземъ Голицынымъ, который былъ тогда въ главѣ министерства Народнаго просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ, соединенныхъ воедино «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія» какъ сказано въ манифестѣ 24 Октября 1817 года.

Извѣстная партія нѣсколькихъ вліятельныхъ людей, состоявшихъ въ тѣсной связи съ Аракчеевымъ, сильно возставала противъ управленія князя Голицына, который, по ихъ словамъ, покровительствовалъ всѣмъ ересямъ и расколамъ, растлѣвалъ нравы юношества допущеніемъ къ изданію

(*) Заимствуемъ изъ архива графа Ростопчина замѣчательную черту характера графа Аракчеева, которая показываетъ также, что Александръ не былъ привязанъ къ нему душою: Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1812 г., Государь былъ тронутъ до глубины тѣми жертвами, которыя приносили Москвичи для спасенія отечества; онъ благодарилъ ихъ, благодарилъ графа Ростопчина, обнялъ и поцѣловалъ его: тутъ были гр. Аракчеевъ и Балашевъ. Аракчеевъ поздравилъ его съ самымъ большимъ выраженіемъ милости Государя: «съ тѣхъ поръ, что я служу, съ начала его царствованія, онъ никогда не поцѣловалъ меня». Балашевъ потомъ шепнулъ, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ ему этого поцѣлуя.... Графъ Ростопчинъ убѣдился впослѣдствіи, что министръ Полиціи былъ правъ.

книгъ, противныхъ религіи и монархическимъ началамъ. Эта партія нападала на дѣйствія самаго «Библейскаго общества», имѣвшаго обширный кругъ дѣйствій въ Россіи, особенно за переводъ библіи на русскій языкъ. Въ «Обществѣ» же, какъ извѣстно, предсѣдателемъ былъ князь Голицынъ и самъ Государь былъ дѣятельнымъ членомъ. Слѣдующее событіе показываетъ всего лучше, до какой степени ожесточенія можетъ дойти духъ нетерпимости. Адмиралъ Шишковъ, описывающій его (*) въ простотѣ души честной, но къ сожалѣнію увлеченный партіей, видитъ въ немъ торжество истины и вѣры надъ заблужденіемъ; мы же находимъ искусно направленную интригу, которая умѣла воспользоваться возбужденнымъ фанатизмомъ. Архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій, котораго коротко зналъ и покровительствовалъ графъ Аракчеевъ по сосѣдству Грузино съ монастыремъ, былъ, какъ мы сказали, извѣстенъ Государю Императору и вообще пользовался въ то время нѣкоторой знаменитостію и особеннымъ расположеніемъ графини Орловой-Чесменской. Онъ прежде былъ близокъ и къ Голицыну, но почему-то разошелся и рѣшился напасть на него всѣмъ вліяніемъ духовной власти. Пригласивъ его въ домъ графини Орловой, онъ приготовился встрѣтить его торжественно, стоя у налоя, на которомъ лежало евангеліе и крестъ. Князь Голицынъ, вошедши въ комнату, подошелъ, по обыкновенію, къ его благословенію, но тотъ грозно остановилъ его, и потребовалъ чтобы князь Голицынъ прежде «отрекся отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ», мало этого,—повелительнымъ тономъ говорилъ ему «пойди къ Царю, стань передъ нимъ на колѣни и скажи,

(*) Записки адмирала Шишкова, полученныя отъ О. Морошкина и напечатанныя министерствомъ Народнаго просвѣщенія въ числѣ весьма немногихъ экземпляровъ. Въ продажу они не поступали.

что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и его вводилъ въ заблужденіе». Само собою разумѣется, что такъ легко не отказываются отъ убѣжденій всей своей жизни, хотя бы даже они были заблужденіемъ, особенно если требованіе сопровождается угрозой. Фотій предалъ его анаѳемѣ и обо всемъ этомъ написалъ Государю Императору.

По словамъ Шишкова, Александръ I-й позвалъ къ себѣ архимандрита, принялъ его гнѣвно, но послѣ долгаго съ нимъ разговора отпустилъ съ кротостію. «Въ то же время подоспѣло *Госнеровское дѣло*, продолжаетъ онъ, и сіи два обстоятельства были главною причиною перемѣны министерства Народнаго просвѣщенія». Мы же видимъ въ этомъ только побочныя обстоятельства, главная причина которыхъ скрывалась гораздо глубже, тѣмъ болѣе, что *Госнеровское дѣло* получило совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ тотъ, котораго домогался Шишковъ. Какъ бы то ни было, но князь Голицынъ былъ удаленъ изъ министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія (15 Мая 1824 г.); съ тѣмъ вмѣстѣ онъ лишился званія предсѣдателя «Библейскаго общества». Адмиралъ Шишковъ назначенъ былъ министромъ Народнаго просвѣщенія, а митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій предсѣдателемъ общества. Дѣло народнаго образованія получило крутой, обратный поворотъ назадъ. Впрочемъ, оно еще ранѣе было выбито насильственными мѣрами всесильнаго Аракчеева и его клеврета Магницкаго изъ того либеральнаго направленія, которое далъ ему самъ Государь. Чтеніе лекцій въ Университетѣ подверглось строгому надзору, который повлекъ къ преслѣдованію нѣсколькихъ профессоровъ (Галича, Раупаха, Германа). Привозъ иностранныхъ книгъ былъ подверженъ такому наблюденію, который едва ли не равнялся запрещенію. Самый выѣздъ за границу, прежде совершенно свободный, былъ стѣсненъ многими формальностями. Начались также

цензурныя преслѣдованія и гоненія; сдерживались они только тогда, когда доходили до свѣдѣнія Государя Императора, который, хотя сильно былъ поколебленъ въ своемъ направленіи, однако не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ прежнихъ убѣжденій. Такъ, по дѣлу Госнера, надѣлавшему много шуму, несмотря на всѣ настоянія, просьбы и угрозы Шишкова, бывшій при князѣ Голицынѣ директоръ департамента министерства Народнаго просвѣщенія Поповъ, пропустившій въ цензурѣ и даже поправившій переводъ книги Госнера, былъ оправданъ.

Въ то же время, князь П. М. Волконскій, ближайшій къ Государю и любимѣйшій имъ человѣкъ, начальникъ Главнаго штаба, у котораго сосредоточивались въ то время всѣ дѣла Военнаго вѣдомства (кромѣ хозяйственной части), отправленъ былъ въ Парижъ, по случаю коронаціи Карла X. А. А. Закревскій, дежурный генералъ, замѣнявшій князя Волконскаго во время частыхъ поѣздокъ его за границу и сопутствовавшій Государю по Россіи, назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Финляндію. Наконецъ, на мѣсто графа Кочубея, министромъ Внутреннихъ дѣлъ поступилъ баронъ Кампенгаузенъ.

Прибавимъ здѣсь, что еще за годъ до этого (1823 г.) былъ удаленъ графъ Гурьевъ изъ министерства Финансовъ. Не станемъ излагать причинъ удаленія и отдадимъ вполнѣ графу Аракчееву справедливость за назначеніе Канкрина управляющимъ министерствомъ Финансовъ. Канкринъ (впослѣдствіи графъ) вывелъ наши финансы и государственное хозяйство изъ самаго бѣдственнаго состоянія. Онъ организировалъ и привелъ въ нормальное состояніе нашъ бюджетъ, до того времени сильно страдавшій отъ постоянно увеличивающагося дефицита; государственный долгъ, тяготѣвшій надъ Россіей въ видѣ огромной массы ассигнацій (неговорю о внѣшнемъ долгѣ), потрясъ до осно-

ванія нашъ кредитъ, уронилъ курсъ до крайней степени, остановилъ торговлю и убилъ всякое довѣріе общества къ правительству, которое нерѣдко принуждено было, подъ разными предлогами, отклонять свои платежи: Канкринъ, рядомъ распоряженій, согласныхъ съ духомъ времени и обстоятельствами, вывелъ правительство изъ этого затруднительнаго положенія.

Графъ Аракчеевъ остался безъ соперниковъ. Офиціально, онъ носилъ только званіе предсѣдателя Военнаго департамента въ Государственномъ совѣтѣ и главнаго начальника Военныхъ поселеній; но въ сущности былъ единственнымъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ, не исключая и духовныхъ.

Аракчеевъ, родомъ изъ мелкихъ дворянъ Новгородской губерніи; дома учился у дьячка, и выдерживаемъ былъ своимъ непреклоннымъ отцемъ такъ сурово, что жизнь въ кадетскомъ корпусѣ, куда онъ попалъ, казалась ему раемъ послѣ жизни домашней. Тутъ онъ отличался строгимъ исполненіемъ приказаній, порядка и дисциплины, и прилежаніемъ къ математическимъ наукамъ, за что и выпущенъ въ артиллерію, хотя особенныхъ способностей, быстрыхъ соображеній въ немъ съ дѣтства не было замѣтно.

Впослѣдствіи, въ чинѣ поручика, онъ попалъ въ Гатчину, когда еще Павелъ Петровичъ былъ Великимъ Княземъ. Здѣсь, своею необыкновенною дѣятельностію, доведеніемъ дисциплины и выправки до совершенства, онъ умѣлъ снискать полное расположеніе къ себѣ Великаго Князя, который, взойдя на престолъ, осыпалъ его милостями и богатствомъ и возвелъ въ графское достоинство. Потомъ, однако, за свою жестокость, Аракчеевъ попалъ въ опалу, сосланъ на житье въ деревню и вызванный опять Павломъ, уже не засталъ его въ живыхъ. При Александрѣ онъ былъ назначенъ Инспекторомъ артиллеріи, и при помощи людей, кото-

рыхъ умѣлъ выбирать, сдѣлалъ много полезнаго. Мы видѣли, при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ призванъ къ дѣятельности болѣе обширной; но трудно понять, какимъ образомъ Александръ I-й, со своей возвышенной душой, съ обширнымъ образованіемъ и тонкимъ, проницательнымъ характеромъ, могъ такъ безусловно предаться этому человѣку.

Въ царствованіе Александра Павловича, послѣ извѣстнаго тріумвирата, два лица, въ различные періоды времени, имѣли самое сильное вліяніе на государственное управленіе: графъ Сперанскій и графъ Аракчеевъ; но какимъ образомъ сопоставить эти два лица вмѣстѣ! Одинъ, съ обширнымъ образованіемъ, съ умомъ, на лету улавливающимъ идеи и слова Александра и излагающимъ ихъ въ прекрасной формѣ на бумагѣ, съ манерами вкрадчивыми, льстивыми безъ униженія, съ побужденіями возвышенными, со страстями благородными, скитающійся въ отчаяніи въ лѣсу по смерти своей нѣжной и милой Елизы. Другой—нрава крутаго, сердца жестокаго, неумолимаго, и такихъ свойствъ, которыя никакъ не могли быть по душѣ Александру, любовникъ чудовищной Настасьи, который, по смерти ея, тоже приходитъ въ отчаяніе, но выражаетъ его иначе—истязаніемъ бѣдныхъ крестьянъ Грузино, мало образованный, неумѣющій написать дневнаго приказа безъ грамматическихъ ошибокъ; самая наружность его скорѣе могла отталкивать, чѣмъ привязывать къ себѣ.—Одинъ, въ пылкомъ воображеніи своемъ, хотѣлъ создать для Россіи храмъ славы, въ который бы могъ внести свое окруженное блескомъ имя, другой строилъ для нея казарму и ставилъ у дверей фельдфебеля, чтобы легче было наблюдать за нею. Въ одномъ развѣ сходились эти два человѣка,—это въ своемъ неуваженіи, чтобы не сказать презрѣніи, къ людямъ; но и тутъ побужденія были

*

различны: Сперанскій считалъ себя слишкомъ высоко поставленнымъ надъ ними по уму и способностямъ, обходился безъ нихъ, и принималъ безусловную приверженность къ себѣ не многихъ своихъ сеидовъ, какъ должную дань, не обращая на нихъ самихъ никакого вниманія. Другой, напротивъ, нуждался въ людяхъ, и это ему тѣмъ было досаднѣе; за то онъ употреблялъ ихъ какъ матеріалъ и, по минованіи надобности, выбрасывалъ вонъ. Онъ былъ въ опалѣ при Императорѣ Павлѣ, какъ мы уже сказали, именно за свою жестокость къ подчиненнымъ; при Александрѣ I онъ также попалъ было въ немилость по той же причинѣ, но эта немилость продолжалась недолго и замѣнена полною довѣренностью. Какимъ же путемъ онъ пріобрѣлъ эту довѣренность? Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, характеръ Александра остается неразгаданнымъ.

Правда, на сторонѣ Аракчеева было одно важное преимущество: онъ изучилъ Александра еще съ дѣтства, во время пребыванія въ Гатчинѣ, и, одаренный природнымъ инстинктомъ, умѣлъ воспользоваться происшедшею перемѣной въ Государѣ, уставшемъ отъ бремени правленія и поколебавшемся въ довѣріи къ людямъ. Сперанскій недаромъ называлъ Аракчеева, не смотря на наружную неуклюжесть его, ловкимъ царедворцемъ.

Государямъ рѣдко приходится слышать истину; она имѣетъ для нихъ не рѣдко прелесть новости. Александръ, испытавшій всѣ роды лести и восхваленій, чувствовалъ особенное отъ нихъ отвращеніе; онъ любилъ, чтобы ему говорили искренно, въ какой бы рѣзкой формѣ не высказывалась истина; Аракчеевъ, какъ казалось Александру, былъ преданъ ему безусловно и безгранично; открыто, хотя иногда грубо, высказывалъ все, что было на душѣ, трудился неусыпно и по видимому безкорыстно, отказываясь отъ наградъ во все время царствованія Алексан-

дра (*) (онъ получилъ богатый, осыпанный брилліантами другой портретъ Государя, присланный ему уже изъ Таганрога, въ послѣдніе дни царствованія Александра). Не должно забывать также, что Александръ уже проникся мыслію, которую ему постоянно старались внушить извнѣ, что духъ волненія и непокорности властямъ, господствовавшій въ Европѣ, распространился въ Россіи, и что только насиліемъ можно подавить его, а для этого, какъ ему казалось, Аракчеевъ былъ необходимымъ человѣкомъ. Александръ забывалъ, что даже въ то время достаточно было одного появленія его, чтобы смирить всякое возмущеніе.

Съ именемъ Аракчеева тѣсно связано учрежденіе Военныхъ поселеній. Кому принадлежитъ проектъ этого учрежденія, кто составилъ его?—неизвѣстно. Но если вы со вниманіемъ сравните его съ проектами Императора Павла Петровича (**), который писалъ ихъ бывши еще наслѣдникомъ, то убѣдитесь, что въ немъ преобладаютъ гатчинскія идеи. Только Великій Князь полагалъ поселить войска по границамъ Россіи, сообразно силамъ противолежащаго государства, для того чтобы имѣть возможность удержать нападеніе его. Это учрежденіе, напоминавшее собою Австрійскихъ граничаръ, совершенно противное духу и характеру нашего народа, приведенное въ исполненіе съ непреклонной волею, съ суровостію, неотступностію отъ малѣйшихъ предначертанныхъ и противоестественныхъ формъ, произвело всеобщій ропотъ и наконецъ открытое возмущеніе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ; но такое неповиновеніе только раздражало упрямую настойчивость графа Аракчеева, который рядомъ

(*) Извѣстно, что Аракчеевъ отказался отъ ордена Св. Андрея Первозваннаго (1809 г. Сент. 6), званія генералъ-фельдмаршала (1814 г. Март. 31), и принялъ портретъ Императора Александра I *безъ брилліантовъ* для ношенія на шеѣ (1814 г. Авг. 30).

(**) Графы Никита и Петръ Панины—Лебедева 1863.

жестокихъ наказаній заставлялъ поселенцевъ сносить молчаливо свою участь.

Если самая мысль военныхъ поселеній нашла сильное противодѣйствіе въ графѣ Барклаѣ-де-Толли, котораго мнѣніе по этому случаю отличается силой и логической послѣдовательностію, то, къ сожалѣнію, исполненіе ее имѣло своихъ безусловныхъ хвалителей между лицами высоко поставленными, посѣщавшими Грузино, что невольно вводило въ заблужденіе Государя Императора; сохранилась, какъ библіографическая рѣдкость, брошюра графа Сперанскаго, который также поддался увлеченіямъ и восхвалялъ созданіе всесильнаго временщика.

Въ Россіи связь народа съ Государемъ образовалась не вслѣдствіе какого нибудь механическаго строя или отвлеченнаго, юридическаго начала, но истекаетъ изъ болѣе глубокаго источника: она прирожденна русскому народу и основана на полномъ довѣріи народа къ царю, какъ человѣку, съ которымъ у него одни страсти, одни стремленія, который раздѣляетъ его радости и бѣдствія какъ свои собственныя и, какъ щитомъ, прикрываетъ собою народъ отъ всѣхъ невзгодъ—внутреннихъ и внѣшнихъ. Lo statu é tutto, l'uomo e nullo—ни въ какомъ случаѣ не примѣнимо къ Россіи. Въ какомъ иномъ государствѣ могла бы высказаться такъ искренно, такъ единодушно та глубокая скорбь, которая постигла въ послѣднее время царскую семью? есть ли хижина въ Россіи, гдѣ бы она не оставила слѣда печали непритворной? Въ несчастіи эти сближенія народа съ Царемъ—высказываются рѣзче и яснѣе. Мы видѣли, какъ единодушно сказался народъ Государю въ годину бѣдствій 1812 года, не смотря на недавній еще ропотъ; тоже повторилось въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1824 года, хотя вліяніе графа Аракчеева неблагопріятно отзывалось въ народѣ.

Продолжительный морской вѣтеръ нагналъ массу воды

въ Неву и она, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимныхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять направленіе: вода убыла; но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны.

Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ непроизнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: «за *наши* грѣхи Богъ насъ караетъ», сказалъ кто-то изъ толпы. «Нѣтъ, за *мои*»! отвѣчалъ съ грустію Государь; самъ распорядился о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и, вошедши въ него, увидѣлъ другаго рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался. Онъ какъ будто намѣренно пыталъ себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который созидало его мрач-

ное воображеніе. Какъ бы то ни было, но народъ опять увидѣлъ въ немъ прежняго своего Александра; подавленная любовь выразилась съ новой силой.

«Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, что бы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердили многочисленныя связи ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть—событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 г. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ». Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

На воспріимчивую душу Александра это событіе имѣло важное вліяніе; въ ней долженъ былъ совершиться переломъ къ прежней энергіи, которая уже и начала было проявляться. Къ несчастію, оно не осталось также безъ послѣдствій на его здоровье; не смотря на крѣпость свою, оно не могло безъ ущербу выдержать столько потрясеній нравственныхъ, такихъ трудовъ и усилій физическихъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отъѣздъ Блудова за границу. Встрѣча съ графомъ Каподистрія; положеніе тогдашнихъ дѣлъ въ Греціи. Возвращеніе, приготовленіе къ переѣзду въ Дерптъ. Отъѣздъ Государя и пребываніе въ Таганрогѣ; его болѣзнь и смерть. Общее впечатлѣніе. Акты отреченія отъ престола Цесаревича Константина Павловича и престолонаслѣдія Николая Павловича. Присяга и послѣдствія ея 14-го Декабря.

Блудовъ, какъ и многіе другіе, знавшіе направленіе Государя, не могъ думать, чтобы принятая нашимъ кабинетомъ политика могла привиться, и видѣлъ въ ней только временное увлеченіе, нагнанное страхомъ революцій и вліяніемъ извѣстной партіи, а потому еще не рѣшался подавать въ отставку и оставался безъ всякихъ занятій. Прослуживши 25-ть лѣтъ въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, свыкшись въ ней съ людьми и дѣлами, онъ не легко могъ найти занятія по душѣ внѣ этого круга. Петербургъ на этотъ разъ представлялъ мало привлекательнаго не только для него, но и для другихъ. Государь былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Общество—разъединено, сдержано. Блудовъ рѣшился воспользоваться временемъ своего бездѣйствія, чтобы отвести больную жену на воды за границу. Доктора указали ему Эмсъ и, конечно, лучше ничего не могли посовѣтовать,

по крайней мѣрѣ лично для Блудова; онъ неожиданно встрѣтилъ тамъ графа Каподистрія, и единообразное, скучное время пребыванія на водахъ сдѣлалось для него однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. Въ продолжительныхъ прогулкахъ и разговорахъ шло оно незамѣтно, скрѣпляя болѣе и болѣе связь между ними, выработывая многія изъ тѣхъ убѣжденій, которыя сохранились въ Блудовѣ на всю жизнь.

Графъ Каподистрія пользовался сильнымъ вліяніемъ въ Греціи. Поѣздка его въ Корфу, въ отпускъ, изъ Россіи, укрѣпила это вліяніе. Здѣсь, какъ и въ Швейцаріи, гдѣ поселился онъ, къ нему стекались лучшіе люди Греціи за совѣтомъ, за пособіемъ; просили его принять личное участіе, и даже начальство въ происходящемъ движеніи. Бывшій дипломатъ, болѣе другихъ опытный и разсудительный, удерживалъ порывы пылкихъ патріотовъ. Онъ указывалъ на примѣры князей Ипсиланти и Кантакузена, которыхъ смѣлыя выходки только повредили дѣлу, убѣждалъ прежде всего запастись средствами для войны продолжительной, а не для безполезной вспышки, хотя бы она сопровождалась временнымъ успѣхомъ и вообще выжидать, пока эттеріи покроютъ, какъ сѣтью, весь Балканскій полуостровъ, окрѣпнутъ и запасутъ оружіе и порохъ, несмотря на всю бдительность Австрійскаго правительства, ни на минуту не упускавшаго изъ виду ни движенія эттерій, ни самого графа Каподистрія. Тогда еще былъ живъ святопочившій Владыка Черногоріи Петръ, этотъ герой Наполеоновскихъ войнъ, отнявшій у Французовъ Каттаро и Рагузу; онъ съ радостію предложилъ Черногорію складочнымъ пунктомъ боевыхъ снарядовъ и самъ переѣхалъ на нѣкоторое время въ Станевичь, на берегъ Адріатическаго моря, важный пунктъ, къ сожалѣнію, также выхваченный впослѣдствіи Австріей. Графъ Каподистрія дорожилъ этою помощію. Кромѣ того,

своими постоянными усиліями, онъ достигъ того, что нѣкоторые Европейскіе кабинеты стали склоняться въ пользу освобожденія Греціи.

Смерть Байрона озарила новымъ поэтическимъ свѣтомъ дѣло Грековъ, возбуждавшее уже живое сочувствіе знаменитою осадой Миссалунги. Напрасно нѣкоторыя правительства упорствовали и признавали Грековъ за бунтовщиковъ, общественное мнѣніе называло ихъ героями. Въ то время имя Байрона, какъ защитника Греціи, было громче и славнѣе, чѣмъ поэта, и возбуждало всеобщій энтузіазмъ.

Блудовъ, котораго живое воображеніе ясно сохранило всѣ впечатлѣнія возстанія Кара-Георгія, часто толковалъ о нихъ съ графомъ Каподистрія и тѣми Славянами, которые являлись въ Эмсъ съ предложеніями. Оба сокрушались о томъ, что всѣ эти возстанія были мѣстны, отрывочны, безъ связи съ общимъ дѣломъ, безъ соображенія съ Европейскими обстоятельствами, и потому служили только роковымъ предлогомъ для Турціи, усиливая повсемѣстно жестокости, и безъ того невыносимыя для бѣдныхъ раіевъ. При этомъ, конечно, не разъ являлась мысль, что несоразмѣрное съ мирнымъ положеніемъ число войска, которое содержала тогда Россія въ угоду Австрійской политики и къ совершенному истощенію нашихъ финансовъ, могло бы быть употреблено иначе,— если существованіе его уже признано необходимымъ. Блудовъ по этому поводу выразился: Pour les gouvernements, ainsi que pour les individus il en est fautes, des erreurs, ou bien, pour dire le vrai mot, des sottises, á peu près comme des boulets et des balles á la guerre: la plupart de ces balles sont perdues, mais quelques uns blessent, et il y en a qui tuent (*).

(*) Изъ собственноручныхъ замѣтокъ покойнаго: «Правительства, также какъ и частныя лица, дѣлаютъ ошибки, упущенія или, выражаясь настоящимъ словомъ—глупости, которыя можно сравнить съ ядрами и пулями на войнѣ: мно-

Графъ Каподистрія и Блудовъ часто изыскивали средства, чтобы соединить два разнородные элемента—Грековъ и Славянъ въ одно, по крайней мѣрѣ на время, пока совершится освобожденіе народовъ, но Блудовъ на опытѣ убѣдился (въ 1809 г.) какъ трудно согласовать даже славянскія племена между собою и что для этого необходимо нужно силу внѣшнюю.

Конечно, часто приходило на мысли имъ обоимъ, какъ бы помочь дѣлу собственными своими усиліями... Но одного удерживало семейство, другой выжидалъ благопріятнаго времени...

Возвратившись въ Петербургъ, подъ вліяніемъ такихъ сужденій и при своихъ убѣжденіяхъ, Блудовъ рѣшился выйти вовсе въ отставку. Только предстоящій отъѣздъ Государя замедлилъ подачу просьбы. Блудовъ хотѣлъ потомъ переѣхать на житье въ Дерптъ и заняться воспитаніемъ дѣтей, къ чему онъ приступилъ, преподавая самъ русскую исторію двоимъ старшимъ, и литературною работой, которая развилась уже въ головѣ его (*). Съ Петербургомъ онъ хотѣлъ окончательно проститься; продалъ свой домъ, находившійся на Невскомъ проспектѣ, противъ Вшивой биржи, и занялся приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ своихъ, нѣсколько разстроенныхъ продолжительнымъ пребываніемъ за границей.

Въ обществахъ, болѣе близкихъ ко двору и особенно въ домѣ Карамзина, Блудовъ узналъ причины и всѣ подробности предстоящаго отъѣзда Государя Императора въ Таганрогъ. Если кто либо былъ преданъ Государю безкорыстно и вмѣстѣ безгранично, то это Карамзинъ. Несмотря на близкія сношенія съ Александромъ, онъ ни занималъ ни какой

гія изъ нихъ пропадаютъ безвредно, но иныя ранятъ, а есть и такія, которыя убиваютъ».

(*) Онъ собиралъ матеріалы для исторіи дома Романовыхъ.

государственной должности и пользовался, до возшествія на престолъ Николая Павловича, съ которымъ сношенія его были иныя, скуднымъ содержаніемъ въ двѣ тысячи р. ассигнаціями. Два раза Александръ думалъ ему дать назначеніе: послѣ паденія Сперанскаго, когда ему нужно было замѣнить его во время поѣздки за границу на конгрессъ и когда открылось мѣсто министра Народнаго просвѣщенія, вмѣсто князя Голицына; но онъ хорошо понималъ, что всякое офиціальное положеніе Карамзина, измѣнитъ ихъ отношенія и вообще придастъ имъ другой характеръ. Мы думаемъ, что самъ Карамзинъ отклонилъ бы всякое назначеніе, чтобы уничтожить даже мысль о своекорыстныхъ побужденіяхъ привязанности къ Государю. Странно, однако, что въ оба раза Государь назначалъ Шишкова, какъ бы для того, чтобы показать Карамзину, что въ этомъ выборѣ ни привязанность, ни строгая оцѣнка достоинствъ не имѣли мѣста. У Карамзиныхъ, гдѣ съ особеннымъ участіемъ слѣдили за дѣйствіями Александра, съ радостію разсказывали о томъ, что прежняя любовь его къ Императрицѣ, та страстная любовь, которая сопровождаетъ обыкновенно первые года брака, начала проявляться въ немъ. Всѣ видѣли въ этомъ добрый знакъ и ждали что пробудится и станетъ надъ Россіей прежній Александръ, ея охранитель. Самую поѣздку Государь предпринялъ для того, чтобы лично устроить помѣщеніе для Государыни, которой здоровье было совершенно разстроено и не могло уже перенести сѣверной зимы. За границу же она рѣшительно отказалась ѣхать, говоря, что желаетъ умереть въ Россіи.

Незадолго до отъѣзда, Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ Императрицей ѣздили въ Духовъ монастырь (Новгородской губерніи) проститься съ матерью игуменьею и та, какъ говорила впослѣдствіи Блудову, была поражена происшедшей перемѣной въ царственной четѣ. Въ день же отъѣзда, пер-

ваго Сентября, Государь отправился въ Александро-Невскую лавру отслужить молебенъ (*). Это было въ 4 часа утра. Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившій его у входа въ церковь, господствовавшая темнота вокругъ и ярко освѣщенная рака угодника Божія, виднѣвшаяся вдали, въ растворенныя врата, поразили его воспріимчивое воображеніе; онъ плакалъ во время молебна. Посѣтивъ на нѣсколько минутъ митрополита Серафима, зашелъ онъ къ схимнику Алексѣю, отличавшемуся подвижническою жизнію. Мрачная картина кельи, стоявшій въ ней гробъ, который служилъ постелью отшельнику и нѣсколько сказанныхъ ему словъ, оставили въ немъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе.

Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на столицу, какъ бы прощаясь съ нею. Было-ли то грустное предчувствіе, навѣянное посѣщеніемъ схимника, была-ль то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе Императоромъ,—кто можетъ рѣшить подобный вопросъ!

Сентября 13-го Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Таганрогъ. Докторъ Виллie, въ своей памятной книжкѣ, говоря объ этомъ, пишетъ «первая часть путешествія кончена» и далѣе, подъ чертой, ставитъ слово *finis*. Въ то время, онъ и не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово: первая часть была и послѣднею (**).

(*) *Послѣдніе дни жизни Императора Александра I.* С.-Петербургъ 1827 г. Письма одного изъ служителей Государя и Таганрогцевъ, и свидѣтельства современниковъ.

(**) Въ бумагахъ покойнаго доктора Виллie, между множествомъ различнаго рода записокъ и приглашеній на обѣды, вечера и консультаціи открыта была *Памятная книжка* на 1825 годъ, въ которой находятся отмѣтки Виллie, на пробѣлахъ, противъ каждаго числа, начиная со дня выѣзда Государя изъ Пе-

По пріѣздѣ въ Таганрогъ Елизаветы Алексѣевны, Государь окружилъ ее самою нѣжной заботливостью, предупреждалъ ея малѣйшія желанія, старался доставлять ей разсѣяніе, и Государыня, подъ вліяніемъ этой нѣжной любви, стала оживать; здоровье ея видимо поправлялось, такъ что Государь рѣшился, хотя не безъ колебанія, принять приглашеніе графа Воронцова посѣтить Крымъ, говоря, что добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи. Постоянно не любившій пышности, здѣсь онъ жилъ уже совершенно просто: «надо, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ рѣзокъ» говорилъ онъ шутя. Вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, выбиралъ Государь мѣсто для постройки постояннаго дворца и очень былъ занятъ его распредѣленіемъ. Князю Волконскому онъ говаривалъ «и ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ». Вообще Государь, возвратившись къ прежней любви и къ прежней мысли, былъ очень веселъ: казалось, *Онъ нашелъ наконецъ тотъ уголокъ въ Европѣ*, о которомъ мечталъ, и гдѣ желалъ навсегда поселиться.

Всѣмъ этимъ мечтамъ, еще болѣе отраднымъ для Императрицы, которая была въ ту пору, не смотря на свои страданія, счастливѣйшею женщиной въ мірѣ, не суждено было осуществиться. 20-го Октября отправился Государь въ Крымъ; онъ былъ болѣе обыкновеннаго веселъ и разговорчивъ въ первые дни своего путешествія; но утомленіе отъ постоянныхъ, продолжительныхъ переѣздовъ, не рѣдко верхомъ, сырость вечеровъ, господствовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лихорадки, безпрерывныя посѣщенія госпиталей, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ, не могли не подѣйствовать на его здоровье. Въ Бакчисараѣ Государь самъ сказалъ

тербурга до 29 Декабря. Мы очень благодарны И. В. А. за доставленіе намъ этого неизвѣстнаго еще матеріала для поясненія послѣднихъ дней жизни Александра I.

Виллiе, что страдаетъ лихорадкой и нѣсколько ночей дурно спалъ, а онъ не любилъ жаловаться на болѣзнь. Но тутъ же отказался отъ всѣхъ лекарствъ, не терпя, такъ называемой имъ, латинской кухни, и не смотря на убѣжденiя Виллiе, остался непреклоненъ; только торопился возвращенiемъ къ *себѣ, домой*.

5-го Ноября Государь прiѣхалъ въ Таганрогъ и провелъ весь вечеръ у Императрицы, не жалуясь на припадки лихорадки, но на другой день онъ не могъ работать и принужденъ былъ прервать докладъ князя Волконскаго. Затѣмъ болѣзнь усиливалась. 9-го Александръ Павловичъ уже дозволилъ написать вдовствующей Императрицѣ, а 11-го Великому Князю Константину Павловичу о своемъ положенiи.

Болѣзнь, повидимому, въ началѣ мало заботила Виллiе. Онъ, какъ бы мимоходомъ, отмѣчаетъ подъ 30 ч. Окт.: у Государя разстройство желудка, впрочемъ, полезное для его здоровья (Бакчисарай). И за тѣмъ слѣдуютъ ничтожныя замѣтки о предметахъ постороннихъ до 5 Ноября; тутъ онъ уже пишетъ: ночь прошла дурно. Отказъ принять лекарство. Онъ приводитъ меня въ отчаянiе. 7-го Ноября онъ еще не можетъ отдать себѣ отчетъ—эпидемическая ли это лихорадка, крымская или другая какая, и 8-го пишетъ: «Это несомнѣнно горячка, febris gastrica biliosa» и пр. За тѣмъ сожалѣнiе о томъ, что остановилъ поносъ въ Бахчисараѣ. 10-го «съ 8-го числа я замѣчаю, что *Его* занимаетъ что-то болѣе важное, чѣмъ мысль о выздоровленiи и смущаетъ умъ. Ему хуже».

Замѣчательна отмѣтка Виллiе противъ 14-го числа. Все идетъ дурно, хотя у него еще нѣтъ бреду. Мнѣ хотѣлось дать acide muriatique въ питьѣ, но по обыкновенiю отказано: «Ступайте прочь». Я заплакалъ; замѣтивъ мои слезы Государь сказалъ мнѣ: «подойдите любезный другъ, надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. *У меня свои причины*

такъ дѣйствовать.» Ноября 15-го Вилліе отмѣчаетъ: какая скорбная обязанность объявить ему о близкой кончинѣ!...

Елизавета Алексѣевна не отходила отъ его постели. По временамъ Государь, какъ будто чувствовалъ себя легче, или по крайней мѣрѣ старался въ томъ увѣрить Императрицу, и лучь надежды озарялъ ее на мгновеніе, но вскорѣ страшная существенность явилась. Вилліе и Волконскій сказали ей, что *во всякомъ случаѣ* желательно было бы, чтобы Государь пріобщился Св. Тайнъ. Императрица вздрогнула. Долго не могла она прійти въ себя; наконецъ, собрала всѣ силы, чтобы самой просить Государя исполнить долгъ христіанина. «Развѣ я такъ плохъ?» спросилъ Государь безъ малѣйшаго измѣненія ни въ лицѣ, ни въ голосѣ. «Нѣтъ, другъ мой,—отвѣчала Императрица,—но отказавшись отъ всѣхъ средствъ земныхъ, испытайте небесныя». Государь очень охотно принялъ предложеніе. Пришелъ Вилліе, и на вопросъ Государя «я очень плохъ?» не могъ ничего отвѣчать, заливаясь слезами. Государь взялъ его руку и молча нѣсколько времени сжималъ ее. Императрицу онъ просилъ поберечь себя и нѣсколько успокоиться. Причастившись Св. Тайнъ, послѣ продолжительной исповѣди, онъ сказалъ Государынѣ «я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь; благодарю сердечно». Богъ сказался ему и свѣялъ съ души грозную мысль, преслѣдовавшую его во всю жизнь, мысль, которая нерѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставала передъ нимъ.

За нѣсколько часовъ до смерти, страданія нѣсколько уменьшились, жаръ былъ не такъ силенъ; Государь открылъ глаза, приказалъ знаками поднять шторы у оконъ, взглянулъ на природу и остановилъ взглядъ на Императрицѣ съ выраженіемъ полнымъ любви и благодарности, взялъ ее руку, поцѣловалъ и положилъ къ себѣ на грудь; улыбнулся кня-

зю Волконскому, и эта улыбка осталась до смерти на лицѣ его. Совершенное спокойствіе, болѣе—довольство, счастіе, было разлито въ лицѣ его. Слова Елизаветы Алексѣевны въ столь извѣстномъ письмѣ ея были трогательны именно по своей глубоко прочувствованной истинѣ (*). Черезъ нѣсколько минутъ онъ впалъ въ забытье, а черезъ нѣсколько часовъ его не стало. Государыня закрыла ему глаза трепетными руками; еще могла подвязать ему своимъ платкомъ подбородокъ, но потомъ ее, почти безчувственную, увели въ другую комнату.

Императоръ Александръ I скончался 19-го Ноября въ 10 часовъ и 50 минутъ утра (по замѣткѣ Виллie въ 11 ч. 10 мин.).

Въ то время о телеграфахъ еще не было и помину; почтамъ довѣрялись не охотно, и потому вѣсть о смерти Александра пронеслась сначала глухимъ, тревожнымъ гуломъ по Россіи. Народъ дрогнулъ. Смутно, неопредѣлительно ожидалъ онъ чего то недобраго; ходили слухи, что Константинъ Павловичъ отказался отъ престола. Манифестъ 20-го Марта 1820 года, о расторженіи брака цесаревича съ великою княгинею Анной Ѳеодоровной, вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ права престолонаслѣдія дѣтей, отъ морганическаго брака рожденныхъ: это служило какъ бы подтвержденіемъ слухамъ. Измѣненіе престолонаслѣдія, котораго, впрочемъ, никто положительно не зналъ, пугало людей робкихъ. Къ этому присоединились смутные слухи о существованіи какихъ то тайныхъ обществъ въ Россіи, о которыхъ будто бы писали и Александру. Были увѣрены, что при немъ онѣ не смѣли бы поднять головы, но кто знаетъ, что случится послѣ него! Вообще,

(*) Вотъ, между прочимъ, что она писала: Son sourire me prouve qu'il est heureux et qu'il voit des choses plus belles qu'içi-bas. (Улыбка его доказываетъ что онъ счастливъ, что онъ узрѣлъ иное, лучшее, чѣмъ здѣсь на землѣ.)

будущее являлось неопредѣленнымъ, полнымъ тревогъ. Но когда извѣстіе о смерти Императора разразилось во всей своей оффиціальной истинѣ и было напечатано письмо Императрицы Елизаветы Алексѣевны, тогда одинъ общій вопль народа отвѣчалъ сѣтующей державной вдовѣ. Шествіе погребальной колесницы съ тѣломъ усопшаго Императора сопровождалось цѣлымъ народомъ, стекавшимся изъ отдаленныхъ мѣстъ,—отдать послѣдній долгъ покойному.

Утромъ 27-го, во время молебствія за здравіе Государя въ большой церкви Зимняго дворца, получено было извѣстіе о постигшемъ Россію несчастіи. Жуковскій былъ въ то время въ церкви, гдѣ Императорская фамилія, съ нѣсколькими приближенными, слушала божественную службу; Блудовъ—въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ собрались всѣ чиновные люди столицы и гдѣ были толпы народа; оба они оставили свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, которое тамъ и здѣсь произвело роковое извѣстіе. Когда, во время самаго молебна, великій князь Николай Павловичъ, котораго вызвали изъ церкви по случаю пріѣзда курьера, вернулся и подалъ знакъ рукой духовенству и пѣвчимъ: «все умолкло, оцѣпѣнѣло отъ недоумѣнія, но вдругъ всѣ разомъ поняли, что Императора не стало; церковь глубоко охнула, и черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача... такъ пишетъ Жуковскій. Не возможно выразить отчаянія тутъ же находившейся вдовствующей Императрицы». «Кто привезъ роковое извѣстіе въ церковь Александро-Невской лавры, я не знаю, говорилъ Блудовъ, да едва ли кто изъ присутствующихъ зналъ (*), только оно съ быстротою электрической искры обошло всѣхъ присутствующихъ и общій вопль, общее рыданіе прервали божественную службу».

(*) По словамъ барона Корфа, извѣстіе привезъ бывшій начальникъ штаба гвардейскаго корпуса Нейдгардтъ.

Въ Варшавѣ получено было извѣстіе о смерти Государя двумя днями ранѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ то время случился тамъ великій князь Михаилъ Павловичъ, съ которымъ цесаревичъ былъ очень друженъ. Онъ поспѣшилъ отправить его въ Петербургъ, чтобы убѣдить Императрицу Марію Ѳеодоровну и великаго князя Николая Павловича въ твердомъ своемъ рѣшеніи остаться вѣрнымъ данному согласію на отреченіе отъ престола. Но Михаилъ Павловичъ нашелъ, что вся столица, слѣдуя примѣру великаго князя Николая Павловича, приняла уже присягу цесаревичу и что сенатскіе и синодскіе о томъ указы разосланы по всей Россіи. Это очень смутило его. Къ удивленію Петербургскихъ жителей, онъ и свита его не послѣдовали общему примѣру.

Присяга совершилась незапно: Николай Павловичъ немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра Павловича, пока еще не ушло изъ церкви духовенство, служившее молебствіе, принялъ присягу на вѣрность цесаревичу и привелъ къ ней внутренніе караулы. Хотя онъ слышалъ отъ самаго покойнаго Государя о предполагаемомъ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, однако не зналъ о существованіи какого нибудь о томъ акта, который одинъ могъ быть дѣйствителенъ въ такомъ важномъ случаѣ и поспѣшилъ собственною присягой уничтожить ходившіе въ то время темные слухи. Императрица Марія Ѳеодоровна, убитая горемъ, могла ему сказать о хранившихся въ Государственномъ совѣтѣ и Сенатѣ бумагахъ уже тогда, когда великій князь объявилъ ей, что присяга совершена.

При обсужденіи вопроса въ кругу царской фамиліи и приближенныхъ къ ней нашли, что послѣ всего случившагося недостаточно, для убѣжденія народа и войска, однихъ писемъ цесаревича, не смотря на офиціальный ихъ характеръ. Великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ не скрывали отъ себя затруднитель-

ность положенія, когда придется пояснять причину второй присяги, другому Государю, особенно въ отсутствіе самаго Константина Павловича. Рѣшились писать цесаревичу, что Николай Павловичъ покорится его воли, если она снова и положительно будетъ заявлена. Письма отъ Императрицы и Великаго Князя, въ которыхъ, между прочимъ, опять повторялась просьба о пріѣздѣ его въ Петербургъ, были отправлены съ фельдъегеремъ. Черезъ два дня отправился въ Варшаву же великій князь Михаилъ Павловичъ собственно для того, чтобы убѣдить великаго князя пріѣхать въ Петербургъ; опасаясь разъѣхаться съ фельдъегеремъ, онъ остановился на станціи Ненналѣ, на распутьѣ дорогъ, и написалъ о томъ въ Петербургъ и Варшаву.

Все это время столица находилась въ тягостномъ ожиданіи. Темные слухи и какое то недоумѣніе волновали ее. Въ собравшемся, по случаю первой присяги, Государственномъ совѣтѣ былъ уже возбужденъ вопросъ о посмертной волѣ покойнаго Императора и объ оставленныхъ имъ актахъ, что конечно не могло остаться неизвѣстнымъ въ публикѣ.

Этимъ настроеніемъ умовъ, а главное, предстоявшею второй присягой, рѣшились воспользоваться люди, давно замышлявшіе низвергнуть существующій порядокъ въ Россіи и только выжидавшіе случая, чтобы воспользоваться имъ. Во время тяжкой болѣзни Александра Павловича получены были въ Таганрогѣ новыя извѣстія и на этотъ разъ, двумя разными путями о существованіи заговора, котораго члены разсѣяны въ большей части Россіи. По важности извѣстій, Дибичъ рѣшился послать въ главную квартиру 2-й арміи, въ Тульчинъ, генералъ-адъютанта Чернышева для предупрежденія главнокомандующаго Витгенштейна и для арестованія командира Вятскаго пѣхотнаго полка полковника Пестеля. По смерти же Александра Павловича, отправленъ былъ оттуда же къ Императору въ С.-Петербургъ,

находившійся при покойномъ Государѣ комендантомъ Баронъ Фридериксъ съ подробнымъ донесеніемъ о заговорѣ. Такое же донесеніе было отправлено въ Варшаву, такъ какъ въ Таганрогѣ не знали гдѣ Императоръ, и вѣроятно не знали даже кто Императоръ?

Въ тотъ же день (12 Декабря) великій князь Николай Павловичъ получилъ совершенно неожиданно другое удостовѣреніе о существованіи заговора и о томъ, что большинство его членовъ находится въ Петербургѣ. Онъ призвалъ военнаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, показалъ ему донесеніе изъ Таганрога и разсказалъ о послѣднемъ свидѣтельствѣ заговора. Графъ Милорадовичъ обѣщалъ принять мѣры, но вообще не придавалъ значенія сдѣланнымъ показаніямъ, удостовѣряя, что въ столицѣ все спокойно. Послѣдствія показали, что между тѣмъ какъ онъ ничего не зналъ, даже не вѣрилъ въ существованіе заговора, каждое дѣйствіе его и вообще правительства было извѣстно людямъ, участвовавшимъ въ заговорѣ.

Наконецъ, ожидаемыя бумаги изъ Варшавы были получены. 13 числа объявленъ былъ манифестъ (помѣченный 12-мъ) о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, а 14 Декабря назначена была присяга.

Событія 14 Декабря на площади Зимняго дворца и около монумента Петра Великаго подробно описаны барономъ Корфомъ, Шницлеромъ (*) и другими; мы коснулись ихъ потому, что они находятся въ связи съ предшествовавшимъ царствованіемъ.

Здѣсь, по принятому нами плану, мы должны бы были окончить эту часть біографіи Блудова, относящуюся собственно только до времени царствованія Александра I, если

(*) Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre I et Nicolas par F. H. Schnitzler. Paris. 1847.

бы не боялись оставить долѣе память Блудова подъ гнетомъ того обвиненія, которое взвела на него заграничная пресса, именно, по поводу дѣла 14 Декабря. Смерть и то вычеркнула многихъ изъ этой книги, пока составлялась она: такъ напр. «Арзамасцевъ,» когда мы собирали о нихъ свѣдѣнія въ прошломъ году, было трое въ живыхъ, теперь мы должны были поправить—1; Декабристовъ оставалось 11,—теперь, едва ли ошибемся, сказавши, что ихъ осталось 7. Письмо, въ которомъ я просилъ доставить нѣкоторыя свѣдѣнія, возвращено за смертію того, кому было адресовано (гр. Закревскаго). Все это является какъ memento mori и торопитъ дѣйствовать. Могутъ встрѣтиться и другія обстоятельства, которыя прервутъ разсказъ нашъ, и важное обвиненіе, лежащее на памяти Блудова, занесется въ исторію, вопреки истины, въ угоду страстныхъ увлеченій.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Причины, замедлившія объявленіе акта престолонаслѣдія при жизни Александра Павловича. Новая дѣятельность Блудова; обвиненія противъ него; важность обвиненій; неосновательность ихъ. Обвиненіе другаго лица, не менѣе несправедливое. Судъ настоящій и судъ потомства.

Императоръ Николай, какъ самъ онъ говорилъ (*), не готовился къ тому высокому сану, который принялъ. Онъ едва ли не позже всѣхъ въ Царской семьѣ, года за три до смерти Александра, узналъ о предстоящей ему участи, и то не болѣе, какъ о предположеніи, сказанномъ ему покойнымъ Императоромъ. О существованіи же извѣстныхъ актовъ, онъ не зналъ. Почему Александръ хранилъ ихъ въ тайнѣ отъ наслѣдника и отъ народа, и тѣмъ невольно готовилъ смуты въ любимой имъ Россіи, — объяснить можно только тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ съ манифестомъ о порядкѣ престолонаслѣдія, рѣшился, кажется, объявить и собственное отреченіе отъ престола. Еще незадолго до отъѣзда своего въ Таганрогъ, онъ сказалъ о томъ бывшему въ Петербургѣ принцу Оранскому (**), который пришелъ въ ужасъ отъ предвидѣнныхъ имъ послѣдствій и всячески убѣждалъ его

(*) Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го бар. Корфа.

(**) Въ послѣдствіи король Нидерландскій, Вильгельмъ II.

отказаться отъ такого намѣренія. На другой день онъ рѣшился писать Государю, чтобы поколебать его, но Александръ остался непреклоненъ. Въ его года, съ его здоровьемъ, всенародное объявленіе воли его казалось только дѣломъ времени и это время повидимому наступало.... но провидѣніе судило иначе!

Не присутствуя ни въ государственномъ Совѣтѣ, ни въ Сенатѣ, ни при докладахъ министровъ, Императоръ Николай не могъ знать ни дѣлъ, ни людей въ Государствѣ. По вступленіи на престолъ, ему болѣе чѣмъ другому нужны были дѣятельные сотрудники и помощники. Зная уваженіе, которое питалъ покойный Императоръ къ Карамзину, онъ обратился къ нему за совѣтомъ. Карамзинъ указалъ особенно на двоихъ—Блудова и Дашкова. Государь обѣщалъ употребить ихъ способности при первомъ случаѣ, и случай вскорѣ представился. По дѣлу 14 Декабря созваны были Верховная слѣдственная коммисія и Верховный судъ, а впослѣдствіи образовалась еще Ревизіонная коммисія. Государь предназначалъ въ производители дѣлъ первой *другое* лицо; но одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ коммисіи объяснилъ, что слѣдствіе произведенное этимъ *другимъ* лицемъ (вмѣстѣ съ генераломъ Шеншинымъ) на югѣ Россіи, по дѣлу эттеріи, оказалось неудовлетворительно; тогда Государь назначилъ Блудова.

Блудову тяжело было это назначеніе: приходилось присутствовать при допросахъ людей, изъ которыхъ онъ иныхъ зналъ лично, съ семействами другихъ былъ въ связи; но въ этомъ положеніи находилась большая часть служащихъ въ Петербургѣ, потому что число причастныхъ къ дѣлу было велико и они принадлежали ко всѣмъ званіямъ и особенно къ высшему кругу. Отказаться отъ возлагаемаго на него порученія,—онъ полагалъ невозмож-

нымъ, пока состоитъ на службѣ, считая строгое исполненіе обязанностей первымъ долгомъ гражданина.

Блудова никто почти не зналъ въ коммисіи, такъ какъ онъ всю жизнь свою вращался въ другомъ кругу, при другихъ занятіяхъ, и если противъ него ничего не могли сказать, то смотрѣли на него недовѣрчиво, какъ на пришельца, мало знакомаго съ дѣловою частію новыхъ своихъ обязанностей. Верховный уголовный судъ выбранъ былъ изъ трехъ Государственныхъ сословій, какъ сказано въ указѣ—16 членовъ Государственнаго Совѣта, 35 Сенаторовъ, 3-хъ членовъ Святѣйшаго Синода и 13 лицъ особенно назначенныхъ изъ главнѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Престарѣлый Татищевъ, Военный Министръ, назначенный предсѣдателемъ Слѣдственной коммисіи, взялъ изъ министерства секретаря Боровкова, извѣстнаго по дѣятельности своей въ изданіи журнала «Соревнователь Просвѣщенія», гдѣ участвовали многіе изъ замѣшанныхъ въ событіи 14 Декабря, и мы находимъ въ дѣлѣ массу бумагъ, писанныхъ рукою Боровкова. Но кто бы ни былъ производителемъ дѣлъ,— онъ не могъ имѣть никакого вліянія на самый ходъ ихъ; допросы съ обвиняемыхъ снимались не имъ, а членами Коммисіи; эти допросы потомъ были нѣсколько разъ повѣряемы въ присутствіи допрашиваемыхъ Ревизіонною коммисіею; потомъ подсудимые были призываемы въ Верховный судъ и вновь передопрошены; наконецъ, самъ Государь призывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ обвиненныхъ для того, чтобы лично убѣдиться въ истинѣ показаній. Не только не могъ ни Блудовъ, ни Боровковъ имѣть вліяніе на участь подсудимыхъ, но роль ихъ была до того пассивна, что, какъ увидимъ ниже, самое присутствіе ихъ едва ли кто замѣтилъ изъ подсудимыхъ. Тѣмъ не менѣе однако, въ изданномъ въ 1847 году въ Парижѣ сочиненіи, подъ заглавіемъ: la Russie et les Russes, Н. Тургеневъ обрушивается всею тяжестію

обвиненія на Блудова, и въ такихъ выраженіяхъ, при такихъ обличеніяхъ, которыя заставили бы конечно отшатнуться отъ него всякаго честнаго человѣка, если бы онъ только изъ книги Тургенева узналъ ходъ дѣла и не взялъ на себя труда повѣрить его съ подлинными актами.

Николай Тургеневъ посвящаетъ часть книги на опроверженіе приговора, произнесеннаго надъ нимъ Верховнымъ судомъ по дѣлу 14 Декабря. Сначала онъ оправдываетъ участіе свое въ тайномъ обществѣ «Союзъ Благоденствія» и вообще значеніе его. Мы полагаемъ, что правительство руководится своимъ воззрѣніемъ на тайныя общества и конечно не измѣнитъ его ни для Блудова, ни для всей коммисіи и суда вмѣстѣ взятыхъ, а потому не остановимся на этой части. Мы только будемъ говорить о дѣлѣ, на сколько оно относится собственно до обвиненія самаго Блудова, и были бы рады, если бы, опровергая Тургенева, мы могли обойти его собственное оправданіе.

Тургеневъ основываетъ все свое оправданіе и обвиненіе Блудова на томъ показаніи Рылѣева, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что въ совѣщаніи народной думы, гдѣ рѣшено было увезти царскую фамилію изъ Петербурга, Тургеневъ подалъ голосъ въ пользу этого рѣшенія. Тутъ же упоминается имя Торсона. А какъ Торсонъ поступилъ въ общество только въ 1825 году, между тѣмъ какъ Тургеневъ еще въ 1824 году выѣхалъ изъ Россіи, что вполнѣ должно быть извѣстно Блудову, съ которымъ онъ часто видѣлся осенью 1824 года въ Маріенбадѣ, то Тургеневъ и не могъ присутствовать въ этомъ собраніи.

Не станемъ распространяться о томъ, что Рылѣевъ въ другомъ (также записанномъ) показаніи говорилъ, что ему *кажется*, что объ этомъ было разсуждаемо въ совѣщаніи думы; что Никита Муравьевъ, не обозначая времени, сказалъ только, что рѣчь о вышеизложенномъ шла не задолго до

отъѣзда Тургенева за границу. что показаніе Торсона даже не вошло въ записку собственно о Тургеневѣ, такъ какъ его показаніе, какъ и другихъ двухъ, было сдѣлано въ оправданіе себя, а не въ обвиненіе Тургенева; не станемъ также говорить, что каждый изъ обвиненныхъ могъ привести въ свое оправданіе противорѣчащія показанія другихъ, такъ какъ допрашиваемые по нѣсколько разъ сбивались въ своихъ отвѣтахъ и часто совершенно невинно, по забывчивости, противорѣчили самимъ себѣ и очевидности обстоятельствъ; (о типографской ошибкѣ не можетъ быть и рѣчи) (*);—скажемъ только, что приговоръ Тургенева состоялся вовсе не на этомъ обвинительномъ пунктѣ: вотъ буквальная выписка изъ доклада особой коммисіи (въ которой Блудовъ не участвовалъ), и пусть читатели сами судятъ, въ какой мѣрѣ помянутое показаніе могло имѣть на него вліяніе: «Списокъ подсудимыхъ, коими не учинено собственнаго признанія во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ (четыре лица) 1. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тургеневъ. На Тургенева показываютъ 24 человѣка, что онъ былъ членомъ тайнаго общества (**), изъ коихъ трое, что Тургеневъ участвовалъ въ учрежденіи; трое, что Тургеневъ былъ Директоромъ; четверо, что Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи; шестнадцать, что Тургеневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ; одинъ, что Тургеневъ на совѣщаніи былъ предсѣдателемъ; одинъ, что Тургеневъ сочинялъ правила о изысканіи средствъ къ измѣненію правительства и полученіи Конституціи и трое—что Тургеневъ участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ членовъ».

(*) Приговоръ конечно состоялся не по печатной, а по письменной докладной запискѣ.

(**) Въ актѣ всѣ они поименованы въ выноскѣ; равнымъ образомъ и далѣе, послѣ всякаго числа, слѣдуетъ поименованіе лицъ.

Затѣмъ уже слѣдують показанія Пестеля, Рылѣева, Муравьева и другихъ pro и contra по предмету участія Тургенева въ предположеніи нѣкоторыхъ лицъ общества, относительно удаленія изъ Россіи Императорской фамиліи. Показанія относятся не къ одному указываемому Тургеневымъ времени, но къ различнымъ эпохамъ 1820, 1823 и началу 1824 годовъ, кромѣ Рылѣева, которыя не опредѣлены. О Торсонѣ же нѣтъ и помину.

Всѣ эти показанія Рылѣева—будто бы Тургеневъ раздѣлялъ мнѣніе другихъ о вывозѣ за границу Императорской фамиліи, и Пестеля—будто бы на вопросъ его (въ 1820 году) желаетъ ли общество монарха или президента? Тургеневъ отвѣчалъ Un président sans phrases (президентъ безъ дальнихъ толковъ),—Коммисія сводитъ въ одно слѣдующее заключеніе: «Остаются только показанія двухъ членовъ общества—Пестеля и Рылѣева (и Никиты Муравьева неопредѣлительно) и то по разнымъ предметамъ, которыя Коммисія почитала опаснымъ въ столь важномъ преступленіи признать достаточными къ обвиненію». Затѣмъ, всѣ другія показанія по этимъ двумъ предметамъ считаетъ какъ бы несуществующими. Почему же Тургеневъ такъ усиливается опровергнуть эти именно обстоятельства, когда Ревизіонная коммисія сама не признаетъ ихъ доказанными и Верховный судъ основалъ свой приговоръ не на нихъ, а на другихъ соображеніяхъ? Вотъ этотъ приговоръ: «Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая Тургенева за то, что по показанію 24 участниковъ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ *тайнаго общества*, участвовалъ въ возрожденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе и удалясь за границу, онъ, по призыву правительства, къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія».

Другое обвиненіе Тургенева состоитъ въ томъ, что докладъ Коммисіи написанъ въ какомъ то шуточномъ тонѣ.... Шутить и даже издѣваться!—Дѣйствительно, обвиненіе было бы важное, но спрашиваемъ каждаго, кто читалъ докладъ Слѣдственной коммисіи, такое ли впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этого чтенія, или другое—болѣе томительное, болѣе щемящее сердце?... Одинъ изъ тогдашнихъ замѣчательныхъ литераторовъ подалъ записку, въ которой нападалъ на донесеніе Слѣдственной коммисіи, говоря, что она слишкомъ сочувственно относится къ людямъ 14-го Декабря и представляетъ ихъ въ поэтическомъ и интересномъ свѣтѣ. Да, надо быть слишкомъ раздраженнымъ противъ человѣка, чтобы укорять его въ томъ, что онъ трунитъ надъ обвиненнымъ, котораго ведутъ на эшафотъ.

Тургеневъ, какъ бы логически развивая мысль свою и подкрѣпляя обвиненіе новыми доводами,—говоритъ, что и предокъ Блудова измѣною увлекъ Ярополка къ брату, гдѣ ожидала его смерть. Думаю, что нѣсколько лѣтъ спустя, Тургеневъ не написалъ бы этого. Что онъ былъ раздраженъ противъ Блудова—это ясно. Имѣлъ ли онъ на то какія либо причины помимо самой Слѣдственной коммисіи, намъ не извѣстно.

Николай Тургеневъ былъ знакомъ съ Блудовымъ, а братъ его, Александръ, былъ связанъ съ нимъ дружбой, но что могъ тутъ сдѣлать Блудовъ, когда ни Карамзинъ, ни Жуковскій—друзья Тургенева и конечно болѣе близкіе къ Государю ничего не могли добиться въ его пользу.

Отчего же ни одинъ изъ участниковъ въ событіи 14-го Декабря (кромѣ Н. Тургенева) не говоритъ о неправильности, неправдивости донесенія Слѣдственной коммисіи, не упоминаетъ даже имени Блудова,—а многіе изъ нихъ издали свои записки за границей, внѣ всякаго участія русской цензуры, и нѣкоторые съ явнымъ отпечаткомъ негодованія противъ

своихъ судей? Даже въ разборѣ донесенія Слѣдственной коммисіи, напечатанномъ въ «Полярной Звѣздѣ» и приписываемомъ Никитѣ Муравьеву или Лукину, хотя и говорятъ о неполнотѣ слѣдствія, но обстоятельство это относятъ къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ самою коммисіей, а не къ редакціи, которая, кромѣ того, что было показано отвѣтчиками, не могла ничего прибавить. Въ запискахъ князя Оболенскаго, между прочимъ, сказано: «Дѣйствія *общества* и каждаго изъ членовъ обнародованы въ докладѣ Коммисіи и въ сентенціи Верховнаго суда. Нельзя отрицать истины, выраженной фактами». Далѣе, говоря, что члены увлекались болѣе фразами, чѣмъ обдуманными намѣреніями, онъ прибавляетъ: «Судъ произносилъ приговоръ надъ фактами, а фактъ былъ неопровержимъ». Даже въ запискахъ Якушкина, которыя далеко не отличаются умѣренностію и хладнокровнымъ обсужденіемъ, не упоминается имя Блудова, да едва ли онъ былъ имъ и замѣченъ.

Мы узнали Декабристовъ уже въ то время, когда они, искупивши свои заблужденія тяжелымъ испытаніемъ, жили на поселеніи, распространяя добро между окрестными жителями или своими знаніями, особенно въ техническомъ отношеніи, или тѣми ограниченными матеріальными средствами, которыя иные изъ нихъ имѣли,—уважаемые и пользовавшіеся довѣріемъ и свободой; случалось иногда говорить съ ними о прошедшемъ, но никогда имя Блудова не было произносимо ими. Правда, тогда еще не вышла книга Тургенева, и слѣдовательно не было особеннаго повода говорить о немъ; но впослѣдствіи мы не могли ограничиться лишь собственными убѣжденіями и, ради поясненія истины, обратились къ тѣмъ немногимъ изъ оставшихся въ живыхъ, которыхъ мы знали, и просили ихъ высказать свой образъ мыслей относительно дѣйствій Блудова въ Слѣдственной коммисіи. Всѣмъ

извѣстно, что они въ настоящее время пользуются полной свободой и гражданственностію въ Россіи. Что же оказалось? Блудова они и не замѣтили въ Слѣдственной коммисіи. Въ докладѣ видѣли обычный актъ, который потерялъ даже свое юридическое значеніе за силой сдѣланныхъ вновь допросовъ Ревизіонной коммисіей; изложеніе его нисколько не поразило ихъ какою либо особенностію; не знали даже кто собственно писалъ его. Имя же Блудова они узнали послѣ, и какъ тѣсно связанное съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, оно было сопровождаемо всеобщимъ уваженіемъ (*).

(*) Князь Оболенскій, между прочимъ, пишетъ: «Изъ многочисленныхъ спутниковъ моей Сибирской жизни, ни одинъ не сообщилъ мнѣ не только о намѣренномъ искаженіи истины его показаній; но даже о натянутомъ и недобросовѣстномъ толкованіи оныхъ.—И такъ, пусть память графа Блудова останется чистою отъ всякаго нареканія. На его личность пала горькая доля, быть дѣлопроизводителемъ политическаго уголовнаго процесса.—Онъ не могъ и не долженъ былъ уклониться отъ исполненія этой тяжелой обязанности; но исполняя ее, онъ не оставилъ на сердцѣ подсудимыхъ и тѣни непріязненнаго къ себѣ чувства.—Не многіе же изъ нихъ, оставшіеся въ живыхъ, будутъ чтить его память, какъ мудраго и ревностнаго исполнителя благодѣтельной Царской воли, коего имя неразрывно соединено съ положеніемъ 19 Февраля.»

Вотъ письмо кн. Волконскаго:

«Въ почтеннѣйшемъ письмѣ отъ 20-го текущаго Октября, вы говорите, что собирая матеріалы для біографіи графа Д. Н. Блудова, вы встрѣтили въ Русской иностранной прессѣ упреки, которыми она осыпаетъ покойнаго, утверждая, что онъ былъ пристрастенъ и невѣренъ въ записываніи отвѣтныхъ показаній во время слѣдствія по дѣлу 14-го Декабря 1825 года; почему вы и обращаетесь ко мнѣ, какъ современнику той эпохи, съ просьбою сообщить вамъ свѣдѣнія, какія сохранила моя память относительно дѣйствій графа Блудова въ Слѣдственной коммисіи. Вполнѣ понимая и цѣня то чувство, съ которымъ вы это дѣлаете, я считаю долгомъ отвѣчать вамъ съ полною откровенностью. Въ моихъ личныхъ воспоминаніяхъ объ этомъ дѣлѣ, графъ Блудовъ не имѣетъ мѣста: я ни разу не видѣлъ его ни въ коммисіи, во время производства слѣдствія, ни позднѣе, въ засѣданіи Верховнаго уголовнаго суда. По этому самому, не могу сказать вамъ ничего опредѣлительнаго объ участіи графа какъ въ дѣйствіяхъ Слѣдственной коммисіи, такъ и въ составленіи отчета оной. Въ Верховномъ же уголовномъ судѣ, онъ, сколько мнѣ извѣстно, не принималъ вовсе участія. Еще во время знакомства нашего въ

Блудовъ дѣйствительно призывался и въ Верховный судъ, но этому обстоятельству не только нельзя придавать важности, какъ это дѣлаетъ Тургеневъ, но даже какого либо значенія, если хладнокровно смотрѣть на дѣло. Не имѣя права голоса и сужденія, онъ призывался собственно для справокъ,—а въ справкахъ не нуждались.....

Отчего Тургеневъ избралъ именно Блудова, безспорно наименѣе значительнаго изъ сотни лицъ, участвовавшихъ въ Слѣдственной коммисіи и Верховномъ судѣ, чтобы обрушиться на него одного всею тяжестію своего обвиненія,— повторяемъ, намъ неизвѣстно.

Мы не скроемъ того обстоятельства, которое говоритъ въ пользу Тургенева: прежде выпуска въ свѣтъ своей книги, онъ присылалъ покойному Блудову выписки до него относящіяся, давая тѣмъ возможность опровергнуть ихъ. Но въ какой степени лицу официальному возможно входить въ сношенія, особенно по дѣлу подобнаго свойства, съ осужденнымъ политическимъ преступникомъ (тогда еще не было всепрощенія), живущимъ за границей? Допустимъ, наконецъ, что людямъ близкимъ Блудову удалось-бы, не смотря на убѣжденія покойнаго, склонить его написать требуемое опроверженіе,—принялъ ли бы его Тургеневъ въ соображеніе? Пусть Тургеневъ перечтетъ свое письмо, которое сопро-

---

Сибири, вы легко могли убѣдиться, что даже и при тогдашнемъ моемъ бытѣ, не волновало меня ни малѣйшее чувство злопамятства въ отношеніи тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣли слѣдствіе, судъ и рѣшеніе 1826 года; тѣмъ менѣе могъ я имѣть на душѣ какой либо упрекъ къ графу Блудову, мѣра участія котораго въ этомъ дѣлѣ, мнѣ, повторяю, не была извѣстна. Напротивъ того, я постоянно сохранялъ глубокое къ нему уваженіе какъ къ честному государственному дѣятелю и человѣку, и чту память того, чье имя связано съ самымъ дорогимъ и близкимъ моему сердцу историческимъ событіемъ—освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.»

Кто знаетъ эти двѣ личности, тотъ конечно никакъ не заподозритъ ихъ въ неправдѣ.

вождало выписки и рѣшить самъ, возможно ли было на него отвѣчать?

Мы распространились объ этомъ дѣлѣ и вѣроятно наскучили читателю, для котораго оно потеряло и современность и прежнее значеніе; можемъ только замѣтить, что намъ также очень тяжело было вспоминать о немъ. Каждый легко пойметъ, что мы далеки отъ того, чтобы судить дѣйствія Тургенева, для котораго завѣтною идеей всей жизни было освобожденіе крестьянъ, столь близкое для всѣхъ. Но для насъ дорога память Блудова; обвиненіе его—есть обвиненіе друзей покойнаго, которые любили его безкорыстно, уважали въ немъ безусловно честнаго человѣка, внѣ всякихъ служебныхъ отношеній, внѣ всякихъ личныхъ расчетовъ. Въ строгомъ юридическомъ значеніи обвиненіе это слишкомъ важно: оно состоитъ въ подлогѣ, сдѣланномъ съ предположенной и заранѣе обдуманной цѣлью.—Если Тургеневъ не вѣритъ въ позднѣйшее поколеніе, которое могло бы не отшатнуться отъ человѣка, способнаго на такой поступокъ; то пусть вспомнитъ о Карамзинѣ, Жуковскомъ, Дашковѣ, Вяземскомъ и многихъ другихъ, нѣкогда близкихъ ему людяхъ: они всѣ остались вѣрны дружбѣ Блудова до гроба! Обвиненіе Тургенева важно еще потому, что сдѣлано въ книгѣ серьезной, прикрывается юридическимъ разборомъ и дало поводъ ко всѣмъ позднѣйшимъ толкованіямъ; оставленное безъ объясненій, оно перешло бы въ исторію, и покрыло позоромъ память одного изъ честнѣйшихъ людей, а что онъ былъ такимъ—это покажетъ дальнѣйшее описаніе его жизни и гражданской дѣятельности.

Тургеневъ простираетъ негодованіе свое даже на того, кто посланъ былъ объявить ему обвинительные пункты и требованіе правительства явиться для отвѣта въ Россію и отзывается о немъ въ язвительныхъ выраженіяхъ. Спраши-

вается, чѣмъ виновенъ секретарь Лондонскаго посольства, можетъ быть единственный чиновникъ, бывшій въ то время на лицо, какъ это часто случается въ посольствахъ, что на его долю досталось это непріятное порученіе? Опять—отказаться отъ порученія недостойнаго, выйти въ отставку; но тогда уже поздно! Отказываться отъ прямыхъ обязанностей невозможно,—развѣ вовсе не поступать на службу. Но объ этомъ предметѣ каждому позволено имѣть свое убѣжденіе. Молодой секретарь посольства нашелъ Тургенева въ Эдинбургѣ, встрѣтивъ его случайно на мосту, близъ гостинницы, гдѣ онъ остановился, а потому и пригласилъ его къ себѣ для прочтенія бумагъ. Тургеневъ предпочелъ свиданіе у себя въ квартирѣ, и на то согласился онъ, хотя это было довольно далеко. Донесеніе (*) нашего секретаря посольства и изложеніе дѣла въ книгѣ Тургенева—не совсѣмъ согласны между собою; но мы не остановимся на этомъ. Тургеневъ, въ отзывѣ своемъ, отказался явиться для личныхъ отвѣтовъ на обвинительные пункты, и посланый уѣхалъ обратно въ Лондонъ.—Въ чемъ же заключается его вина? За что издѣвается онъ надъ этимъ именемъ, которое съ уваженіемъ произноситъ Россія?

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событій 14 Декабря, Тургеневъ просилъ надъ собой слѣдствія и суда, рѣшившись пріѣхать по требованію въ Россію. Не наше дѣло говорить, въ какой степени это было возможно, когда главныя лица, свидѣтельствовавшія противъ него, уже не существовали, но мы никакъ не можемъ понять, почему Блудовъ и тутъ, по словамъ Тургенева, оказывается виноватымъ, между тѣмъ какъ просьба его разсматривалась министромъ Юстиціи, а Блудовъ тогда имъ не былъ. Мы думаемъ, что лучшее,

(*) Архивъ мин. Иностр. дѣлъ.

что̀ могли посовѣтовать Тургеневу его друзья,—это не пытаться суда, а оставаться до поры за границей: такъ онъ и сдѣлалъ.

Теперь доказательства обѣихъ сторонъ на лицо: пусть судятъ другіе, пусть судитъ потомство!...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Графъ Блудовъ готовился нѣкогда писать исторію Дома Романовыхъ, какъ мы уже замѣтили; первую мысль ему подалъ Карамзинъ, который былъ чуждъ всякаго мелочнаго чувства тщеславія, нетерпящаго соперничества; онъ желалъ только одного, чтобы «Исторія Россійскаго Государства» была написана и видѣлъ, что для совершенія этого важнаго труда въ томъ видѣ, какъ онъ его предпринялъ, *одной* человѣческой жизни недостаточно: онъ подготовлялъ себѣ послѣдователя. Но Блудову удалось сдѣлать немногое; онъ добросовѣстно издалъ посмертный неконченный томъ «Исторіи», снабдивъ его всѣми нужными ссылками и выписками, которыхъ не успѣлъ сдѣлать Карамзинъ при жизни. За тѣмъ служебная его дѣятельность была такъ обширна до самой смерти, что конечно поглащала большую часть времени. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ неоставлялъ своихъ историческихъ работъ. Мы помѣстили здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, отложивъ другія по разнымъ причинамъ, и между прочимъ «Записку объ извѣстной самозванкѣ Таракановой», потому что, какъ мы слышали, объ ней готовится обширное и полное изслѣдованіе.

Обращаясь за тѣмъ къ частной перепискѣ графа Блудова, мы должны сказать, что покойный поставилъ себѣ за правило уничтожать всѣ получаемыя имъ письма, говоря, что по одному изъ нихъ—можно составить превратное понятіе о писавшемъ его, а по выдержѣ нѣсколькихъ строкъ

безъ связи съ предшествовавшимъ—пожалуй и осудить человѣка, и что онъ не желаетъ быть виновникомъ ни того, ни другаго. Только для писемъ матери и жены онъ сдѣлалъ исключеніе; но письма матери, по его желанію, положены были съ нимъ въ гробъ. Самъ онъ не любилъ писать; однако нашлось нѣсколько его писемъ у разныхъ лицъ. Мы рѣшились помѣстить только письма къ И. И. Дмитріеву, которыя племянникъ его, М. А. Дмитріевъ (*), обязательно передалъ графинѣ А. Д. Блудовой».

«Мысли и Замѣчанія» набросаны имъ самимъ на лоскуткахъ бумаги карандашемъ, въ различныя эпохи жизни, или уловлены изъ его разговора и записаны близкими къ нему людьми; иныя острыя выраженія онъ любилъ повторять, разсказывая, по какому поводу онѣ вырвались первоначально. Еще при жизни своей, онъ просилъ собрать и переписать въ одну тетрадь всѣ эти разнородныя обрывки и повидимому желалъ ихъ напечатать въ числѣ 20 или 25 экз. для своихъ друзей.

Мы не помѣстили *рѣчей*, говоренныхъ имъ въ засѣданіяхъ «Арзамаса». Подобно хранящимся у насъ *рѣчамъ* другихъ членовъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ шуточный, иногда очень остроумны, всегда забавны, но, сказанныя большею частію экспромтомъ, не назначались къ печати.

(*) Недавно скончавшійся.

СУДЪ НАДЪ ГРАФОМЪ ДЕВІЕРОМЪ И ЕГО СОУЧАСТНИКАМИ.

Дѣло заключаетъ въ себѣ, особенно въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, весьма любопытныя и замѣчательныя подробности, которыя можно назвать характерными чертами того времени. Изъ него ясно видно, что главною или, лучше сказать, единственною причиною гибели графа Девіера и его мнимыхъ сообщниковъ была ненависть къ нимъ князя Меншикова, славнаго умомъ своимъ и счастіемъ, наконецъ ему измѣнившимъ.

Сей временщикъ (едва-ли не для него изобрѣтено сіе истинно русское наименованіе сильныхъ вельможъ) изъ любимцевъ и министровъ Петра Великаго сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ его преемникомъ. Пользуясь неограниченною слѣпою довѣренностію Императрицы Екатерины I, управляя подъ ея именемъ дѣлами кабинета и войскомъ, то есть всѣмъ государствомъ, онъ приводилъ въ ужасъ другихъ несогласныхъ съ его видами правительственныхъ лицъ не только настоящею своею властію, но и замыслами для продолженія оной въ будущемъ. Все предвѣщало близкую кончину Екатерины; въ мысли всякаго былъ вопросъ: кто будетъ ея наслѣдникомъ? и вскорѣ начали угадывать, кого желалъ и предназначалъ князь Меншиковъ. Когда, въ Ноябрѣ 1726 года, приготовляя фейерверкъ къ дню тезоименитства Императрицы, онъ велѣлъ возлѣ столпа съ короною и привязаннымъ къ нему якоремъ, представить юношу, держащаго одною рукою канатъ якоря, а другою глобусъ и циркуль, то генералъ-маіоръ Скорняковъ-Писаревъ и нѣкоторые другіе участвовавшіе въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ и царицею Евдокіею, сказали: «этотъ юноша безъ сомнѣнія вели-

кій князь Петръ Алексѣевичъ; его предопредѣляютъ быть нашимъ государемъ; что же будетъ съ нами?» и Меншиковъ былъ принужденъ перемѣнить рисунокъ фейерверка.

Въ слѣдующемъ году, въ началѣ Января, Императрица занемогла и безпокойство враговъ Меншикова увеличилось. Они желали видѣть на престолѣ одну изъ дочерей Петра Великаго; князь Меншиковъ напротивъ хотѣлъ Петра II, въ надеждѣ, въ 1-хъ властвовать именемъ монарха-младенца, во 2-хъ связать его неразрывными узами съ своимъ семействомъ, выдавъ за него дочь свою. Онъ сначала таилъ послѣднее намѣреніе, но его тайну умѣли проникнуть многіе изъ нелюбившихъ его вельможъ и герцогъ Голстинскій, супругъ великой княгини Анны Петровны. Подозрѣнія ихъ вскорѣ оправдались. Въ Апрѣлѣ болѣзнь Императрицы усилилась; она уже не вставала съ постели; Меншиковъ не оставлялъ ее, подносилъ указы къ ея подписанію, и, какъ было слышно, сочинялъ, вмѣстѣ съ канцлеромъ графомъ Головкинымъ проектъ завѣщанія государыни. Противники его думали,—чего однакожь не случилось,—что въ семъ завѣщаніи онъ будетъ объявленъ регентомъ, страшились послѣдствій и встрѣчаясь случайно, или навѣщая другъ друга, говорили о своихъ опасеніяхъ.

Еще за нѣсколько времени до послѣдней тяжкой болѣзни Императрицы, генералы Девіеръ и Бутурлинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ верховнаго совѣта графъ Толстой, генералъ-маіоръ Скорняковъ-Писаревъ и самъ герцогъ Голстинскій разсуждали, что женитьба великаго князя на дочери Меншикова будетъ противна пользамъ ея величества, ибо чрезъ сіе Меншиковъ пріобрѣтетъ новыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ независимыя отъ нея силы. Иные прибавляли, что великій князь Петръ Алексѣевичъ наслѣдовавъ престолъ, можетъ быть вздумаетъ привезти изъ Шлиссельбурга свою бабку, царицу Евдокію, *а она нрава гнѣвнаго, жестокосерда, захочетъ вымѣстить злобу, и дѣла, которыя были при блаженной памяти государѣ, опровергнуть; для того надобно бы ея величеству обстоятельно о семъ донести.* Никто однакожь не смѣлъ взять на себя отвѣтственности; между тѣмъ время текло, и только одинъ герцогъ Голстинскій (если вѣрить показаніямъ допрошенныхъ въ дѣлѣ Девіера) сказалъ нѣсколько словъ императрицѣ, но не получилъ отъ нее никакого отвѣта. Герцогъ былъ въ числѣ недовольныхъ Меншиковымъ, между прочимъ и потому, что напрас-

но добивался главнаго начальства надъ войсками, съ титуломъ генералиссимуса имперіи.

Однажды Девіеръ говорилъ Бутурлину, *что же не доносите?* Бутурлинъ отвѣчалъ, что его не пускаютъ къ императрицѣ: *двери затворены;* потомъ онъ началъ распрашивать о ея болѣзни, о горести великой княгини; *я чаю царевна Анна Петровна плачетъ?* Какъ ей не плакать, отвѣчалъ Девіеръ—«матушка родная;»—Бутурлинъ при семъ сказалъ, что великая княгиня походитъ на отца и умна. Правда, отвѣчалъ Девіеръ, «Она и умильна собою и пріемна и умна; да и государыня Елизавета Петровна изрядная, только сердитѣе. Ежелибъ въ моей волѣ было, я желалъ бы, чтобъ царевну Анну Петровну государыня изволила сдѣлать наслѣдницею». Бутурлинъ подхватилъ: «То бы не худо было; и я бы желалъ».

Въ другое время Бутурлинъ говорилъ Девіеру: «Свѣтлѣйшій князь усилится. Однакожъ хотя на то и будетъ воля императрицы, пусть онъ не думаетъ что Голицыны, Куракины и другіе ему друзья, и дадутъ надъ собою властвовать. Нѣтъ! Они скажутъ ему: *полно де миленькій: и такъ ты нами властвовалъ: поди прочь!* Свѣтлѣйшій князь не знаетъ съ кѣмъ знаться. Хотя князь Дмитрій Михаиловичъ (Голицынъ) манитъ или льститъ, но онъ ему вѣренъ только для своего интересу. Я также могъ бы быть отъ государыни пожалованъ, ежели бы того просилъ: служу давно, явилъ свое усердіе царю въ ссорѣ его съ сестрою Софьею Алексѣевною. Но нынѣ Меншиковъ что хочетъ, то и дѣлаетъ, и меня мужика стараго обидѣлъ: команду отдалъ мимо меня младшему, и адъютанта отнялъ».

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой, который по волѣ Петра Великаго привезъ царевича Алексѣя изъ Италіи и столь много участвовалъ въ допросахъ его, какъ кажется всѣхъ болѣе опасался послѣдствій вступленія великаго князя Петра Алексѣевича на престолъ; въ разговорахъ съ Девіеромъ онъ изъявлялъ желаніе, чтобы императрица *изволила при себѣ короновать цесаревну Елизавету Петровну. Когда такъ сдѣлается то и ея величеству благонадежнѣе будетъ, что дочь родная: а великій князь пусть прежде здѣсь научится; потомъ можно его въ чужіе края послать погулять и для обученія посмотрѣть другія государства, какъ и дѣдъ его, блаженной памяти, государь императоръ ѣздилъ и прочіе Европейскіе принцы посылаются, чтобъ между тѣмъ могла утвердиться государыня цесаревна въ наслѣдствѣ.*

Въ числѣ недовольныхъ Меншиковымъ были также князь Иванъ Долгорукій, Александръ Львовичъ Нарышкинъ и Ушаковъ; первые, желая помѣшать свадьбѣ великаго князя, говорили о томъ герцогу Голстинскому и великой княгинѣ Аннѣ Петровнѣ: Долгорукій хотѣлъ говорить и фельдмаршалу князю Сапѣгѣ, чтобы онъ доложилъ императрицѣ.

Въ тотъ самый день, какъ узнали о тяжкой болѣзни императрицы, герцогъ Голстинскій привезъ Толстаго къ себѣ въ домъ; туда же пріѣхалъ и Ушаковъ. Герцогъ изъявлялъ опасеніе, что императрица скончается *безъ завѣта*: «Теперь поздно дѣлать завѣщаніе,» сказалъ Толстой.

Разговоры и желанія недовольныхъ были какъ видно, по крайней мѣрѣ отчасти, извѣстны князю Меншикову. Между тѣмъ императрицѣ стало лучше; Меншиковъ захотѣлъ воспользоваться симъ кратковременнымъ облегченіемъ чтобы обезсилить, то есть, погубить своихъ враговъ. 27-го Апрѣля (1727 года) именнымъ указомъ велѣно Коммисіи подъ предсѣдательствомъ канцлера графа Головкина (*) произвести слѣдствіе и судъ надъ Антономъ Девіеромъ, *понеже онъ* (какъ означено въ указѣ) *явился подозрителенъ въ превеликихъ продерзостяхъ, но и кромѣ того, во время нашей, по волѣ Божіей, прежестокой болѣзни многимъ грозилъ и напоминалъ съ жестокостію, чтобъ всѣ его боялись. Того ради вамъ повелѣваемъ, по приложеннымъ при семъ меморіямъ, и въ прочихъ его злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ имъ Девіеромъ розыскивать и кто по тому дѣлу приличится слѣдовать же и розыскивать и намъ о всемъ репортовать обстоятельно.*

Девіеръ сначала былъ обвиняемъ въ томъ, что во время тяжкой ея величества болѣзни *веселился, не отдавалъ почтенія цесаревнамъ, совѣтовалъ Аннѣ Петровнѣ подкрѣпить себя въ горести рюмкою вина, сидѣлъ съ великимъ княземъ на кровати и говорилъ ему: «поѣдемъ со мною въ коляскѣ: будетъ тебѣ лучше и воля, «а матери твоей уже не быть живой,» и потомъ «ваше высоче«ство сговорили жениться, а мы за нею будемъ волочиться, а вы*

(*) Другими членами сей Коммисіи были: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, генералъ-лейтенантъ Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-маіоръ Княжево-Юсуповъ, генералъ-маіоръ Волковъ, бригадиръ и оберъ комендантъ С.-Петербургской крѣпости Фоминцынъ.

«*будете ревновать*». Сія меморія подписана императрицею: въ ней сказано, что *свидѣтелями* всѣхъ дерзостей Девіера были многія особы, кои готовы все подтверянть.

Но сіи обвиненія, какъ и слѣдовавшіе за тѣмъ допросы, ясно показываютъ, были лишь предлогомъ для начатія дѣла. По всѣмъ означеннымъ въ меморіи пунктамъ Девіеръ далъ достаточное объясненіе: онъ доказалъ, что большая часть словъ и дѣйствій его приняты въ смыслѣ превратномъ и никто не опровергнулъ его отвѣтовъ. Но слѣдствіе продолжалось съ прежнею строгостію, и вскорѣ (28 Апрѣля) данъ новый именный указъ, *чтобы Девіеръ объявилъ всѣхъ, которые съ нимъ сообщники въ извѣстныхъ причинныхъ дѣлахъ, и къ кому онъ ѣздилъ и совѣтовалъ и когда, понеже сама я многихъ изъ нихъ знаю. Если же не объявитъ, то слѣдовать розыскомъ* (то есть пытать) *немедлено.*

Девіеръ и въ мукахъ пытки не переставалъ утверждать, что онъ не умышлялъ *никакого зла интересу ея величества* и никакихъ сообщниковъ не имѣетъ, а только говорилъ съ Бутурлинымъ, Толстымъ, Нарышкинымъ, Долгорукимъ, Писаревымъ о намѣреніи женить великаго князя на дочери Меншикова. Потребованные къ отвѣту Писаревъ и Толстой указали еще на Ушакова. Изъ рѣчей ихъ открылось, что всѣ они болѣе или менѣе опасались силы Меншикова и совѣтывались между собою и съ герцогомъ Голстинскимъ о средствахъ препятствовать супружеству дочери его съ великимъ княземъ.

Судъ производился на спѣхъ, вѣроятно потому, что болѣзнь императрицы усиливалась. Указомъ 5 Мая велѣно кончить все, составить экстракты и подписавъ изъ Воинскихъ и Статскихъ Регламентовъ и Указовъ, и учиня сентенціи доложить *непремѣнно* въ слѣдующее утро, *а буде что еще изъ оныхъ же, которые уже приличились слѣдованіемъ, не окончено, и то за краткостію времени оставить.* Допрошеннымъ вмѣнили въ вину не только то, въ чемъ они признались, но и то, въ чемъ не были уличены (между прочимъ и первоначально приписанныя Девіеру дерзости). Судъ въ докладѣ своемъ говоритъ, что они осмѣлились по своему желанію опредѣлять наслѣдника Имперіи и замышляли противиться преднамѣренному по волѣ ея величества супружеству великаго князя. Докладъ поднесенъ, какъ было назначено, въ слѣдующее утро, 6 Мая 1727 года, и въ тотъ же самый день, который былъ и днемъ

кончины императрицы Екатерины 1-й подписанъ указъ о мнимыхъ преступникахъ. Девіеръ и Толстой освобождены отъ смертной казни (къ коей судъ приговорилъ ихъ), но лишены чина и чести и данныхъ имъ деревень; первый сосланъ въ Сибирь, второй (съ сыномъ Иваномъ, который даже и не названъ виновнымъ) въ Соловецкій монастырь; велѣно ихъ пускать только въ церковь и довольствовать *братскою пищею.* Бутурлинъ также лишенъ чиновъ и посланъ въ дальную деревню (за 7 верстъ отъ Венева), имѣніе у него не отнято. Скорняковъ-Писаревъ лишенъ чиновъ, чести и жалованныхъ имѣній, высѣченъ кнутомъ и посланъ въ Сибирь; Долгорукій удаленъ отъ двора, пониженъ чиномъ и написанъ въ полевые полки; Нарышкинъ лишенъ чиновъ и посланъ на житье безвыѣздно въ подмосковное село его Чашниково; Ушакова велѣно *опредѣлить къ другой командѣ*, куда надлежитъ. Сверхъ сего объявлено суду особое именное повелѣніе, и Девіера, при ссылкѣ, бить кнутомъ и у всѣхъ троихъ—Девіера, Толстаго, Писарева, вмѣстѣ съ деревнями взять и пожалованные имъ домы. Жены ихъ, Девіера, Скорнякова-Писарева и Ивана Толстаго, высланы изъ столицы на житье въ ихъ деревни. Все исполнено въ тотъ самый день.

Мая 26 судъ препроводилъ на утвержденіе въ Верховный совѣтъ составленную имъ *форму* (проектъ) манифеста отъ имени новаго императора Петра II; въ ономъ сказано, *что преступники хотѣли отвратить покойную императрицу отъ высоко-матерняго попеченія о женидьбѣ его императора на принцессѣ Меншиковой, которую онъ во Имя Божіе, съ воли ея* величества и по своему свободному намѣренію къ тому благоугодною изобрѣлъ, что сверхъ того они хотѣли отправить его за море и тѣмъ пресѣчь ему дорогу къ наслѣдству монархіи Россійской.

Князь Меншиковъ одержалъ, какъ вѣроятно ему казалось, рѣшительную побѣду надъ своими противниками, за четыре мѣсяца до своего паденія.

---

23 марта 1830 года.

О САМОЗВАНЦАХЪ, ЯВЛЯВШИХСЯ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

Самозванцевъ было нѣсколько:

1) Изъ копіи указа, подписаннаго императрицею Екатериною II-ю видно, что въ 1765-мъ году, еще за долго до Пугачевскаго бунта, въ Воронежской губерніи появился выдававшій себя за императора Петра III-го отставной солдатъ Кремневъ. Къ распространенію о томъ молвы въ народѣ, помогалъ ему попъ-разстрига Левъ, который съ своей стороны разсказывалъ легковѣрнымъ простолюдинамъ, что будучи нѣкогда придворнымъ пѣвчимъ, зналъ Кремнева, какъ великаго князя, когда тотъ былъ еще ребенкомъ, часто видалъ его и даже носилъ на рукахъ. Сею нелѣпою сказкою онъ успѣлъ увѣрить въ высокомъ происхожденіи самозванца и нѣсколько лицъ духовнаго званія, разночинцевъ и нижнихъ чиновъ, пока тотъ и другой не были, по распоряженію правительства, взяты, вмѣстѣ съ сообщниками ихъ, военною командою. Императрица Екатерина II-я, разсмотрѣвъ это дѣло, какъ сказано въ указѣ, «*собственною персоною, во всемъ его пространствѣ*» изволила раздѣлить преступниковъ на 22 разряда, смягчивъ императорскою своею властію мѣру опредѣленныхъ имъ по закону наказаній. Подлинный о семъ указъ (1766 года), хранящійся въ Воронежскомъ губернскомъ правленіи, не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ, ни въ дополненія къ оному.

(*) Изъ дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ Воронежскаго губернскаго правленія, доставленныхъ по требованію въ Петербургъ.

2) Копіи съ двухъ отношеній генералъ-прокурора князя Вяземскаго къ Воронежскому губернатору 1774 года Октября 27 и Декабря 24. Въ нихъ онъ сообщаетъ приговоръ, равномѣрно смягченный императрицею, о другомъ самозванцѣ, Іовѣ Мосякинѣ, назвавшимся также императоромъ Петромъ III-мъ. Изъ сихъ отношеній видно, что самозванецъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ былъ приговоренъ къ *жестокому* наказанію. Императрица, вѣроятно, по докладу генералъ-прокурора, повелѣла Мосякина, если онъ производилъ убійства, повѣсить, не подвергая его никакимъ мученіямъ; если же онъ убійства не совершилъ, то наказать кнутомъ и содержать подъ карауломъ; сообщниковъ же его наказать плетьми и отдать въ солдаты.

3) Подлинное дѣло объ однодворцѣ Сергѣевѣ: изъ него видно, что въ 1776 году сей однодворецъ въ Воронежской губерніи выдавалъ себя за посланника императора Петра III-го находившагося будто бы въ живыхъ; онъ привлекъ къ себѣ нѣсколькихъ легковѣрныхъ и бродягъ, образовалъ изъ нихъ шайку и грабилъ помѣщиковъ. По предписанію Сената онъ былъ пойманъ со всею шайкою, въ числѣ 96-ти человѣкъ, Воронежскимъ губернаторомъ Потаповымъ. Окончанія сего дѣла нѣтъ и даже въ срединѣ онаго недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Въ семъ дѣлѣ, какъ видно изъ сохранившагося письма къ Воронежскому губернатору, принималъ участіе Архіепископъ Тихонъ.

БУНТЪ БЕНІОВСКАГО ВЪ БОЛЬШЕРѢЦКОМЪ ОСТРОГѢ.

Баронъ Морицъ Аладаръ де Беневъ (какъ онъ самъ подписывался) родомъ Венгерецъ, бѣжавшій изъ отечества за самоуправный поступокъ съ братьями и служившій въ польской конфедераціи, былъ въ 1768 году взятъ въ плѣнъ Русскими и отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ; онъ не сдержалъ слова, и въ Маѣ слѣдующаго года былъ вторично захваченъ полковникомъ Бринкеномъ. Генералъ князь Прозоровскій отправилъ его въ Кіевъ, откуда онъ былъ посланъ на жительство въ Казань, вмѣстѣ съ плѣннымъ Шведомъ Адольфомъ Винбладомъ, служившимъ также конфедератомъ. Они оба оттуда бѣжали чрезъ Москву въ С.-Петербургъ, въ надеждѣ уѣхать на кораблѣ за границу, но были задержаны полиціею и по Высочайшему повелѣнію 14 Ноября 1769 года посланы въ Камчатку съ тѣмъ, чтобы кормились трудами рукъ своихъ.

Въ одно съ ними время отправлены были туда же государственные преступники: Пановъ (бывшій гвардіи поручикъ), Степановъ (бывшій арміи капитанъ) и Батуринъ (бывшій артиллеріи полковникъ). Они съѣхались вмѣстѣ въ Охотскѣ, и оставаясь тамъ до наступленія лѣтняго, удобнаго для навигаціи времени, свели тѣсное знакомство между собою и съ посторонними людьми, между прочимъ съ прапорщикомъ Охотской команды Норинымъ и штурманскимъ ученикомъ Софьинымъ, у котораго Батуринъ выманилъ и деньги. Въ Іюлѣ 1770 года они были отправлены изъ Охотска въ Камчатскій Большерѣцкій острогъ: Батуринъ на одномъ

суднѣ, а всѣ прочіе на другомъ. Беніовскій думалъ уже и тогда, согласясь съ другими ссыльными, запереть стражу внизу и, овладѣвъ судномъ, направить путь къ Испанскимъ владѣніямъ, но за позднимъ временемъ не рѣшился привести такое намѣреніе въ исполненіе. Тѣмъ болѣе сталъ онъ обдумывать планъ своего освобожденія по прибытіи въ Камчатку, гдѣ обстоятельства были къ тому благопріятнѣе.

Камчатка, по смѣнѣ флота капитана Извѣкова, находилась въ управленіи капитана Григорія Нилова, человѣка нерадиваго и особенно подверженнаго слабости пьянства; онъ всѣмъ ссыльнымъ предоставилъ полную свободу ходить и знакомиться съ кѣмъ они хотѣли. Большерѣцкъ заключалъ въ себѣ тогда не болѣе 35 домовъ: гарнизонъ его состоялъ изъ 70 казаковъ, не исключая изъ сего числа стариковъ и малолѣтныхъ; сверхъ того многіе изъ служивыхъ были въ безпрестанныхъ командировкахъ. Тамъ новопривезенные арестанты нашли старыхъ ссыльныхъ и въ числѣ ихъ: бывшаго камеръ-лакея правительницы Анны, Гурченинова, который въ 1742 году участвовалъ въ заговорѣ противъ императрицы Елизаветы Петровны (*), также Семена Гурьева, сосланнаго въ 1762 году, Хрущова (бывшаго капитана гвардіи) и Магнуса Мейдера (бывшаго адмиралтейскаго лекаря).

Всѣ они, болѣе или менѣе образованные, могли имѣть преимущество предъ прочими жителями Большерѣцка, не исключая самого Камчатскаго командира Нилова, у котораго Беніовскій или Бейноскъ (какъ его тамъ всегда и даже послѣ во всѣхъ оффиціаль-

---

(*) Гурчениновъ вмѣстѣ съ прапорщикомъ Преображенскаго полка Ивашкинымъ и сержантомъ Сновидовымъ, повинились: *Ивашкинъ* въ томъ, что по возшествіи императрицы Елизаветы на престолъ, намѣревался ночью умертвить ее и великаго князя Петра Θеодоровича, а Лейбъ-Компанію заарестовать; *Гурчениновъ*, что слыша о томъ не донесъ, а самъ совѣтовался какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну Правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ, говоря, что сдѣлали де Елизавету государынею Лейбъ-Компанцы за винную чарку, да и Екатеринѣ I-й быть государынею не надлежало, а сдѣлалъ ее тѣмъ генералъ Ушаковъ, котораго Министры устрашились; Сновидовъ оказался участникомъ обоихъ первыхъ. Они всѣ трое въ 1742 г. наказаны кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и отрѣзаніемъ языка у Гурченинова и сосланы въ Камчатку, гдѣ во время бунта Беніовскаго находились: Гурчениновъ въ большерѣцкомъ, Ивашкинъ въ Верхнекамчатскомъ, а Сновидовъ въ Нижнекамчатскомъ острогахъ.

ныхъ донесеніяхъ называли), пріобрѣлъ особенную довѣренность: онъ, между прочимъ, обучалъ его сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Между тѣмъ онъ начертилъ для будущаго своего предпріятія карту Камчатки и островов Курильскихъ и Алеутскихъ (*) и въ началѣ слѣдующаго 1771 года тайный заговоръ его и Винблада съ Степановымъ, Батуринымъ, Пановымъ, Хрущовымъ, Мейдеромъ и Гурчениновымъ достигъ совершенной зрѣлости. Они успѣли склонить на свою сторону Чулошникова, прикащика купца Холодилова съ его работниками, штурмана Чурина, штурманскаго ученика Бочарова, священническаго сына Уфтюжанинова (котораго Беніовскій обучалъ вмѣстѣ съ капитанскимъ сыномъ), шельмованнаго казака Рюмина, нѣсколькихъ матросовъ и камчадаловъ. Простымъ людямъ они внушали, что Беніовскій и привезенные съ нимъ арестанты страждутъ невинно за государя великаго князя Павла Петровича. Беніовскій въ особенности показывалъ какой-то зеленый бархатный конвертъ, будто бы за печатью его высочества съ письмомъ къ императору Римскому о желаніи вступить въ бракъ съ его дочерью, и утверждалъ, что будучи сосланъ за тайное посольство, онъ однакожъ умѣлъ сохранить у себя столь драгоцѣнный залогъ Высочайшей къ нему довѣренности, который и долженъ непремѣнно доставить по назначенію. Онъ не могъ только подговорить Гурьева и прибилъ его. Такой поступокъ обратилъ на себя вниманіе даже и капитана Нилова, который приказалъ приставить къ Беніовскому и Винбладу въ ихъ квартиры по одному солдату и еще одного къ двумъ Русскимъ, ихъ соучастникамъ. Беніовскій не принялъ приставленнаго къ нему караула и въ тотъ же день далъ знать всѣмъ своимъ, чтобы ночью были готовы на дѣло. Штурманскіе ученики Зябликовъ и Измайловъ подслушали ихъ разговоры, спѣшили въ Большерѣцкую канцелярію и объявили о томъ караульнымъ, которые, будучи пьяны, не хотѣли повѣрить ихъ словамъ, тѣмъ болѣе, что и Измайловъ былъ тоже въ нетрезвомъ видѣ: онъ и Зябликовъ хотѣли извѣстить самого капитана, но никакъ не могли къ нему достучаться.

Во 2 часу ночи необычайный крикъ часоваго привелъ въ тревогу канцелярію; но уже было поздно. Беніовскій, Винбладъ, Бату-

---

(*) Карта, впослѣдствіи, украдена у него Измайловымъ на Курильскихъ остр. и доставлена правительству.

ринъ, Пановъ, Степановъ, Хрущовъ, Чулошниковъ, крестьянинъ Кузнецовъ, матросъ Ляпинъ и многіе изъ промышленниковъ бросились на дневальнаго и часовыхъ, обезоружили ихъ, посадили на гауптвахту, потомъ явились предъ квартирою капитана: тамъ въ большой прихожей спалъ сынъ его и сержантъ Лемсаковъ, въ малой—казачій пятидесятникъ Потаповъ, въ черной избѣ—три вѣстовые казака и двое камчадалъ, работниковъ. Мятежники страшно застучали въ дверь; сержантъ первый услышалъ ихъ и разбудилъ сына Нилова: «что спишь? вставай; пришли многіе люди и ломятся!» а самъ старался удержать дверь, запертую крюкомъ. Сынъ немедля бросился къ отцу, который, какъ бы предчувствуя вѣчную съ нимъ разлуку, прижалъ его къ себѣ такъ крѣпко, что онъ едва могъ вырваться изъ рукъ его и скрыться въ отхожее мѣсто. Злодѣи ворвались крича: «имай, хватай, рѣжь, пали, вяжи!»

Ниловъ три раза кричалъ—караулъ! и звалъ вѣстовыхъ; голосъ его замолкъ въ страданіяхъ: ему изрѣзали ножемъ лѣвую руку, лице подъ ушицей пробили насквозь, и нанесли глубокую язву въ ногу; мертвое тѣло, покрытое синими пятнами и кровью, вытащено въ сѣни и брошено. Сержантъ и прочіе люди связаны и уведены на гауптвахту, кромѣ казака Дурынина, пролежавшаго все время подъ столомъ. Отсюда мятежники, овладѣвшіе уже казною, двумя пушками и всѣми военными припасами обратились въ 3 часу утра къ дому Сотника Чернаго, гдѣ встрѣтили храброе сопротивленіе. Сынъ его, Ларешный казакъ Никита Черный, долго не пускалъ ихъ и по выломкѣ дверей, стрѣлялъ въ нихъ изъ ружья, но въ отвѣтъ на выстрѣлъ посыпалось болѣе 40 пуль въ двери и окна изъ ружей и пистолетовъ. Черный былъ взятъ и отведенъ подъ стражу; собранныя имъ за казенное вино деньги захвачены; жена съ дѣтьми и престарѣлый отецъ оставлены въ избѣ, претерпѣвъ поруганіе. Беніовскій, сидя въ судейской комнатѣ Большерѣцкой Канцеляріи, распоряжалъ всѣми дѣйствіями какъ полный начальникъ; велѣлъ хоронить убитаго капитана, а народъ приводилъ къ присягѣ на вѣрность подданства новому государю. На другой день, 28 Апрѣля, готовили паромы, на третій нагружали ихъ пушками, военными снарядами и провіантомъ. Сообщники его между тѣмъ грабили кого хотѣли, отчего многіе жители принуждены были даже бѣжать и нѣкоторое время скрываться въ тундрахъ. 30 Апрѣля вся шайка отправилась внизъ по большой

рѣкѣ до гавани Чекавинской: тутъ она ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный галіотъ Св. Петра, приготовила его къ походу, водрузила на немъ знамя императора и назвалась: «собранною компаніею для имени Его Императорскаго Величества Павла Петровича». Всѣ дали присягу защищать прапоръ до послѣдней капли крови, а Беніовскій, сверхъ того, защищать *присягнувшихъ тому прапору.*

3 Мая онъ еще требовалъ чрезъ казака Рюмина присылки ему изъ Большерѣцка водою провіанта, подъ опасеніемъ жестокаго взысканія; Рюминъ возвратился 7-го числа. Между тѣмъ Беніовскій обще съ Степановымъ, составили объявленіе, которое, за исключеніемъ одного Хрущова, подписали всѣ главные зачинщики бунта и вмѣстѣ съ ними: Соликамскій посадскій Иванъ Кудринъ, Алексѣй Савельевъ и Великоустюжскій купецъ Ѳедоръ Костроминъ (каждый за девятерыхъ своихъ товарищей); штурманскіе ученики Бочаровъ, Зябликовъ и Измайловъ; Устюжскій крестьянинъ Кузнецовъ за матросовъ, казаковъ, Береснева, Семиченкова, Потолова, Ляпина, Софронова и Волынкина; далѣе, своеручно, за матросовъ казакъ Алексѣй Андреяновъ; въ должности приписнаго канцеляриста Спиридонъ Судейкинъ, казакъ Иванъ Рюминъ, капралъ Переваловъ за себя и за солдата Коростелева и священническій сынъ Устюжаниновъ, также за себя и за подушнаго плательщика Ивана Попова.

Въ семъ объявленіи, которое ими подписано 11 Мая, а 12 того же мѣсяца отправлено съ ботсманомъ Сѣрогородскимъ въ Большерѣцкую Канцелярію, для отсылки по адресу въ Правительствующій Сенатъ, они, изложивъ кратко, что законный государь Павелъ Петровичъ лишенъ престола, старались выказать въ черномъ видѣ всѣ главнѣйшія распоряженія императрицы, утверждая, что Польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго; что служащіе къ общему пропитанію народному промыслы виномъ и солью отданы на откупъ не многимъ; что отъ монастырей отобраны деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, тогда какъ законныя остаются безъ призрѣнія, что у созванныхъ для сочиненія законовъ Депутатовъ отнята возможность разсуждать стѣснительнымъ наказомъ; что дани налагаются на народъ необычайныя и требуется оброкъ съ увѣчныхъ и малыхъ, равно какъ и съ здоровыхъ; что за неправосудіе

штрафуются судьи только деньгами, тогда какъ за правильный судъ, если только при томъ что либо возьмутъ съ тяжущихся, исключаются изъ рода человѣческаго; что добываніемъ золота и серебра пользуются одни царскіе любимцы; народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ и никто за истинныя заслуги не награждается; что наконецъ и Камчатская земля разорена самовольствомъ начальниковъ.

По смыслу нѣкоторыхъ мѣстъ объявленія можно заключить, что изъ сообщниковъ Беніовскаго одинъ или два (вѣроятно Пановъ и Степановъ) посланы были въ ссылку за сопротивленіе наказу о сочиненіи Уложенія.

Сообщники изъясняютъ еще, что желая пособить совѣтомъ тридцати тремъ промышленникамъ, будтобы несправедливо осужденнымъ работать безъ платы своему компанейщику (Холодилову), они тѣмъ навлекли на себя негодованіе капитана Нилова, который велѣлъ взять ихъ подъ караулъ, и сіе-то заставило ихъ, вмѣстѣ съ угнетенными, объявить себя въ службѣ законнаго Государя: что они и привели въ дѣйство, арестовавъ Нилова (коего отъ страха и пьянства разбилъ параличъ), и избравъ на его мѣсто достойнаго предводителя Беніовскаго.

Между тѣмъ въ Большерѣцкой Канцеляріи еще 30 Апрѣля отъ 83-хъ человѣкъ приказныхъ, военныхъ и купеческихъ, оставшихся безъ начальника, объявлено, что они, до присылки къ нимъ новаго командира, выбрали въ сію должность штурманскаго ученика Софьина, который и привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ и потомъ съ выборными отъ каждаго сословія освидѣтельствовалъ все оставшееся казенное имущество. Въ тотъ же день положено обо всемъ рапортовать въ Охотскъ и дать знать на суда и командующему въ Тагильской крѣпостцѣ подпоручику Андрееву, а изъ Верхнекамчатской избы просить средствъ къ защитѣ, за неимѣніемъ которыхъ безоружные жители Большерѣцка должны были удовлетворить требованіе Беніовскаго о снабженіи его провіантомъ. Свѣдавъ, что онъ хочетъ идти къ устью рѣки Колпаковой для овладѣнія судномъ Св. Павла, Софьинъ спѣшилъ предварить о томъ командира онаго подштурмана Невотчикова. Не смотря на дальность разстояній вся Камчатка, въ продолженіи двухъ недѣль, пришла въ тревогу. Верхнекамчатская изба не замедлила выслать два орудія и 12 человѣкъ нерегулярной коман-

ды съ наставленіемъ остановиться въ Малкинскомъ острожкѣ и не прежде подойти къ Большерѣцку, какъ узнавъ навѣрное, что непріятеля тамъ уже нѣтъ. Изъ той же избы сообщено и въ Нижнекамчатскую съ требованіемъ 40 вооруженныхъ людей. Но въ Большерѣцкѣ все уже было покойно. 14 Мая возвратившіеся съ Чекавки задержанные злодѣями въ аманатахъ: Тотемскій купецъ Казариновъ, казакъ Никита Черной, ботсманъ Сѣрогородскій, сержантъ Даниловъ и другіе привезли съ собою извѣстіе, что Беніовскій съ сообщниками вошелъ въ море, сожалѣя, что не всѣхъ забралъ съ собою и утверждая, что на пути своемъ попроситъ кого либо, чтобы и остальныхъ отвезъ въ лучшія мѣста, и говоря вслухъ, что Европа съ Турціею уговорилась раздѣлить Россію на четыре части. Для подробнаго донесенія начальству, допросы производились въ Канцеляріи ежедневно и кончены къ 13 Іюня. Положено отправить въ Охотскъ сержанта Данилова на галіотѣ Св. Екатерины, и съ нимъ присланный отъ Беніовскаго запечатанный конвертъ на имя Сената и окровавленную постель Нилова, также рапортъ обо всемъ происшедшемъ и вѣдомости расхищенному и уцѣлѣвшему казенному имуществу (*). Команда Большерѣцкаго острога сдана присланному отъ Нижнекамчатскаго Начальника, Прапорщика Норина, каптенармусу Ерофею Рознину.

9-го Іюля галіотъ привезъ въ Охотскъ донесеніе Большерѣцкой Канцеляріи. На немъ же прибыли и Софьинъ, тревожимый своимъ знакомствомъ съ мятежниками, купецъ Казариновъ и многіе рабочіе люди—очевидцы бунта. Командиръ Охотскаго порта полковникъ Пленисиеръ, старикъ слабый, вмѣсто того, чтобы немедленно о столь важномъ событіи рапортовать въ Иркутскъ, вздумалъ дополнить Большерѣцкое слѣдствіе показаніями людей прибывшихъ изъ Камчатки и не прежде 26 Августа отправилъ рапортъ, сберегая казенный интересъ, съ попутчикомъ, который долго промѣш-

---

(*) Изъ квитанцій оставленныхъ Беніовскимъ видно, что имъ взято 6.327 р. 20 к. казенныхъ денегъ, 217 руб. у Ларешнаго казака Чернаго, да 199 казенныхъ соболей, 3 пушки, 1 мортира, 50 гранатъ, 600 пуль и картечей, 4 пуда пушечнаго пороху, 1 пудъ ружейнаго, 30 шпагъ, 25 ружей, 400 пудъ провіанту, 11 флягъ вина. На квитанціяхъ онъ подписывался: «Баронъ Морицъ Аладаръ де Беневъ у пресвѣтлѣйшей республики Польской дѣйствительный Резидентъ и ея императорскаго величества Римскаго камергеръ, Военный совѣтникъ и регементарь».

калъ въ Якутскѣ; отчего Иркутское губернское начальство еще прежде прибытія его извѣстилось о бѣгствѣ Беніовскаго чрезъ полковника Зубрицкаго, находившагося въ Охотскѣ для изслѣдованія ссоръ Плениснера съ бывшимъ Камчатскимъ командиромъ Извѣковымъ. Зубрицкій, имѣя уже и самъ неудовольствія съ Плениснеромъ, охотно принялъ доносъ копіиста Злыгостева, что онъ медлитъ съ донесеніемъ и спѣшилъ довести о томъ до свѣдѣнія Иркутской губернской канцеляріи.

Такимъ образомъ Иркутское начальство не могло отправить въ Сенатъ своего рапорта ранѣе половины Октября. Онъ полученъ въ столицѣ въ началѣ Генваря, тогда какъ Императрица, узнавъ уже постороннимъ образомъ о Камчатскомъ событіи, писала собственноручно къ Иркутскому губернатору генералъ-лейтенанту Брилю:

«Какъ здѣсь извѣстно сдѣлалось, что на Камчаткѣ въ Большерѣцкомъ острогѣ за государственныя преступленія вмѣсто смертной казни сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, въ противность нашей Императорской власти осмѣлились людей многихъ къ присягѣ привести по своей вымышленной злодѣйской волѣ, и потомъ, сѣвъ на судно, уплыли въ море въ неизвѣстное мѣсто, того для повелѣваемъ вамъ публиковать въ Камчаткѣ, что кто на морѣ или сухимъ путемъ вышереченныхъ людей или сообщниковъ ихъ изловитъ и приведетъ живыхъ или мертвыхъ, тѣмъ выдано будетъ въ награжденіе за каждаго по сту рублевъ. Естьли или въ Охотскѣ или Камчаткѣ суда есть наемныя, то оными стараться злодѣевъ переловить, а естьли нѣтъ, то промышленнымъ накрѣпко приказать, что естьли сіи злодѣи гдѣ наѣдутъ, чтобы старались перевязать ихъ и при возвращеніи отдать оныхъ къ суду ближнимъ начальникамъ Нашимъ, дабы съ ними поступать можно было какъ по законамъ надлежитъ, бездѣльникамъ подобнымъ въ страхъ и примѣръ.»

Въ особомъ рескриптѣ къ нему же 1-го Генваря 1771 года, Государыня изъясняетъ, что хотя не имѣетъ отъ него никакого извѣстія о помянутомъ происшествіи, однакожъ увѣрена, что онъ уже все по возможности сдѣлалъ къ приведенію Камчатскихъ дѣлъ въ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сама предлагаетъ ему разные совѣты.

7-го Февраля полученъ былъ въ Сенатѣ второй рапортъ изъ Иркутска уже съ подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ, доставлен-

нымъ туда отъ Плениснера и съ секретнымъ конвертомъ Беніовскаго на имя Сената.

Ея величество, по докладу Ей генералъ-прокурора князя Вяземскаго о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла, изволила Высочайше повелѣть въ 25 день Февраля: «Плениснера отрѣшить отъ должности, поручивъ ее Зубрицкому; копіисту Злыгостеву дать чинъ и полугодовой окладъ жалованья; въ производимыхъ допросахъ не дѣлать притѣсненія невиннымъ; отыскать и допросить священника Уфтюжанинова, котораго сынъ бѣжалъ съ мятежниками, а купца Казаринова, который самъ предъявилъ начальству письмо сего священника къ Беніовскому, если содержится подъ арестомъ, освободить.

Узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семенъ Гурьевъ, не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже претерпѣлъ отъ нихъ побои, Императрица разрѣшила ему жить въ калужскихъ деревняхъ братьевъ его, подъ ихъ присмотромъ и ту же милость оказала родному его брату Ивану и двоюродному Петру, поселеннымъ въ Якутскѣ безъ лишенія дворянства (*).

Между тѣмъ, какъ на берегахъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ новые начальники брали противъ мятежниковъ мѣры осторожности, сіи послѣдніе уже были далеко; впрочемъ, до половины 1772 года не имѣлось объ нихъ съ сей стороны извѣстія. Только въ Августѣ Иркутскій губернаторъ донесъ Сенату, что пограничный коммисаръ Игумновъ, сопровождавшій въ Китай духовную миссію, слышалъ тамъ отъ миссіонера Августина о приставаніи прошлымъ лѣтомъ въ Макао корабля, на которомъ было около 110 человѣкъ и коего начальникъ, говоря по латыни, утверждалъ, что они Поляки, ѣдущіе съ русскимъ товаромъ отъ рѣки Амура въ Восточную Индію. Но правительство наше знало уже о возвращеніи Беніовскаго въ Европу. Мореплаваніе его, по описанію очевидцевъ, совершилось слѣдующимъ образомъ:

Не смѣя пускаться въ океанъ, онъ придерживался береговъ и направилъ путь свой вдоль острововъ Курильскихъ. Приставъ къ семнадцатому изъ нихъ, именуемому Козою, онъ скоро провѣдалъ

(*) Дѣло о Гурьевыхъ было въ 1762 г. слѣдовано въ Москвѣ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и Вотковскимъ. Экстрактъ изъ него остался у Теплова.

о тайномъ противъ себя заговорѣ. Штурманскіе ученики Измайловъ и Зябликовъ (тѣ самые, которые хотѣли донести капитану Нилову о злоупотребленіи Беніовскаго и вѣроятно насильно увлеченные имъ) и матросъ Софроновъ старались составить партію, чтобы, воспользовавшись выходомъ мятежниковъ на берегъ, отрубить якорь и возвратиться въ отечество. Къ нимъ присоединился еще Камчадалъ Паранчинъ (увезенный съ женою будто-бы за долгъ Хрущову) и 10 другихъ человѣкъ. Матросъ Андреяновъ, котораго они также думали склонить, выдалъ ихъ всѣхъ. Беніовскій хотѣлъ сначала казнить смертію начальниковъ заговора, но перемѣнилъ ее на жестокое наказаніе кошками, и 29 Мая пустился далѣе, велѣвъ оставить Измайлова и Паранчина съ женою на томъ же необитаемомъ островѣ; Зябликовъ и Софроновъ изъявили готовность слѣдовать за нимъ безпрекословно.

7-го Іюля мятежники прибыли къ берегамъ Японіи и объявили о себѣ, что они Голландцы и ѣдутъ въ Нангасаки; Японцы не пустили ихъ на берегъ, доставляя впрочемъ къ нимъ на галіотъ все нужное къ продовольствію; потомъ также не хотѣли и отпустить ихъ въ море, давъ тѣмъ поводъ заключить, что имѣли намѣреніе забрать и истребить ихъ и можетъ быть только ожидали на то разрѣшенія изъ своей столицы, поступивъ уже такимъ образомъ съ нѣкоторыми европейскими судами. Беніовскій долженъ былъ (12 Іюля) пушечными выстрѣлами открыть себѣ выходъ изъ бухты.

19-го Іюля галіотъ прибылъ къ острову Ісмайскому или Тай-наосима, котораго жители оказали путешественникамъ самый ласковый пріемъ. 31-го Іюля отправился далѣе и 7-го Августа достигъ острова Формозы. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ миролюбивыхъ сношеній съ дикими островитянами, открылась явная съ ихъ стороны вражда. Бывшій капитанъ Пановъ, юнга Поповъ и Логиновъ убиты 17 Августа на берегу, когда запасались водою, Ляпинъ и Козаковъ ранены. Озлобленный симъ Беніовскій приказалъ истребить одну лодку съ островитянами и сжечь всѣ ихъ жилища въ окрестностяхъ бухты.

26-го Августа открылся Китайскій берегъ; 1-го Сентября галіотъ остановился на рейдѣ близъ Тасона. Дружелюбное обращеніе Китайцевъ оставило пріятное впечатлѣніе въ памяти русскихъ бѣглецовъ, которые ихъ съ своей стороны дарили и взяли у нихъ лоцмана для доведенія судна къ Португальскимъ владѣніямъ. Мино-

вавъ 11-го Сентября Кантонъ, они на другой день прибыли къ Макао, гдѣ нашли до 20 европейскихъ судовъ разныхъ націй.

Здѣсь русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Беніовскій, говоря по латыни, одинъ только и умѣлъ объясняться съ губернаторомъ города; жилъ у него въ домѣ, продалъ ему галіотъ съ орудіями и такелажемъ, какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, куда и долженъ возвратиться, посему и всѣмъ русскимъ велѣлъ также называться унграми и запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Скоро разсорились съ нимъ и главнѣйшіе его сообщники Винбладъ и Степановъ; Беніовскій же успѣлъ оклеветать всѣхъ въ злоумышленномъ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Вся шайка была взята подъ стражу, разсажена по тюрьмамъ и такимъ образомъ вынуждена смириться, кромѣ Степанова, который лучше захотѣлъ остаться въ заключеніи, нежели дать подписку въ покорности своей Беніовскому и въ подданствѣ Римскому императору.

При семъ случаѣ Беніовскій выдалъ возмутившейся противъ него командѣ своей слѣдующую прокламацію:

«Баронъ Морицъ Августъ Аладаръ де Беневъ, его императорскаго Римскаго величества обристъ и его высочества принца Алберта, герцога Саксъ-Тешинскаго дѣйствительный камергеръ и совѣтникъ, его же высочайшаго секретнаго кабинета директоръ и прочее, всѣмъ господамъ офицерамъ и всей компаніи:

«Дошло ко мнѣ извѣстіе вашего противъ меня роптанія и сбора, который между вами самими несогласіе приводитъ, мнѣ и государю моему въ нечесть служитъ и въ послѣднее всю учрежденную компанію разрушаетъ.

«Для чего я, узнавши сборщиковъ дѣла сего, хотѣлъ для вашего благополучія взять подъ караулъ, но понеже вы сами вашею просьбою сдѣлали, что я отъ таковаго намѣренія отступилъ и больше ихъ одобрили: ибо я отъ одного изъ оныхъ получилъ ругательное письмо, которое меня въ огорченіе приводитъ.

«Вы знаете искренность мою, изъ того одного заключить можете, что я будучи въ чужемъ еще государствѣ, всѣ надобности для васъ заопатрилъ (*). Вы то, что я вамъ обѣщалъ, можете требовать у меня,

(*) Т. е. всѣмъ нужнымъ васъ снабдилъ.

когда я въ моемъ отечествѣ буду. А здѣсь хитрость заводить смѣшно и вамъ самимъ вредно. Я симъ письмомъ напоминаю вамъ: образумтеся, не давайте себя въ обманъ людямъ, которыхъ лукавство вамъ уже извѣстно. Послѣднее есть, что я вамъ пишу. Естьли вы меня искренно любить и почитать будете, то вамъ клянусь предъ Богомъ, что моя горячность къ вамъ ежедневно доказана будетъ; ежели напротивъ я увижу, что ваши сердца затвердѣли и меня больше почитать не будете, то сами вы заключить можете, чего отъ меня тоже ожидать надлежитъ».

По примиреніи же онъ писалъ къ нимъ 26-го Ноября:

«Любезныя дѣти! вы знаете, что я усердно старался всегда для вашего удовольствія и что я до послѣдняго опредѣлилъ васъ защищать, а для вашего благополучія всѣ старанія приложить, въ томъ вы увѣрены быть можете».

«Правда есть, что съ немалымъ оскорбленіемъ слушалъ я ваше роптаніе и противленіе противъ меня; но какъ я теперь уже увѣдомленъ, что вы обмануты лестію и ложнымъ обо мнѣ предсказаніемъ, и такъ я васъ болѣе не виню и дѣло сіе поминать не хочу».

«Имѣйте усердіе ко мнѣ. Я буду съ Божіею помощію вамъ защитою, никакого оскорбленія вамъ не будетъ; пища и одежда вамъ честная будетъ, и ежели Богъ, Всевышній владыка, насъ въ Европу принесетъ, то я вамъ обѣщаюсь, что вы вольные будете и со всякимъ удовольствіемъ, хотя во весь вѣкъ вашъ содержаны; что писавши рукою своею подтвердилъ».

Климатъ города Макао былъ вреденъ для русскихъ. 15 человѣкъ сдѣлались тамъ жертвою смерти: въ томъ числѣ Гурчениновъ, Чуринъ и Зябликовъ.

Беніовскій для отвозу въ Европу остальной компаніи нанялъ два французскіе фрегата и отправился съ ними 4-го Января 1772 года, не взявъ съ собою одного лишь Степанова. На семъ переѣздѣ умеръ Батуринъ. 6-го Марта странники прибыли къ городу Св. Маврикія и оставили тамъ четырехъ больныхъ своихъ; 24 Марта пустились далѣе и 7-го Іюля достигли Портъ-Луи во Франціи, лишась на пути еще трехъ человѣкъ.

Скоро по прибытіи во Францію Беніовскій уѣхалъ въ Парижъ съ проектомъ завоеванія острова Формозы, и напечаталъ въ газетахъ пышное объявленіе о своихъ подвигахъ, осыпалъ Русское правительство всѣми возможными укоризнами, стараясь опровергнуть по-

мѣщенное въ русскихъ вѣдомостяхъ извѣстіе о его бѣгствѣ изъ Камчатки и утверждая, что онъ взялъ Большерѣцкую крѣпость приступомъ, при полномъ со стороны капитана Нилова сопротивленіи, и т. п.

Предложеніе, сдѣланное имъ французскому правительству, было сначала принято; но вмѣсто Формозы назначенъ Мадагаскаръ. Онъ обѣщалъ употребить къ сему дѣлу русскихъ и получилъ сверхъ того позволеніе набирать другихъ охотниковъ. Но многіе изъ русскихъ помышляли о возвращеніи на родину. Въ отсутствіе его изъ Портъ-Луи, родились между ими безпокойство и ропотъ; они писали къ нему въ Парижъ, что и заставило его отвѣчать имъ 1-го Февраля.

«Ребята! я ваше письмо получилъ. До моего пріѣзду ваша командировка отмѣнена есть. Послѣ всякой мнѣ свое намѣреніе скажетъ. До моего пріѣзду живите благополучно. Я есмь вашъ пріятель баронъ де Беневской». Возвратясь въ Портъ-Луи уже 19-го Марта 1773 года, онъ убѣдилъ 11 человѣкъ слѣдовать за нимъ въ неизвѣстную, по волѣ короля, морскую экспедицію. Въ томъ числѣ были: священническій сынъ Уфтюжаниновъ, бывшій прикащикъ Холодилова Чулошниковъ, два матроса: Андреяновъ (съ женою) и Потоловъ, и шесть бывшихъ работниковъ Холодилова. Изъ прочихъ сотоварищей его странствованія, Шведъ Винбладъ остался въ Портъ-Луи и потомъ возвратился въ Швецію; Хрущовъ вступилъ во французскую службу капитаномъ; Кузнецовъ поручикомъ, Мейдеръ лекаремъ. Пять человѣкъ умерло въ Ларіанскомъ госпиталѣ. Но большая часть (восьмнадцать человѣкъ), не желая раздѣлять своей судьбы съ Беніовскимъ, не смотря на всѣ его убѣжденія, рѣшились возвратиться въ отечество и отпущены имъ изъ Портъ-Луи съ письменнымъ видомъ, гдѣ онъ ихъ назвалъ своими волонтерами, имѣющими слѣдовать въ отечество ихъ—Венгрію!

С.-Петербургскій кабинетъ также зналъ уже, что Франція, вооруживъ для Беніовскаго фрегатъ, отправляетъ его будто бы для завоеваній въ Остъ-Индіи. Сіе было причиною данной 26-го Марта 1773 года новоопредѣленному главнымъ командиромъ Камчатки Премiеръ маіору Бему секретной инструкціи усилить мѣры осторожности на случай покушенія Беніовскаго противъ Камчатки.

Между тѣмъ, вышедшіе изъ Портъ-Луи мнимые Венгерцы, достигнувъ пѣшкомъ столицы Франціи и терпя всякую нужду, прибѣгнули къ Россійскому резиденту Хотинскому, умоляли его объ исхо-

датайствовании имъ прощенія у Государыни, и представили ему написанный однимъ изъ нихъ (Судейкинымъ) въ Портъ-Луи журналъ ихъ мореплаванія и карту пути отъ Камчатки до Макао (*).

Они, по волѣ Императрицы, были привезены въ С.-Петербургъ. Препровождая къ генералъ-прокурору письмо Хотинскаго объ нихъ, она сама писала къ нему 2-го Октября:

«Семьнадцать человѣкъ изъ тѣхъ, кои бездѣльникомъ Беніовскимъ были обмануты и увезены, по моему соизволенію нынѣ сюда возвратились и имъ отъ меня прощенье обѣщано, которое имъ и дать надлежитъ, ибо довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что Русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительно. И такъ, чтобъ судьбину ихъ рѣшить наискорѣе и доставить имъ спокойное житье, не мѣшкавъ извольте ихъ требовать отъ графа Панина, ибо они теперь въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи, которая имъ нанимаетъ квартиру, приведите ихъ вновь къ присягѣ вѣрности и спросите у каждаго изъ нихъ, куда они желаютъ впредь свое пребываніе имѣть, окромѣ двухъ столицъ, и отобравъ у нихъ желаніе, отправьте каждаго въ то мѣсто, куда самъ изберетъ; естьли бъ же всѣ желали ѣхать паки на Камчатку, тѣмъ бы и лучше, ибо ихъ судьба была такова, что прочихъ удержать отъ подобныхъ предпріятій; что же имъ денегъ и кормовыхъ на дорогѣ издержите, то сіе возьмите изъ суммы Тайной экспедиціи».

Въ слѣдствіе сего канцеляристу Судейнику и казаку Рюмину съ женою опредѣлено быть въ Тобольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Ляпину и Бересневу служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Софронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочимъ восьми человѣкамъ, бывшимъ работникамъ купца Холодилова, поступить въ Иркутское купечество. Они отправлены туда 5 Октября и прибыли на мѣста своего назначенія къ концу года.

Въ томъ же Октябрѣ, Иркутское губернское начальство донесло о новомъ слѣдствіи, произведенномъ въ Камчатской Большерѣцкой

(*) Карта находится при дѣлѣ.

канцеляріи капитанами Шмалевымъ и Перовымъ. Оказалось, что оставленные Беніовскимъ на необитаемомъ острову штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Паранчинъ съ женою избѣгнули голодной смерти. Они, обходя островъ, черезъ три дни нашли на немъ русскихъ промышленниковъ купца Протодьяконова; вскорѣ потомъ прибылъ туда же купеческій сынъ Никоновъ. Отправляясь далѣе на промыслъ морскихъ звѣрей, онъ взялъ съ собою камчадала и жену его, а на обратномъ пути, уже въ Іюнѣ 1772 года, забралъ и Измайлова, который во все сіе время кормился одними ракушами, капустою и кореньями.

Наконецъ 31 Декабря отправлено къ генералъ-прокурору и послѣднее донесеніе Иркутской губернской канцеляріи съ допросами, снятыми уже въ Иркутскѣ съ тѣхъ же Измайлова и Паранчина и съ священника Уфтюжанинова, а равно и съ объясненіями полковника Плениснера, обвиняемаго въ слабости надзора за преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и въ медленномъ донесеніи начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Измайловъ и Паранчинъ показали, что они взяты были Беніовскимъ насильно и много отъ него претерпѣли за желаніе возвратиться въ отечество, а священникъ Уфтюжаниновъ, что онъ свелъ знакомство съ Беніовскимъ потому, что видалъ его у командира и что тринадцатилѣтняго сына своего отдалъ въ обученіе, а не для побѣга.

Сверхъ того, изъ числа очевидцевъ Камчатскаго мятежа и имѣвшихъ какую либо связь съ бѣглецами были допрашиваемы 36 человѣкъ (между ими священникъ Симеоновъ, приводившій къ измѣнническо́й присягѣ, казакъ Черный, оказавшій Беніовскому сопротивленіе, штурманскій ученикъ Софьинъ и прапорщикъ Норинъ, которые познакомились съ ссыльными въ Охотскѣ, ботсманъ Сѣрогородскій, купецъ Проскуряковъ и др.); нѣкоторые солдаты были сѣчены при допросѣ. Вообще же всѣ допрошенные содержались подъ крѣпкимъ карауломъ, многіе болѣе двухъ лѣтъ.

Мѣстное начальство заботилось между прочимъ, чтобы увезенную мятежниками казну пополнить взысканіемъ съ тѣхъ людей, коимъ они предъ своимъ отъѣздомъ роздали казенныхъ денегъ, всего до 1.000 рублей, за пограбленное у нихъ имущество (въ томъ числѣ и у Чернаго).

31 Марта 1774 года генералъ-прокуроръ объявилъ слѣдующее

Высочайшее разрѣшеніе: 1) Измайлова и Паранчина съ женою освободить; 2) хотя священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру Большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе; 3) полковника Пленисиера, какъ уже отрѣшеннаго отъ должности, оставить безъ взысканія за его поступки, въ которыхъ не видно умысла, а только оплошность; 4) Норину, Софьину и подмастерьѣ Дементьеву объявить прощеніе и опредѣлить ихъ вновь на службу; 5) священнику Симеонову и прочимъ 27 человѣкамъ не соблюдшимъ долга своего, вмѣнить въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе и снова привести ихъ къ присягѣ; 6) розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать; 7) полковнику Зубрицкому замѣтить, что тѣлесное при слѣдствіяхъ наказаніе дѣлаетъ подсудимыхъ болѣе упорными, и предписать, чтобы впредь старался открывать истину посредствомъ приличныхъ вопросовъ, не употребляя воспрещенныхъ Ея Величествомъ истязаній; 8) никого болѣе къ слѣдствію не привлекать и все дѣло предать забвенію.

Сіе Высочайшее повелѣніе получено въ Иркутскѣ 31 Мая и тогда же всѣ заключенные получили свободу.

Что касается до Беніовскаго, онъ въ томъ же году въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправился на Мадагаскаръ, завелъ тамъ селенія, но послѣ безпрерывныхъ ссоръ съ природными тамошними жителями и съ начальниками Иль-де-Франса возвратился въ Парижъ. Министерство. удостовѣрясь въ его шарлатанствѣ, отринуло дальнѣйшія его предложенія. Онъ вступилъ послѣ въ Австрійскую службу и находился въ сраженіи съ Пруссаками 1778 года при Габельшвертѣ. Въ 1783 году старался онъ составить въ Англіи компанію для заселенія Мадагаскара и нашелъ пособіе какъ тамъ, такъ и въ Балтиморѣ, куда ѣздилъ съ женою, и въ 1785 году вышелъ на берегъ въ Мадагаскарѣ. Тамъ началъ дѣйствовать непріятельски противъ Французовъ и былъ убитъ въ сраженіи съ ними 23 Мая 1786 года. Онъ, какъ извѣстно, составилъ описаніе своей жизни и приключеній подъ заглавіемъ:

Voyages et mémoires de Maurice Auguste Comte de Benjowski, à Paris 1761 года, наполненное выдумками, изобразивъ въ немъ любовь къ нему Афонасіи, небывалой или, по крайней мѣрѣ, небывавшей въ Камчаткѣ, дочери Нилова; увѣрялъ читателей, будто бы доходилъ до Берингова пролива и т. п. Записки его переведены на англійскій и нѣмецкій языки. Изъ нихъ Коцебу составилъ романтическую драму, которая была даже три раза издана въ русскомъ переводѣ. Покойный Берхъ помѣстилъ въ сынѣ отечества 1821 года любопытное извлеченіе изъ журнала, писаннаго русскими спутниками Беніовскаго, возвратившимися въ Россію. Симъ журналомъ обличены хвастовство и лживость разсказовъ Беніовскаго. Впрочемъ, событія, предшествовавшія его побѣгу, почерпнуты Берхомъ, болѣе изъ книги Беніовскаго и потому изложены весьма невѣрно. Наконецъ, замѣчательно, что въ отчаянномъ бѣгствѣ его изъ Камчатки, въ которомъ Поляки привыкли видѣть предпріимчивость своихъ земляковъ, ни одного Поляка не находилось.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА.

Служебное поприще свѣтлѣйшаго князя Александра Данииловича Меншикова, во многихъ отношеніяхъ великаго человѣка, равно замѣчательно и достопамятно, какъ по заслугамъ, коими оное ознаменовано, и по блистательнымъ качествамъ славнѣйшаго изъ нашихъ временщиковъ, изкаженнымъ самымъ безстыднымъ корыстолюбіемъ, такъ и по быстротѣ, съ коею возрастало его счастіе и по неожиданности ужаснаго паденія; наконецъ, и можетъ быть всего болѣе, по продолжительности его могущественнаго вліянія на дѣла государственныя, почти безпрерывно въ теченіе трехъ царствованій. Оно занимаетъ въ совокупности періодъ болѣе 40 лѣтъ: въ 1686 году Петръ Великій взялъ его отъ Лефорта четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и приблизилъ къ себѣ въ качествѣ камердинера; 9 Сентября 1727 года состоялся указъ императора Петра II объ удаленіи Меншикова въ Раненбургъ, не надолго, передъ ссылкою его въ Березовъ. Въ то время Меншиковъ былъ княземъ Римской имперіи, а въ Россіи княземъ или герцогомъ Ижерскимъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, генералиссимусомъ адмираломъ, пользуясь такимъ образомъ соединенными почестями и властію по части и гражданскаго управленія и военнаго-сухопутнаго и морскаго. Царскими милостями, и въ томъ числѣ необычайными, были осыпаны и члены его семейства: одинъ изъ сыновей его, Петръ-Лука, рожденный въ годъ Полтавской битвы и скончавшійся въ младенчествѣ, пожалованъ Поручикомъ Преображенскаго полка при самомъ крещеніи; другой сынъ, Александръ, въ послѣдствіи бывшій въ ссылкѣ съ отцомъ и по возвращеніи изъ оной въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны возстановившій фамилію свою въ

прежнемъ ея достоинствѣ, получилъ въ нѣжной молодости отъ императрицы Екатерины I-й единственное преимущество носить дамскій орденъ Св. Екатерины; старшая дочь Меншикова княжна Марія была нѣсколько дней обрученною невѣстою императора Петра II.

Все что можемъ прибавить къ имѣющимся уже свѣдѣніямъ о семъ необыкновенномъ человѣкѣ должно быть драгоцѣнно, и я съ вниманіемъ разсматривалъ доставленный журналъ его. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ дневнымъ запискамъ, въ которыхъ иногда сами знаменитые государственные люди разсказываютъ о своихъ дѣлахъ и о произшествіяхъ своего времени. Сей журналъ есть не что иное, какъ простое и слѣдственно сухое ежедневное означеніе наружныхъ такъ сказать дѣяній князя Меншикова, которое, какъ видно, было поручено одному изъ его секретарей, или даже служителей.

Всѣмъ извѣстенъ журналъ Петра Великаго (*). Многія изъ знатныхъ людей того времени, подражая примѣру государя, вели подобныя памятныя записки.

Такъ, въ числѣ рукописей Виленской коллекціи, которыя были у меня на разсмотрѣніи, находились *военныя записки фельдмаршала Б. П. Шереметева*, заключающія въ себѣ описаніе дѣйствій ввѣреннаго ему войска съ 1701 по 1705 годъ. По ссылкамъ, встрѣчающимся въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ, извѣстны также весьма любопытныя *записки И. И. Неплюева*, который по повелѣнію императора Петра I-го получилъ учебное образованіе за границею вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими молодыми людьми, также отправленными для сего въ чужіе краи; а потомъ былъ Оренбургскимъ генералъ - губернаторомъ, главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и умеръ уже въ царствованіе императрицы Екатерины II-й въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго Совѣтника (**).

Въ числѣ сихъ особеннаго рода матеріаловъ нашей исторіи, матеріаловъ сохраняемыхъ большею частію еще въ рукописяхъ, были

(*) Сей журналъ изданъ княземъ Щербатовымъ въ 3-хъ частяхъ. С. П. Б. 1770—1772.

(**) Въ VI Т. Исторіи Петра Великаго сочин. Бергмана (стр. 50—60 и 79—82 изд. 1833 г.), помѣщены двѣ любопытныя выписки изъ журнала И. И. Неплюева: одна объ испытаніи его въ присутствіи государя, по возвращеніи изъ-за границы; другая о кончинѣ императора.

уже извѣстны и *поденныя записки дѣламъ князя Меншикова.* Въ исторіи Петра Великаго (Бергмана) и въ особомъ жизнеописаніи Меншикова, напечатанномъ въ 1809 году (*), объ нихъ неоднократно упоминается; въ нѣсколькихъ мѣстахъ есть даже и краткія извлеченія изъ сихъ записокъ, веденныхъ во время его могущества и государственной дѣятельности. Въ разсматриваемыхъ нынѣ семи рукописныхъ фоліантахъ заключаются записки семи лѣтъ и не сряду: изъ нихъ 5 (отъ 1716 до 1720 включительно) относятся къ царствованію Петра Великаго; остальные два года (1726 и 1727) суть памятники послѣдняго времени счастія и могущества князя Меншикова въ правленіе Императрицы Екатерины I и Петра II. Записки въ доставленныхъ мнѣ фоліантахъ начинаются 1716 годомъ, когда Меншиковъ, при отправленіи императора за границу къ Пирмонскимъ водамъ, оставленъ былъ въ столицѣ такъ сказать полнымъ хозяиномъ и главнѣйшимъ исполнителемъ воли и плановъ Петра; оканчиваются 8 числомъ Сентября 1727 года, послѣднимъ днемъ политической его жизни; ибо въ слѣдующій затѣмъ (9 Сентября) состоялся указъ объ удаленіи его изъ столицы (**).

(*) Картина жизни и военныхъ дѣяній Россійско-Императорскаго Генералисима кн. Александра Даниловича Меншикова, фаворита Петра Великаго. Москва 1809, стр. 215.

(**) Каждый изъ семи фоліантовъ заключаетъ въ себѣ годъ записокъ; но два первые (1716 и 1717) такъ повреждены сыростію, что верхнія строки листовъ во многихъ мѣстахъ пропали, отъ чего и связь разсказа въ запискахъ не рѣдко теряется. Пять остальныхъ фоліантовъ сохранились безъ поврежденія; но 1720 годъ весьма не полонъ. Нѣкоторые пропуски есть и въ другихъ годахъ, но не столь значительные.

1716 годъ на 230 полулистахъ. Пропуски съ 27 Января по 11 Февраля, съ 15 по 17 Марта и 14 Іюня; сверхъ того перебиты въ переплетѣ листы съ 28 по 30 Апрѣля. 1717 годъ на 242 полулистахъ. Пропускъ только одинъ 7 числа Марта.

1718 годъ на 250 полулистахъ. Пропускъ 17[illegible]24 числа Октября; сверхъ того вырваны изъ переплета листы съ 232 по 238. 1719 г. на 17[illegible] полулистахъ. Пропуски: съ 30 Іюня по 13 Іюля, за Августъ 14, 19, 20 и 21 числа, за Сентябрь 28 и 29, за Октябрь 15 и 16. Изъ сего тома видно, что записки составлялись вчернѣ и потомъ переписывались; съ 10 по 13 Декабря сохранились записки вдвойнѣ, т. е. бѣлая и черновая; за тѣмъ до конца года осталась одна только черновая съ большими помарками. 1720 годъ на 53 полулистахъ. Сей годъ самый неполный, начинается тремя числами (6, 9 и 10) неизвѣстнаго мѣсяца, въ которомъ князь ѣздилъ въ Шлиссельбургъ; за тѣмъ слѣдуетъ продолженіе съ 16 Марта о поѣздкѣ Меншикова въ Малороссію. Въ немъ однакожъ не достаетъ всего Іюля и Декабря, а отъ Ноября остались только первые 6 дней.

Нельзя сказать утвердительно: остались ли подобныя записки и за другіе годы сороколѣтняго служенія князя Меншикова. Я обращался къ министру Народнаго просвѣщенія; ибо мнѣ извѣстно, что многія бумаги канцеляріи князя Меншикова, по удаленіи его, поступили для храненія въ императорскую Академію наукъ. Въ собраніи сихъ бумагъ, составляющихъ 12 книгъ in folio и 28 in quarto, заключается весьма богатый запасъ историческихъ, большею частію оФиціальныхъ документовъ: журналовъ, писемъ, реляцій, указовъ, инструкцій, дѣлопроизводствъ съ 1703 по 1717 годъ (*); но нѣтъ поденныхъ записокъ князя Меншикова. За то означенъ одинъ годъ (1710) записокъ генералъ-Фельдмаршала Шереметева, и кажется слѣдуетъ присоединить его къ упомянутой выше рукописи, найденной въ коллекціи бывшаго Виленскаго университета. Впрочемъ, можно думать, что записки князя Меншикова и ограничивались, если не симъ однимъ семилѣтіемъ, то по крайней мѣрѣ не весьма продолжительнымъ періодомъ времени: исторія жизни его даетъ большую вѣроятность сему предположенію. Возвышеніе Меншикова начинается собственно со времени кончины ЛеФорта въ 1699 году; тогда онъ былъ только сержантомъ Преображенскаго полка. Въ слѣдующемъ году началась большая Сѣверная война, и Меншиковъ, любимецъ Государя, въ его милости и довѣріи заступившій мѣсто ЛеФорта, дѣйствовалъ въ продолженіи 14 лѣтъ безпрерывно на поприщѣ военномъ, участвуя во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ, коими ознаменованъ сей періодъ славной борьбы Россіи съ героемъ Швеціи. Записки князя Меншикова

1726 годъ на 162 полулистахъ.

1727 — на 115 полулистахъ.

Въ двухъ послѣднихъ годахъ нѣтъ пропусковъ и вообще они составлены гораздо тщательнѣе другихъ частей сихъ записокъ; Князь Меншиковъ въ сіе время былъ на верху могущества и имѣлъ право давать приказанія, которыя исполнялись, какъ Высочайшія повелѣнія. Къ каждому тому приложена печать Архива коллегіи, и всѣ они скрѣплены библіотекаремъ. Титулъ рукописи не одинаковъ: въ 1-мъ томѣ (1716) *поденная записка кн. Меншикова*; въ 2-мъ (1717) *Юрналъ;* въ 3, 4, 5 и 6 (1718, 1719, 1720 и 1726) *повседневная записка дѣламъ кн. Меншикова*; въ 7 (1727) *Журналъ или повседневная записка, что въ каждыхъ числѣхъ князь Меншиковъ какіе правленія чинилъ и гдѣ былъ, и о всякихъ его состояніяхъ. Съ 4 Генваря по 9 Сентября.*

(*) Тутъ же хранится и составленный по приказанію кн. Меншикова реестръ писемъ къ Мазепѣ.

могли быть въ сіе время только военныя, и по всей вѣроятности ограничивались донесеніями, которыя входили въ собственный журналъ Императора.

Послѣ прекращенія военнаго поприща Меншикова въ 1714 г., по прибытіи его въ столицу и переходѣ къ другому роду жизни и службы, вскорѣ наступило время не весьма благопріятное для вліянія его на дѣла государственныя. За участіе въ казенныхъ подрядахъ подъ чужимъ именемъ, онъ былъ подвергнутъ формальному суду, и строгость коммисіи, наряженной для изслѣдованія сего дѣла, грозила ему тяжкимъ приговоромъ, если бы заслуги прежнихъ лѣтъ не склонили самаго Государя къ рѣшенію: что *«милость да хвалится на судѣ»*. Меншиковъ былъ въ такихъ же и даже въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, по истеченіи тѣхъ пяти лѣтъ царствованія Петра (съ 1716 до 1720), въ которые были ведены его вседневныя записки. Тогда возникли слѣдствія по новымъ, большею частію корыстнымъ дѣламъ, столько помрачающимъ славу заслугъ сего достопамятнаго временщика (*); они почти не прерывались до самой кончины императора. Любимецъ его, получавшій нѣкогда отъ него собственноручныя письма съ замѣчательными выраженіями: Mein Bruder и Mein Herr (**), возбудилъ къ себѣ недовѣріе Царя до такой степени, что одного изъ повѣренныхъ его велѣно было тайно захватить, и со всѣми бумагами представить лично къ государю. Въ семъ положеніи застало Меншикова правленіе императрицы Екатерины I. При ней и при Петрѣ II закрыты всѣ слѣдственныя по дѣламъ его коммисіи, прекращены всѣ изысканія, и упадавшій не задолго предъ тѣмъ вельможа явился на высшей степени почестей и власти, генералиссимусомъ, адмираломъ и наконецъ даже будущимъ тестемъ Императора. Служебное поприще и вѣсъ въ дѣлахъ государственныхъ имѣли, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на составленіе и продолженіе записокъ князя Меншикова. По сему въ 1726 и 1727 годахъ записки ведены съ тою тщательностію, какой невидно въ прежнихъ.

(*) Присвоеніе чужихъ земель при межеваніи имѣнія, пожалованнаго ему вмѣстѣ съ городомъ Почепомъ въ Малороссіи; тяжба съ банкирами и агентами государя Соловьевыми; ссора съ барономъ Шафировымъ; присвоеніе земель и крѣпостныхъ людей разныхъ владѣльцевъ, по которому его управителя Воронова велѣно было тайно захватить и представить государю, со всѣми бумагами и проч. и проч.

(**) Нѣсколько такихъ писемъ напечатаны въ картинѣ жизни князя Меншикова.

Обращаясь къ содержанію записокъ князя Меншикова и достоинству ихъ, какъ матеріала для исторіи его времени, я долженъ повторить сказанное выше, что въ семъ памятникѣ вѣка Петра Великаго мы находимъ не собственный трудъ достопамятнаго любимца его, но простую канцелярскую работу, которая приготовлялась какимъ нибудь чиновникомъ по данной формѣ, и потомъ переписывалась на бѣло дежурнымъ. О самомъ князѣ Меншиковѣ въ запискахъ упоминается всегда въ третьемъ лицѣ, съ прибавленіемъ сокращенно его титула и съ почтительнымъ выраженіемъ *изволилъ* (*): рука писца перемѣняется весьма часто, вѣроятно съ перемѣною дежурныхъ канцеляріи. Однообразіе предметовъ, къ которымъ записки день-за-день постоянно возвращаются въ одномъ и томъ же порядкѣ, доказываетъ, что для нихъ была установлена форма, можетъ быть самимъ Меншиковымъ: такъ ежедневно записывалось: въ которомъ часу онъ вставалъ и выходилъ для пріема, по *отправленіи ординарныхъ дѣлъ*; какіе у него были гости, съ отмѣткою иногда: чѣмъ, именно, съ нѣкоторыми изъ нихъ князь занимался, и съ кѣмъ *разговаривалъ тайно* (**)? Потомъ куда онъ ѣздилъ, гдѣ и когда кушалъ, и кто бывалъ при столѣ? Ложился ли послѣ обѣда отдыхать, или забавлялся картами, шахматною игрою, или игрою въ лото (***)? Ѣздилъ ли гулять, или отправлялся въ *ассамблею*, *австерію* (****) для осмотра работъ и т. п. Когда возвращался назадъ, ужиналъ и ложился спать?

(*) Такъ: Апрѣля 14 дня 1726 г. «Его Свѣтлость вставъ въ 5-мъ часу пополуночи слушалъ дѣла. По утру у его Свѣтлости былъ генералъ Лассій. Въ 8-мъ часу Его Свѣтлость, одѣлся, поѣхахъ къ Ея Императорскому Величеству, и въ 12-ть изволилъ быть въ строю преображенскаго полка. Въ то время изволили шествовать къ полку Ея Императорское Величество въ каретѣ, въ амазонскомъ одѣяніи, въ парукѣ, при шпагѣ; въ рукахъ изволили держать повелительную трость».

(**) 2 Января 1726 «пріѣхалъ господинъ Остерманъ, и Его Свѣтлость изволилъ съ нимъ разговаривать тихо; а что говорили не слыхать». Въ другихъ мѣстахъ большею частію употребляется тайно, вмѣсто тихо; 8 и 21-го Февраля 1727 разговоры съ шведскимъ посланникомъ барономъ Цедеркрейцомъ и съ камергеромъ гр. Левельдомъ.

(***) Игра въ лото встрѣчается рѣдко (22 Декабря 1717 г.), но карты и шахматы довольно часто, особенно съ 1726 года, когда дѣлается замѣтна въ Меншиковѣ какая то необходимость разсѣянія. Съ сего времени въ запискахъ нерѣдко означается, что онъ забавлялся картами или шахматною игрою по нѣскольку разъ въ день (первыя числа Февраля или Октября 1726).

(****) Понятіе, какое надлежитъ соединять съ учрежденіемъ *австеріей*, нельзя наз-

Въ заключеніе почти всегда присоединяется краткая замѣтка о погодѣ: «*сей день было пасмурно*; или, *поутру было сіяніе, а по полудни не много дождя и т. п.*» Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются пропуски нѣсколькихъ дней, а въ 1720 году недостаетъ и цѣлыхъ мѣсяцевъ; но отлучки кн. Меншикова изъ столицы не прерывали записокъ. Онѣ продолжались и во время поѣздокъ его отъ станціи до станціи; ведены были даже на шканцахъ корабельныхъ въ 1718 году, когда онъ былъ съ государемъ въ кампаніи трехъ эскадръ, отправлявшихся въ Ревель и къ Аландскимъ островамъ (*).

вать удовлетворительно объясненнымъ въ исторіи. Изъ статьи *австерія*, напечатанной въ энциклопедическомъ лексиконѣ, надлежало бы заключить, что такъ называемы были при Петрѣ Великомъ *трактиры*, заведенные въ извѣстныхъ мѣстахъ обѣихъ столицъ, и въ началѣ учрежденія своего облагороживаемыя посѣщеніемъ первѣйшихъ сановниковъ и самаго Государя. Въ запискахъ кн. Меншикова встрѣчаются весьма часто указанія, совершенно несогласныя съ такимъ объясненіемъ: 25 Декабря 1717 года сказано напр. *по забавахъ купно ѣздили славить и были въ австеріи во дворцѣ, въ комнатѣ царицы Параскевы Өеодоровны.*

(*) 1720 годъ состоитъ почти весь изъ однѣхъ путевыхъ записокъ во время поѣздки въ Малороссію. Здѣсь примѣчательны почести, съ которыми казаки встрѣчали князя въ селахъ, деревняхъ и городахъ: полки выступали на встрѣчу къ нему верстъ за пять и болѣе, съ трубами, литаврами, знаменами; при въѣздѣ его стрѣляли изъ пушекъ, звонили въ колокола (Марта 16, 17 и 20). Сіе путешествіе было предпринято имъ для укомплектованія кавалерійскихъ полковъ, по порученію царя; но Меншиковъ имѣлъ сверхъ того свои виды на межеваніе земель возлѣ пожалованнаго ему города Почепа.

Морская кампанія 1718 года продолжалась съ 16 Іюля по 2-е Сентября; одною изъ бывшихъ въ оной трехъ эскадръ начальствовалъ самъ государь, другою генералъ-адміралъ графъ Апраксинъ, третьею князь Меншиковъ. Цѣль кампаніи была сею демонстраціею силы подкрѣпить дѣйствіе переговоровъ на Аландскихъ островахъ. Къ запискѣ 12 Августа присоединена роспись всѣхъ бригантинъ и галеръ, участвовавшихъ въ кампаніи; сія роспись сохранилась подлинникомъ за подписью генералъ-адмирала.

О разныхъ подобныхъ документахъ упоминается и въ другихъ мѣстахъ записокъ; однакоже не многія находятся въ сей рукописи, ибо онѣ не вносились въ текстъ записокъ, а присоединялись на особыхъ листкахъ. Такимъ образомъ полученная 19 Января 1717 реляція о рожденіи царевича Павла Петровича въ Везелѣ, близъ Амстердама, сохранилась; но церемоніала погребенія императрицы Екатерины І-й, бывшаго 16 Мая 1726, нѣтъ, хотя объ немъ въ запискахъ сказано, что онъ къ нимъ присоединенъ.

О разрѣшеніи царицы въ Везелѣ $^{2}/_{13}$ Января 1717 года Петръ Великій писалъ къ подполковнику своей гвардіи князю П. М. Голицину въ слѣдующихъ словахъ: «объявляю вамъ, что сего мѣсяца 2 дня хозяйка моя, не поѣхавъ сюда, въ Везелѣ «родила солдатченка *Павла*, о чемъ прошу увѣдомить господъ офицеровъ и сол«датъ, и рекомендую его офицерамъ подъ команду, а солдатамъ въ братство, кото-

Въ такихъ запискахъ, веденныхъ чиновникомъ канцеляріи князя Меншикова, исторія конечно не можетъ почерпнуть много новыхъ, или мало извѣстныхъ фактовъ. Чиновникъ замѣчалъ дѣйствія и предметы, возобновлявшіеся ежедневно, и записывалъ то, что всякой другой изъ приближенныхъ къ Меншикову могъ знать и видѣть. Происходящая отъ сего краткость замѣтокъ объ иныхъ предметахъ такова, что онѣ объясняются только при пособіи другихъ историческихъ документовъ. Съ 11 Февраля 1718 года, когда взяты подъ арестъ два изъ главныхъ виновныхъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя: *гофмейстеръ Кикинъ* и *дворецкій Аѳонасьевъ*, въ записи до самой кончины царевича (26 Іюня) часто упоминается объ арестѣ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ сему дѣлу, о допросахъ имъ въ крѣпости, отправленіи къ розыску въ Москву, о присягѣ новому наслѣднику престола, читанной въ церквахъ (26 Февраля) послѣ отреченія царевича, подвергнутаго суду; но всѣ сіи обстоятельства означаются такъ кратко и неясно, что дѣлаются понятными лишь чрезъ сравненіе съ другими подробнѣйшими извѣстіями.

Несмотря, однакожъ, на всѣ сіи недостатки, и на ту установленную для веденія сихъ записокъ формальность, отъ которой записка одного дня походитъ на всѣ другія, а равно и на кроткость означенныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, они останутся любопытнымъ и даже полезнымъ для исторіи памятникомъ сей эпохи. Положеніе и свойство взаимныхъ отношеній значительнѣйшихъ того времени лицъ видны или по крайней мѣрѣ могутъ до нѣкоторой степени быть угадываемы по указаніямъ постояннымъ въ сихъ запискахъ, кто изъ нихъ былъ при всякомъ замѣчательномъ случаѣ: на обѣдѣ у царя или у князя Меншикова, на ассамблеѣ, въ собраніи Сената, при разныхъ работахъ, поѣздкахъ и т. п. Въ иныхъ мѣстахъ находимъ черты, которыя могутъ служить къ характеристикѣ тогдашнихъ обычаевъ и нравовъ (*). Много можетъ также служить къ

«рымъ всѣмъ отъ меня и нововыѣзжаго прощу поклонъ отдать». Петръ. (Изъ исторіи Бергмана Т. IV, стр. 106 и 107.)

(*) 1716 Марта 22. По случаю возвращенія князя Меншикова изъ Ревеля въ столицу происходила пальба изъ пушекъ. Такая же почесть отдавалась и генералъ-адмиралу графу Апраксину и князю кесарю Ромодановскому. Князь Меншиковъ имѣлъ своихъ придворныхъ (21 Января 1716) и пажей. Одинъ изъ пажей его,

опредѣленію названій мѣстъ, которыя измѣнились съ теченіемъ времени. Такъ, напримѣръ, указывается часто на слободы, бывшія на Васильевскомъ острову *Греческую* (2 Февр. 1717) и *Французскую* (10 Августа 1717) и видно, что Васильевскій островъ въ царствованіе Петра II назывался Преображенскимъ (22 Мая 1727 и др. и т. п.).

Но что важнѣе, сіи записки и всѣ подобныя онымъ старыя рукописи и остатки рукописей доставляютъ намъ новое средство удостовѣриться въ точности эпохи, а иногда и обстоятельствъ, и самаго свойства событій, о коихъ не рѣдко историки и самые современники, не бывшіе ихъ очевидцами, разсказываютъ превратно, несогласно съ истиною. Достовѣрность же такихъ составляемыхъ въ самый день, и почти въ самый часъ произшествія записокъ приближается къ достовѣрности памятниковъ офиціальныхъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ сему, хотя относящихся большею частію къ дѣламъ и случаямъ не весьма важнымъ.

Михельсонъ, пожалованъ 15 Іюня 1727 прапорщикомъ, а 16 того же мѣсяца произведенъ въ поручики.

1716 Марта 25 «князь Меншиковъ во дворцѣ отдавалъ приказъ къ лучшему «убору, *къ дѣйствію комедіи*». О представленіи комедій упоминается и въ другихъ мѣстахъ записокъ (14 и 17 Окт. 1716, 9 и 10 Февр. 1717 и пр.).

1716 Апрѣля 14 «Писалъ его свѣтлости *персону* нововыѣзжій мастеръ». Персоны (портреты) дѣлались не только живописныя, *но и литыя конныя* (29 Мая и 4 Сентября 1717) и *тканыя* (9 Сент. 1718).

1716 Апрѣля 18. По случаю извѣстія о бракѣ князя Мекленбургскаго, *пьютъ водку въ Сенатѣ* принесенную съ шлюбки князя.

1716 Мая 30. За обѣдомъ во дворцѣ, бывшимъ въ день рожденія государя «*довольно отъ напитковъ повеселились*». Въ другихъ мѣстахъ часто говорится: «*и были сильны и шумны*» (ср. 27 Іюля 1719).

1717 Окт. 10. При возвращеніи Государя изъ-за границы, сынъ князя Меншикова говорилъ поздравительную рѣчь *на французскомъ языкѣ*.

1719 Марта 22. Видно, что и въ то время пріѣзжали уже въ Россію изъ-за границы *танцовщики по канату и геркулесы*.

1719 Апрѣля 25 и 26. Погребеніе Царевича Петра Петровича, скончавшагося на 5 году, происходило въ слѣдующій день послѣ смерти. Напротивъ тѣло царевны Натальи Алексѣевны, любимой сестры Петра Великаго, поставлено было въ домовой церкви, и оставалось безъ погребенія болѣе года, до прибытія государя изъ-за границы (16 Іюня 1716 и 13 Ноября 1717).

1726 Февраля 12. «Ея Величество изволили пожаловать его свѣтлости и прочимъ кто при томъ былъ, *по рюмкѣ вина*».

1726 Ноября 6. При поздравленіи съ днемъ рожденія, князь Меншиковъ съ сыномъ подносилъ императрицѣ *калачъ*.

Такъ статья о *ассамблеѣ*, напечатанная въ энциклопедическомъ лексиконѣ, можетъ заставить думать, что сей начатокъ нынѣшнихъ баловъ явился у насъ не ранѣе 1718 года; первою ассамблеею почитается бывшая 7 Декабря сего года у генералъ-адмирала графа Апраксина. Но въ запискахъ князя Меншикова упоминается уже объ ассамблеяхъ въ 1716 и 1717 (*) году, и по всей вѣроятности мысль: учрежденіемъ сихъ собраній способствовать преобразованію нашихъ свѣтскихъ и семейственныхъ обыкновеній приведена въ дѣйствіе Петромъ Великимъ вскорѣ по возвращеніи его изъ перваго путешествія за границу.

Повѣствуя о морской кампаніи трехъ эскадръ въ 1718 году, Бергманъ въ своей исторіи императора Петра говоритъ, будто сіи эскадры раздѣлились при самомъ выходѣ изъ Кронштадта и одна, подъ начальствомъ самаго государя, отправилась въ Ревель, а другую князь Меншиковъ повелъ прямо къ берегамъ Финляндіи (**).

Записки Меншикова были ведены въ продолженіи сей кампаніи безпрерывно, съ 13 Іюля по 2 Сентября; изъ нихъ видно, что всѣ три эскадры въ плаваніи своемъ отъ начала до конца кампаніи неразлучались.

Кончина царевны Наталіи Алексѣевны означена Бергманомъ 16 Іюля (1716); въ запискахъ говорится о ней 18 числа (***).

Изучая исторію временъ Петра Великаго, Екатерины I и Петра II не должно оставлять записокъ князя Меншикова безъ вниманія и употребленія, и потому обнародованіе ихъ кажется не только возможно безъ всякаго неудобства, но и принесло бы пользу, сохранивъ для будущихъ изыскателей и читателей такой историческій матеріалъ, который, существуя лишь въ рукописи и въ одномъ экземплярѣ, можетъ легко погибнуть.

Въ заключеніе прилагается какъ образчикъ формы и содержанія сего журнала здѣсь выписка двухъ онаго статей, или дней вполнѣ; изъ нихъ въ одной (11 Февраля 1818) упоминается *объ отправле-*

---

*) 1716 Марта 1, 1717 Ноября 27, Дек. 10 и 12 и т. д. Замѣтимъ, что отъ участія въ увеселеніяхъ сего рода не устранялись и духовныя лица: между бывшими на ассамблеѣ во дворцѣ 22 Декабря 1726, наименовано нѣсколько архіереевъ и архимандритовъ.

(**) Т. IV стр. 227.

(***) Тоже число показано и въ генеалогическихъ таблицахъ Коха.

нiи въ Москву двухъ главныхъ виновныхъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, въ другой (25 Мая 1727) описывается *обрученiе императора Петра II съ княжною Меншиковою.*

I.

(11 Февраля 1718).

«Въ 11-й день т. е. во вторникъ, его свѣтлость въ 6 часу пополу-«ночи всталъ, и убрався довольно дѣлъ отправлять изволилъ. Ме-«жду тѣмъ получилъ отъ Его Царскаго Величества письмо, по ко-«торому тотчасъ, что повелѣно, исполнить приказалъ отъ гвардiи «господамъ маiорамъ кн. *Юсупову* и *Салтыкову* и другимъ офице-«рамъ. По исполненiи того, изволилъ быть у Государя Цесаревича «въ комнатѣ до 12 часу, въ которомъ прибывъ въ лѣтнiе покои, и «мало разговаривая съ ихъ сiятельствы графы: *Апраксинымъ* и «*Матвѣевымъ,* купно отъѣхали къ князь Якову *Голицыну*, и по «прибытiи у онаго изволили кушать. Между тѣмъ въ 3 часу по по-«лудни прибылъ отъ Его Царскаго Величества къ его свѣтлости «присланный курьеръ Танѣевъ, который подавъ указы, вскорѣ при «его свѣтлости прибылъ въ гварнизонъ, и что его свѣтлости по «онымъ повелѣно учинить, оной при томъ дѣйствiи былъ. По окон-«чанiи того, его свѣтлость въ 6 часу прибывъ во дворецъ, изволилъ «отправить къ Его Царскому Величеству съ помянутымъ *Танѣе-«вымъ* почту. Такожъ *Александра Кикина* и *Ивана Аѳонасьева отъ «гвардiи съ офицерами съ нимъ же Танѣевымъ въ 11 часу* отправя «легъ опочивать.

«День былъ съ легкимъ мразомъ и былъ не малый вѣтръ; въ ве-«черу стало быть ясно».

II.

(25 Мая 1727).

«Въ 25 день, т. е. въ четвертокъ, его свѣтлость изволилъ встать «въ 5 часу. У его свѣтлости были ген.-маiоры: кн. *Шаховской*, «*Волынскiй*. И одѣвся вышелъ въ плитковую, разговаривалъ съ «господами, а именно были: ген. *Минихъ*, ген.-лейт. Мих. *Волковъ*,

«ген.-маіоръ *Гохмутъ*, сенаторъ *Наумовъ*, президентъ *Сухотинъ* «и проч. штабъ-офицеры. Въ 8 часу въ началѣ его свѣтлость изво- «лилъ иттить въ Верх. тайный совѣтъ, и въ исходѣ 9 часа возвра- «тился въ свои покои и въ передспальнѣ (*) разговаривалъ съ ген.- «лейт. Ал. *Волковымъ* и ген.-маіор. *Сенявинымъ*. Тогда пріѣзжалъ «*Өеофанъ* арх. новгородскій, который, по немногихъ съ его свѣтло- «стію разговорахъ, отъѣхалъ. Потомъ его свѣтлость изволилъ ку- «шать у Его Величества, и возвратился въ свои покои. Во 2 часу «пополудни начался съѣздъ Верховнаго тайнаго совѣта и прочихъ «Россійскихъ и чужестранныхъ министровъ, синода, генералитета «и сената и дамскихъ персонъ. Въ 3 часу въ началѣ изволилъ «приттить Его Императорское Величество и съ его свѣтлостію «имѣть аудіенцію въ Орѣховой. Въ исходѣ онаго часа Его Величе- «ство съ свѣтлѣйшею княжною Маріею Александровною изволилъ «выттить въ залъ. Тогда началося молебствіе. Въ томъ служеніи «были: *Өеофанъ* арх. новгородскій, *Георгій* арх. ростовскій, *Аөона- «сій-Кандоидій* еп. вологодскій, *Өеофилактъ* еп. тверской. И Его «Величество съ свѣтлѣйшею княжною, во время того служенія «обручены Өеофаномъ арх. новгородскимъ. Тогда была музыка на «галеріи, на трубахъ съ литаврами, и въ верхъ зала на прочихъ «инструментахъ. На ектеніяхъ именовали: *обрученной невѣстѣ Его, «Благочестивѣйшей Государынѣ Маріи Александровнѣ*. Потомъ «бывшіе притомъ министры и генералитетъ его величеству и ея «высочеству поздравили и цѣловали ихъ руки. Въ 5 часу въ нача- «лѣ его величество и ея высочество великая княжна и его свѣт- «лость изволили путь воспріять въ Стрѣлину, при которомъ отсут- «ствіи была вышерѣченная на галеріи музыка. Въ Стрѣлину изво- «лили прибыть въ 9 часу, и по купаньи въ 12 часу иттить опочи- «вать. Сей день поутру было сіяніе, а пополудни не много дождя и «до вечера великой дождь».

«Его Императорское Величество пожаловалъ полковника отъ ар- «тиллеріи Витвера въ генералъ-маіоры отъ артиллеріи».

(*) Въ числѣ комнатъ князя Меншикова были и часто упоминаются: 1) *Перед-спальная*, собственно кабинетъ его; 2) *Плитковая*, бывшая пріемная и 3) *Орѣховая*, столовая.

ЗАГОВОРЪ И КАЗНЬ МИРОВИЧА.

Василій Яковлевъ Мировичь, который сдѣлался извѣстенъ безумнымъ намѣреніемъ освободить и возвести на престолъ принца Іоанна Антоновича, служилъ въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку подпоручикомъ. Онъ былъ сынъ и внукъ измѣнниковъ (*), какъ о немъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ императрица Екатерина II, характера вѣтреннаго, легкомысленнаго, чрезмѣрно и безразсудно самолюбивъ, не имѣлъ почти никакого состоянія: ибо все имѣніе предковъ его было описано въ казну, и однакожь склоненъ былъ къ мотовству, любилъ карточную игру, дѣлалъ долги и безпрестанно нуждался въ деньгахъ (**).

Узнавъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1763 года (тогда ему было 23 года) отъ отставнаго барабанщика Шлиссельбургскаго гарнизона, что въ крѣпости содержится Іоаннъ Антоновичъ и желая какимъ бы то ни было средствомъ возвыситься и обогатиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ отмстить императрицѣ за двоекратный отказъ возвратить ему часть имѣнія его предковъ, Мировичъ вздумалъ произвести перемѣну въ правленіи, вывести Принца Іоанна изъ крѣпости и провозгласить императоромъ. Причины, наиболѣе его къ тому побудившія, какъ онъ самъ показалъ при допросѣ, были слѣдующія: 1) «Что онъ не имѣлъ свободнаго входа при Высочайшемъ дворѣ въ тѣ комнаты,

(*) Дѣдъ Мировича былъ замѣшанъ въ заговорѣ Мазепы.

(**) Между бумагами Мировича найдены двѣ записки его руки, гдѣ онъ даетъ обѣтъ Николаю Чудотворцу, болѣе въ карты не играть, табаку не курить и проч.

«гдѣ ея императорское величество присутствовать изволитъ и въ «кои только штабъ-офицерскаго ранга люди допускаются. 2) Что «въ тѣ оперы, въ которыхъ Ея Императорское Величество сама «присутствовать изволила, онъ равномѣрно допущаемъ небылъ. «3) Что въ полкахъ штабъ-офицеры не такое почтеніе, какое слѣ«дуетъ офицерамъ по своей чести, отдаютъ, и что тѣхъ, кои изъ «дворянъ съ тѣми, кои изъ разночинцевъ сравниваютъ и ни въ «чемъ преимущества первымъ противъ послѣднихъ не отдаютъ. «4) Что по поданной имъ Ея Императорскому Величеству челобит«ной о выдачѣ ему изъ отписанныхъ предковъ его имѣнія, сколько «изъ милости Ея Императорскаго Величества пожаловано будетъ «ему, въ резолюціи отъ Ея Величества, Апрѣля 19 дня надписано «было: какъ по прописанному здѣсь проситель никакого права не «имѣетъ, для того Сенату отказать, и что на вторичное Ея Импе«раторскому Величеству поданное письмо, коимъ онъ просилъ «о награжденіи изъ предковыхъ имѣній или о пожалованіи пен«сіи сестрамъ его, въ резолюціи отъ Ея Величества надписано: «чтобъ довольствоваться прежнею резолюціею. 5) Что самолю«біемъ воображая себѣ полученіями по желаніямъ и страстямъ «его преимущества вящше всего къ тому намѣренію склонясь утвердился».

Мировичь искалъ себѣ сообщника, на котораго могъ бы положиться. Давнишняя дружба и сходство въ нравахъ съ поручикомъ Великолуцкаго пѣхотнаго полка Апполономъ Ушаковымъ, рѣшили Мировича, въ Маѣ мѣсяцѣ открыть ему свое намѣреніе. Онъ получилъ согласіе Ушакова помогать ему во всемъ, пошелъ съ нимъ (13 Мая) въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ *отслуживъ по себѣ акафистъ и панихиду, какъ бы надъ умершими*, они условились ни кому другому о семъ неговорить и сообщниковъ болѣе не искать. Послѣ сего ѣздили осматривать Шлиссельбургскую крѣпость и мѣсто на Выборгской сторонѣ, гдѣ былъ Артиллерійскій лагерь; тутъ дали обѣщаніе, въ случаѣ успѣшнаго исполненія ихъ предпріятія, построить церковь.

Первый планъ Мировича и Ушакова былъ слѣдующій: на третій день или не позднѣе недѣли послѣ отъѣзда императрицы въ Лифляндію, Мировичу должно было стараться быть посланнымъ въ караулъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а Ушакову, одѣвшись въ штабъофицерскій мундиръ, пріѣхать ночью на шлюбкѣ въ сію крѣпость

подъ имянемъ *ордонанса* Ея Величества подполковника Арсеньева и предъявить Мировичу, какъ караульному офицеру, будто совершенно ему незнакомому, ложный, приготовленный ими отъ имени Ея Величества указъ: взять подъ арестъ коменданта крѣпости и, сковавъ, вмѣстѣ съ арестантомъ везти въ Петербургъ въ Сенатъ. Мировичь, чтобы удобнѣе обмануть солдатъ, долженъ былъ имъ прочесть сей указъ и потомъ, взявъ 8-мъ человѣкъ рядовыхъ, арестовать и сковать коменданта, а Ушакову между тѣмъ итти къ содержавшимъ при Іоаннѣ Антоновичѣ особый караулъ офицерамъ и объявить имъ, что онъ присланъ отъ ея императорскаго величества съ указомъ къ караульному офицеру, который теперь арестуетъ коменданта: *чтобъ они между тѣмъ убирались*. Потомъ, освободивъ Іоанна Антоновича, взять крѣпостную шлюбку и посадя также съ собою барабанщика для битія тревоги, немедленно отправиться въ Петербургъ, гдѣ, приставъ къ Выборгской сторонѣ, представить Іоанна Антоновича артиллерійскому лагерю, а если бы лагерь не былъ еще поставленъ, то артиллерійскому пикету, состоящему на Литейной.

Прибывшему съ ними барабанщику было бы приказано ударить тревогу; собравшемуся на сіе народу они хотѣли прочесть приготовленный Мировичемъ и Ушаковымъ манифестъ и объявить: «что представляющаяся особа есть дѣйствительно государь Іоаннъ Антоновичъ, который, по седмилѣтнемъ въ крѣпости Шлиссельбургской содержаніи, оттуда ими освобожденъ». Мировичь и Ушаковъ надѣялись, что послѣ сего артиллерійскіе служители и народъ пристали бы къ нимъ, и хотя не имѣли никакихъ сношеній съ офицерами артиллерійскаго корпуса, но полагали, что по многолюдству сего корпуса, куда были собраны лучшіе изъ многихъ полковъ офицеры, они нашли бы въ немъ себѣ сообщниковъ.

По учиненіи присяги новому императору была бы послана команда для занятія С.-Петербургской крѣпости и произведена съ оной пушечная пальба, дабы собрать еще болѣе народа и привесть его въ страхъ, также были бы поставлены пикеты къ мостамъ, чтобъ имѣть повсюду свободное сообщеніе; изъ присягнувшихъ офицеровъ нѣкоторые отправились бы въ Сенатъ, Синодъ, Коллегіи и во всѣ стоящіе въ С.-Петербургѣ полки, для приведенія ихъ къ присягѣ; въ случаѣ-жь нужды, одному изъ заговорщиковъ надлежало туда ѣхать самому, но другому на-

ходиться безотлучно при Іоаннѣ Антоновичѣ, которому оставаться до времени въ артиллерійскомъ корпусѣ. Императрицу и великаго князя Павла Петровича полагали заточить въ какое либо отдаленное мѣсто.

Для исполненія сего плана были приготовлены Мировичемъ:

1) Означенный выше ложный указъ отъ имяни императрицы на имя караульнаго офицера Шлиссельбургской крѣпости.

2) Письмо къ принцу Іоанну.

3) Манифестъ отъ его имяни.

4) Форма клятвеннаго обѣщанія.

Но сей планъ не могъ быть приведенъ въ дѣйство за смертію Ушакова, который, бывъ посланъ въ концѣ Мая курьеромъ изъ военной Коллегіи въ Смоленскъ съ деньгами къ генералу князю Волконскому, на дорогѣ утонулъ.

Потерявъ Ушакова, Мировичь старался, разсѣвая разные слухи о принцѣ Іоаннѣ, найти себѣ другаго товарища; онъ многимъ намѣкалъ о своемъ намѣреніи и за нѣсколько дней до приведенія его въ дѣйство, почти открылъ все подпоручику князю Чефарыдзеву; но не былъ ни въ комъ совершенно увѣренъ, какъ прежде въ Ушаковѣ, и наконецъ рѣшился дѣйствовать одинъ; для сего 20-го Іюня, по отъѣздѣ императрицы изъ С.-Петербурга въ Лифляндію, выпросился не въ очередь въ караулъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Іюля 4-го Мировичь, прогуливаясь по крѣпости, встрѣтился съ находившимся при Іоаннѣ Антоновичѣ гарнизоннымъ капитаномъ Власьевымъ, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и начавъ хотя не ясно говорить о своемъ намѣреніи, спросилъ: «*не погубитъ ли онъ его прежде предпріятія?*» Власьевъ, прервавъ Мировича, отвѣчалъ: «*когда оно такое, чтобъ къ погибели Мировича слѣдовало, то онъ не токмо внимать, но даже и слышать не хочетъ*». Разставшись съ Власьевымъ, Мировичь возвратился на гауптвахту, гдѣ написалъ еще указъ отъ имяни Іоанна Антоновича, командиру Смоленскаго пѣхотнаго полка полковнику Корсакову, гдѣ будто новый императоръ, жалуя его (Корсакова) генераломъ, приказываетъ немедленно привести полкъ къ присягѣ и слѣдовать съ онымъ въ С.-Петербургъ къ лѣтнему дворцу.

Мировичь хотѣлъ уже дѣйствовать немедленно, призвалъ къ себѣ, изъ стоявшихъ съ нимъ въ караулѣ, 3-хъ капраловъ и 2-хъ ря-

довыхъ, убѣждалъ ихъ помогать ему; нѣкоторые изъ нихъ уговаривали его оставить эту мысль, другіе отвѣчали: *ежели солдатство будетъ согласно, то и мы согласны.*

Между тѣмъ капитанъ Власьевъ счелъ нужнымъ донести графу Панину о слышанномъ отъ Мировича,—написалъ о семъ рапортъ и просилъ коменданта послать его немедленно съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ. Мировичь во 2-мъ часу ночи услышавъ отъ унтеръ-офицера, что комендантъ отправляетъ курьера въ С.-Петербургъ и подозрѣвая, что можетъ быть капитанъ Власьевъ пересказалъ о ихъ разговорѣ, положилъ не терять ни минуты: взявъ мундиръ, шарфъ, шпагу, шляпу, сбѣжалъ въ низъ въ солдатскую караульню и закричалъ *къ ружью*! Пославъ въ разныя мѣста собирать всю команду, самъ одѣлся, вышелъ предъ фронтъ, велѣлъ зарядить ружья боевыми патронами и отправилъ одного капрала и двухъ солдатъ къ воротамъ и калиткѣ съ приказаніемъ: никого въ крѣпость не впускать и никого изъ нее не выпускать. Комендантъ, полковникъ Бередниковъ, услышавъ шумъ, выбѣжавъ изъ своего дома, спрашивалъ Мировича: что онъ дѣлаетъ и зачѣмъ собираетъ людей? Вмѣсто отвѣта Мировичъ ударилъ его по лбу прикладомъ, съ словами: «что ты здѣсь держишь невиннаго государя»! и схвативъ его за воротъ отдалъ подъ арестъ. За тѣмъ, выстроивъ свою команду въ три шеренги, пошелъ къ казармѣ, гдѣ жилъ Іоаннъ Антоновичъ. Находившаяся при немъ особенная команда, по приближеніи караула, не получивъ на окликъ никакого отвѣта, кромѣ: *идемъ васъ брать,*—выстрѣлила по приказанію поручика Чекина изъ 4-хъ ружей; Мировичь съ своей стороны приказалъ также выстрѣлить фронтомъ, а гарнизонная команда отвѣчала ему залпомъ (*); солдаты Мировича разсыпались и собравшись поодаль отъ казармы, противъ мѣста, гдѣ лежали пожарные инструменты, требовали отъ Мировича *вида*, почему онъ такъ поступаетъ? Мировичь читалъ имъ, изъ составленнаго манифеста отъ имяни Іоанна Антоновича, что по мнѣнію его могло болѣе ихъ тронуть; (солдаты показали на

(*) Сдѣланными при семъ 124-мя съ обѣихъ сторонъ выстрѣлами никого не убили и не ранили, вѣроятно, какъ сказано въ экстрактѣ изъ дѣла, «по причинѣ бывшаго тогда большаго тумана и потому отчасти, что фронтовая команда на высокомъ, а гарнизонная въ низкомъ и нѣсколько покрытомъ мѣстѣ стояли, болѣе же оттого, что люди отъ сна не вовсе въ настоящую память вошли».

допросахъ, что не разслышали и не поняли, что имъ читалъ Мировичь).

Послѣ сего Мировичь, подойдя снова къ казармѣ, самъ требовалъ, чтобы болѣе не стрѣляли, а сдались и впустили его; потомъ нѣсколько разъ съ тѣми же предложеніями посылалъ гарнизоннаго сержанта.

Видя что угрозы его не дѣйствуютъ, онъ взялъ изъ комендантскихъ покоевъ ключи и съ нѣсколькими солдатами и артиллерійскими служителями пошелъ на бастіонъ за пушкою; артиллерійскому капралу велѣлъ достать изъ погреба пороху и снарядовъ и между тѣмъ кричалъ, какъ стоящему на томъ бастіонѣ часовому, такъ и прочимъ—заряжайте ружья и не пускайте никого изъ крѣпости и въ крѣпость! Поставивъ шестифунтовую пушку предъ казармою и велѣвъ зарядить ее ядромъ, Мировичь снова послалъ сержанта сказать гарнизонной командѣ, чтобъ болѣе не противилась, или онъ откроетъ огонь изъ пушки.

Капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ видѣли, что привезена пушка, что она заряжена и что имъ не возможно противиться Мировичу, и чтобъ спасти команду отъ напрасной безполезной смерти, должны были, какъ означено въ ихъ показаніи, *«сему внутрен- «нему и сугубо злѣйшему непріятелю уступить;»* они отвѣчали Мировичу чрезъ его сержанта, что стрѣлять не будутъ, но въ тожь время закололи Іоанна Антоновича. Получивъ отвѣтъ, Мировичь бросился съ своею командою къ казармѣ, взбѣжалъ на галлерею, схватилъ поручика Чекина за руку и тащилъ въ сѣни спрашивая: «гдѣ государь?» Чекинъ сказалъ: «у насъ государыня а не государь.» Мировичь, толкнувъ его въ затылокъ, кричалъ: «поди, укажи государя и отпирай двери». Чекинъ отперъ ихъ. Въ комнатѣ было темно, пошли за огнемъ; между тѣмъ Мировичь, держа Чекина лѣвою рукою за воротъ, а въ правой ружье съ штыкомъ, говорилъ: «другой бы, каналья, давно закололь тебя». Наконецъ вошелъ съ огнемъ въ казарму и увидѣлъ на полу мертвое тѣло Іоанна,» безсовѣстные» воскликнулъ онъ къ Власьеву и Чекину,—«боитесь ли вы Бога!» за что вы неповинную кровь такого человѣка пролили?» Они отвѣчали: «что не знаютъ какой онъ человѣкъ, но имъ из- «вѣстно, что онъ арестантъ, а кто надъ нимъ это сдѣлалъ, тотъ «поступилъ по присяжной должности». Нѣкоторые изъ ворвавшихся въ казарму солдатъ требовали у Мировича дозволенія заколоть

Власьева и Чекина, Мировичь недопустилъ ихъ, говоря: «теперь «помощи намъ никакой нѣтъ и они правы, а мы виноваты». Онъ поцѣловалъ у умершаго Принца руку и ногу, приказалъ тѣло его положить на находившуюся въ казармѣ кровать и нести на гауптвахту, тамъ велѣлъ поставить кровать предъ фронтомъ, командѣ построиться въ четыре шеренги, бить зорю, сдѣлать на караулъ, потомъ бить полный походъ, салютовалъ вмѣстѣ съ нимъ тѣлу и снова поцѣловавъ у мертваго принца руку, сказалъ: «вотъ нашъ «государь Іоаннъ Антоновичъ! теперь мы не столь счастливы, какъ «безсчастны и я всѣхъ болѣе! За то я все и перетерплю; вы не «виноваты, не вѣдали, что я хотѣлъ сдѣлать и я за всѣхъ васъ «буду отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить»; съ сими словами сталъ цѣловать всѣхъ солдатъ. Тутъ бывшій подъ арестомъ комендантъ велѣлъ унтеръ-офицеру и капраламъ схватить Мировича, отнять у него шпагу и самъ сорвалъ съ него офицерскій знакъ; тѣмъ же солдатамъ, которые по приказу Мировича арестовали его, онъ въ свою очередь приказывалъ содержать Мировича подъ арестомъ, и солдаты повиновались.

Слѣдствіе о намѣреніи и дѣлѣ Мировича производилъ генералъ-поручикъ Веймарнъ по особому указу императрицы изъ Риги; потомъ виновный преданъ суду чрезвычайнаго Собранія, которое было составлено изъ Сената, Синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и Президентовъ всѣхъ Коллегій. Мировичь, какъ во время слѣдствія, такъ и предъ судомъ не таилъ ничего, разсказывая, какъ видно съ совершенною откровенностію, о всѣхъ обстоятельствахъ своего заговора, о своихъ намѣреніяхъ и побужденіяхъ.

Собраніе положило: «Мировичу отсѣчь голову и оставя тѣло его «народу на позорище до вечера, сжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ».

Трехъ капраловъ и трехъ рядовыхъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, прогнать сквозь строй чрезъ тысячу человѣкъ десять разъ (одного же болѣе виновнаго двѣнадцать) и сослать вѣчно въ каторжную работу.

Подпоручика Князя Чефарыдзева, который не донесъ о слышанномъ отъ Мировича, когда онъ отчасти открывалъ ему свое намѣреніе, лишить чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ, потомъ написать въ рядовые.

Придворнаго лакея Касаткина, который въ разговорахъ съ Мировичемъ, изъявляя неудовольствіе на дворъ, прибавлялъ, что есть толки въ народѣ: будто принца Іоанна возведутъ на престолъ, наказать батогами и написать въ рядовые въ дальнія команды.

Изъ прочихъ виновныхъ разныхъ нижнихъ чиновъ, всего 41 человѣкъ, прогнать сквозь строй, а капраловъ сверхъ того написать вѣчно въ солдаты въ дальнія команды».

Между бумагами, составляющими дѣло о бунтѣ Мировича, достойно замѣчанія описаніе, представленное капитаномъ Власьевымъ и поручикомъ Чекинымъ, кои находились безотлучно около восьми лѣтъ при Іоаннѣ Антоновичѣ. Они разсказываютъ, что сей принцъ, при сложеніи крѣпкомъ, не имѣлъ никакихъ особенныхъ тѣлесныхъ недостатковъ, кромѣ косноязычія; но косноязыченъ онъ былъ до такой степени, что даже и тѣ, кои непрестанно видѣли и слышали его, съ трудомъ могли его понимать, что для сдѣланія хотя нѣсколько вразумительными выговариваемыя имъ слова, онъ принужденъ былъ поддерживать рукою подбородокъ и поднимать его къ верху. Не смотря на сіе, онъ любилъ говорить много, и часто дѣлая вопросы, самъ на нихъ отвѣчалъ. Нрава былъ *сердитаго, свирѣпаго и горячаго;* не могъ сносить никакого противорѣчія. Умственныя способности его были разстроены; онъ не имѣлъ ни малѣйшей памяти, никакого ни о чемъ понятія, *ни о радости, ни о горести,* ни особенной къ чему либо склонности; молился стоя передъ образами, но вся молитва его состояла въ томъ, что онъ только крестился, не зная что такое Богъ? Нельзя было и выучить его грамотѣ; все время свое онъ проводилъ во снѣ, или и безъ сна, лежа на постелѣ; или расхаживая по комнатѣ, иногда вдругъ останавливался и безъ всякой причины начиналъ хохотать. Въ пищѣ онъ былъ весьма не воздерженъ; ѣлъ безъ разбора все, что ему попадалось, не находя ни въ чемъ особаго вкуса и часто страдалъ разстройствомъ желудка.

Власьевъ и Чекинъ пишутъ, что въ продолженіи 8-ми лѣтъ, ими проведенныхъ съ симъ несчастнымъ принцемъ, не было ни одной минуты, въ которую бы онъ пользовался полнымъ употребленіемъ разума, часто же говорилъ совершенныя нелѣпости; между прочимъ: что онъ не человѣкъ, а духъ, св. Григорій, который принялъ лишь на себя образъ и тѣло Іоанна; ко всѣмъ окружавшимъ его

изъявлялъ презрѣніе, называя ихъ *самомерзкими тварями*; сказывалъ, что часто бывалъ въ небѣ, описывалъ тамошнихъ жителей, строенія и проч., иногда же объявлялъ, что хотѣлъ бы быть митрополитомъ и т. д.

Тѣло принца Іоанна погребено, какъ доносилъ комендантъ, въ Шлиссельбургской крѣпости, въ особенномъ мѣстѣ.

МНѢНІЕ ГРАФА БЛУДОВА О ДВУХЪ ЗАПИСКАХЪ КАРАМЗИНА (*).

Особаго рукописнаго сочиненія покойнаго исторіографа Н. М. Карамзина, подъ заглавіемъ *Мысли о Россіи*, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Но можетъ быть, иные такъ называютъ писанную имъ въ 1811 году для великой княгини, въ послѣдствіи королевы Виртембергской Екатерины Павловны записку *о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ;* или же другую, читанную имъ самимъ (уже въ 1819 году), Императору Александру, по случаю возникавшей въ то время мысли о присоединеніи части возвращенныхъ отъ Польши областей къ царству Польскому. Первая, какъ я сказалъ выше, составлена Карамзинымъ по желанію великой княгини Екатерины Павловны, вручена имъ ея высочеству въ Твери въ 1811 году и какъ должно полагать ею передана Императору. По крайней мѣрѣ она не была возвращена Карамзину, который оправдывая довѣренность великой княгини, требовавшей отъ него глубочайшей тайны, не оставилъ даже у себя и копіи съ сей записки.

По кончинѣ Императора Александра, Карамзинъ просилъ отыскать его записку въ бумагахъ покойнаго Государя, но ее не могли найти въ нихъ, ни тогда, ни въ послѣдствіи. Спустя потомъ

(*) Писано по волѣ Государя Императора Николая Павловича, которому сообщили о существованіи какой-то рукописной записки Карамзина подъ названіемъ: «Мысли о Россіи», возмутительнаго будто-бы свойства. Конечно, трудно представить себѣ человѣка, болѣе преданнаго престолу и отечеству, чѣмъ Карамзинъ, а между тѣмъ онъ подвергался частымъ доносамъ не только при жизни, но и смерть незаградила уста клеветникамъ его.

нѣсколько лѣтъ, если не ошибаюсь въ 1834 или 1835 году (вскорѣ послѣ смерти графа Аракчеева), вдругъ появилось нѣсколько экземпляровъ сей записки и одинъ доставленъ мнѣ (*). По слогу и содержанію оной, я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что она точно та, о которой мнѣ часто разсказывалъ покойный исторіографъ. Другая, *о присоединеніи нашихъ западныхъ губерній къ царству Польскому*, оставалась въ рукахъ Карамзина; но онъ сохранялъ ее въ тайнѣ также, или еще болѣе нежели первую, и только чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины Императора Александра показалъ ее мнѣ и еще двумъ или тремъ своимъ пріятелямъ, не дозволивъ намъ даже и въ то время, списать ее. Теперь однакожъ, есть копіи и послѣдней записки, не знаю совершенно ли вѣрныя.

Что касается духа, въ какомъ написаны какъ одна такъ и другая, то на каждой страницѣ, можно сказать на каждой строчкѣ мы находимъ выраженіе самыхъ лучшихъ, чистѣйшихъ намѣреній, самыхъ искреннихъ и живыхъ чувствъ, какъ истиннаго благоразумнаго патріотизма, такъ и пламенной, безкорыстной приверженности къ престолу вообще и въ особенности къ лицу Императора Александра. Но сіи чувства и личная привязанность къ Императору не препятствовали Карамзину, по любви къ истинѣ, первому коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, можетъ быть до нѣкоторой степени и не совсѣмъ справедливо, иныя дѣйствія правительства. Онъ какъ будто заранѣе объявилъ о томъ, избравъ эпиграфомъ своей первой записки *(о древней и новой Россіи)*, стихъ изъ 138 Псалма: ***Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ***. Основная, общая мысль сего замѣчательнаго, особливо въ отношеніи историческомъ, произведенія есть та, что Россія, какъ государство и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ; что въ немъ не только надежный, прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія, и что все противное правиламъ онаго можетъ имѣть вредныя, а при нѣкоторыхъ

(*) Покойный графъ Блудовъ говорилъ, что онъ получилъ ее въ первый разъ отъ К. И. Арсеньева, прибавляя, что она вѣроятно отыскалась при разборѣ бумагъ Аракчеева; но другіе полагаютъ, что она по отъѣздѣ Александра Павловича осталась въ рукахъ Борна, бывшаго наставникомъ у дѣтей великой княгини и отъ него распространилась въ публикѣ.

обстоятельствахъ и гибельныя для нее послѣдствія. Съ сею главною мыслію и выводами изъ оной согласны всѣ разсужденія сочинителя, и тѣмъ объясняются отзывы его, какъ я сказалъ уже, иногда слишкомъ рѣзкіе или и не вполнѣ основательные о преобразованіяхъ Петра Великаго и о тѣхъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія Александра. Впрочемъ, читая сію записку его, надобно не терять изъ вида, что она есть почти конфиденціальная, составлена для одной близкой къ Государю Особы и что авторъ никогда никому другому ее не показывалъ (*). Записка его о Польшѣ, составленная послѣ разговора о семъ съ Императоромъ Александромъ, въ продолженіе одной ночи, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ патріотическимъ его дѣйствіямъ и въ ней можетъ быть краснорѣчивѣйшія страницы изъ всѣхъ вышедшихъ изъ подъ пера его. Особеннаго замѣчанія достойно все, сказанное имъ о духѣ и свойствѣ вѣры Христіанской, о примѣненіи вѣчныхъ заповѣдей ея къ дѣламъ политическимъ. Иныя мѣста сей записки можно почти назвать просто пророчествами. Такъ напримѣръ онъ говоритъ Императору: «Государь! если Вы возстано«вите древнюю Польшу, то или падетъ Россія, или Русскіе снова «зальютъ Польшу кровью и возьмутъ Прагу штурмомъ». Впрочемъ, Карамзинъ не являетъ себя въ семъ случаѣ и вообще никогда не былъ какимъ либо непримиримымъ врагомъ всего Польскаго. Вотъ слова его въ самомъ заключеніи записки: «Пусть су«ществуетъ и благоденствуетъ царство Польское подъ скипетромъ «Александра, *какъ оно есть;* но да существуетъ, да благоден«ствуетъ и Россія *какъ она есть* и какъ она оставлена Вамъ Ека«териною».

(*) Часть чисто историческая, то есть первые листы записки напечатаны Пушкинымъ въ его Современникѣ (въ 1835 или 1836 году), и потомъ въ концѣ исторіи государства Россійскаго, въ пятомъ компактномъ изданіи г. Эйнерлинга.

ПИСЬМА БЛУДОВА КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

Милостивый Государь, Иванъ Ивановичъ! какой то духъ, вѣроятно нечистый, ибо онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ враждуетъ чистѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, и уже безъ всякаго сомнѣнія злой въ отношеніи ко мнѣ, вооружился на мою переписку съ вашимъ высокопревосходительствомъ. Имѣю ли нужду увѣрять васъ, что выѣзжая изъ Москвы, изъ Петербурга, изъ Россіи, я помнилъ не только васъ и вашу постоянную ко мнѣ благосклонность, но и порученіе, данное вами при прощаніи: Парижъ доставилъ мнѣ удовольствіе исполнить его. На другой день моего пріѣзда, идучи по Итальянскому бульвару, я въ первой *книжной выставкѣ*. открылъ записки аббата Жорже.ля. Зная, что въ то самое утро, генералъ Поццо отправлялъ курьера, я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, и только успѣлъ купить, запечатать книги и послать ихъ къ вамъ черезъ Северина. Письмо, котораго тогда не успѣлъ написать, отложилъ до другаго фельдъегеря. Оно послѣдовало за посылкой, кажется, спустя недѣли три или четыре: дошло ли до васъ? Не знаю. Можетъ быть, недавно, если судить по той *необыкновенной* скорости, съ которой *ваше* письмо получено мною. Вы его (говоря языкомъ нашихъ дѣдовъ), пустили изъ Москвы въ началѣ Апрѣля прошлаго года: оно весновало и провело большую часть лѣта въ Петербургѣ; остальное время, то есть осень и зиму, путешествовало по Германіи, отдыхало въ Парижѣ и наконецъ прибыло въ Англію, почти ровно черезъ годъ послѣ отправленія. Въ прибавокъ, меня на ту пору не было въ Лондонѣ; измученный страшною желчною болѣзнію, я долженъ былъ, едва ли не по неволѣ, послушаться совѣта докторовъ и ѣздилъ пить челтенгамскія воды; по возвращеніи оттуда нашелъ любезную грамотку вашего высокопревосходительства, любезную, не смотря на то, что

въ ней вы слегка браните меня. Я ее принялъ, какъ вѣрный «арзамасецъ»: съ радостію, которую вы безъ труда можете вообразить, и съ смиреніемъ, ибо если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ отчасти, заслужилъ ваши упреки. Доставя къ вамъ первые четыре тома Жоржеля, я конечно долженъ былъ послать за ними вслѣдъ и пятую часть его записокъ и реляцію его путешествія; но признаться ли? мнѣ эти позднѣйшія произведенія аббата эксъ-іезуита показались такъ мало достойны вашего вниманія, что я не захотѣлъ даже выписать ихъ изъ Франціи. Чувствую, что такое оправданіе весьма неудовлетворительно: послѣднія части сочиненія всегда нужны, по крайней мѣрѣ для порядка, въ такой порядочной и прекрасной библіотекѣ какова ваша. За то я не думаю оправдываться: просто винюсь и спѣшу, сколько можно теперь, загладить свою вину. По счастію нашелъ аббата Жоржеля въ одной Лондонской книжной лавкѣ, и какъ скоро случится добрый сговорчивый курьеръ, то нагружу на него свою посылку къ вамъ, поруча ее посредничеству графа Каподистріа. Надѣюсь, что онъ будетъ исправнѣе другихъ моихъ коммисіонеровъ.

Я наполнилъ объясненіями около трехъ страницъ, и вѣроятно вы уже утомлены моимъ огромнымъ посланіемъ. Продолжать ли? Прибавить-ли, по вашему вызову, нѣсколько словъ о литературѣ англійской и о такъ называемой, нашей современной? Послѣдняя отъ меня скрылась за облако отдаленія; до насъ сюда не можетъ достигнуть ни одинъ печатный листокъ русскихъ типографій, ни одинъ звукъ нашихъ лиръ, или балалаекъ. Благодаря вамъ, я на сихъ дняхъ вспомнилъ, что есть въ свѣтѣ нѣкто Каченовскій, нѣкто Шаликовъ и проч. и проч.; что эти люди съ жаромъ и важностію спорятъ о ключахъ нѣкоторой попадьи, и съ тяжелымъ легкомысліемъ невѣжества шутятъ надъ нашимъ исторіографомъ! Богъ съ ними! Ужасная болѣзнь, отъ которой я почти два года страдаю, которая лишила меня, правда не жизни, но живости, и безпрестанно умножаясь, изсушаетъ остатокъ силъ моихъ физическихъ и моральныхъ, сдѣлала однакожъ мнѣ и пользу: отъ нея, я уже не чувствую ни малой досады ни на какую глупость. «Бесѣда» и Академія, журналы Москвы и Петербурга, уже не могутъ ни взбѣсить, ни разсмѣшить меня; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется въ Лондонѣ; не знаю какъ будетъ, когда возвращусь въ Россію.

Что сказать о состояніи здѣшней словесности. Вы, конечно по

старой, благоразумной привычкѣ, еще называете Англію отечествомъ Аддисоновъ, Поповъ, Стилей, полагая сей титулъ въ числѣ другихъ ея славныхъ титуловъ. Повѣрите ли, что нынѣ уваженіе къ блистательному вѣку королевы 'Анны здѣсь едва терпимо. И кто, изъ Англичанъ или иностранцевъ, имѣетъ дерзость плѣняться краснорѣчивою простотою Лондонской прозы, или глубокомысліемъ всегда яснымъ стиховъ Попа, и сильною краткостію его выраженій, тотъ, благодаря господствующему вкусу, слыветъ литературнымъ еретикомъ. Чтобъ быть православнымъ, надобно покланяться поэтамъ предшествовавшихъ вѣковъ, и чѣмъ древнѣе, тѣмъ лучше, начиная отъ Мильтона и поднимаясь къ Шекспиру, Спенцеру, или что еще почтеннѣе къ Чоугеру и другимъ пѣснопѣвцамъ 14-го столѣтія. Любовь къ среднимъ вѣкамъ и ко всему готическому, здѣсь почти общая; отъ каменныхъ зданій перешла и къ твореніямъ воображенія. Въ этомъ согласны всѣ партіи и всѣ націи, составляющія Великобританскую: о прочемъ, какъ о литературныхъ, такъ и о политическихъ предметахъ, безпрестанные разногласія и споры, которые однакожъ довольно мирнымъ образомъ, гремятъ въ журналахъ, въ парламентѣ, иногда на площадяхъ, и въ нѣкоторыхъ домахъ за вечернимъ обѣдомъ. Духъ раздѣленія на партіи и націи, очень замѣтенъ въ томъ, какъ опредѣляются мѣста нынѣшняго славнаго тріумвирата живыхъ поэтовъ. Какъ у насъ на Руси, въ Московскомъ университетѣ удивляются одному Мерзлякову, въ Бесѣдѣ только Шихматову, а въ домѣ Оленина Гнѣдичу; такъ и здѣсь Ирландцы съ упрямствомъ и запальчивостью ставятъ выше всѣхъ своего земляка Мура, котораго мы «Арзамасцы» могли бы назвать Англійскимъ Батюшковымъ; Шотландцы готовы сражаться за поэмы, а особенно за романы, въ самомъ дѣлѣ прекрасные, Вальтеръ-Скотта, также какъ въ старину сражались за свою независимость; наконецъ Англичане, и болѣе другихъ принадлежащіе къ опозиціи, не дозволяютъ никого сравнивать съ лордомъ Бейрономъ. Вотъ мнѣнія трехъ королевствъ о трехъ стихотворцахъ. Не спрашивайте о моемъ собственномъ. Какъ осмѣлиться объявить его? Теперь, сверхъ того, я не имѣю ни мѣста, ни времени, прибавляю—ни силъ; Вамъ можетъ быть, уже давно извѣстно, что я боленъ, но никто не могъ вѣроятно пересказать, какъ мучительна и несносна моя болѣзнь: я едва могу чувствовать и понимать; а думать, соображать и объяснять мысли, право, совсѣмъ, совсѣмъ не въ состояніи. Это одна изъ моихъ при-

чинъ, которыя принуждаютъ меня оставить на время посольство и службу; я уже выпросилъ дозволеніе и надѣюсь на будущее лѣто, *съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратиться.*

Надѣюсь тогда побывать въ Москвѣ, слѣдственно имѣть радость васъ видѣть. Ежели сія послѣдняя надежда не исполнится, то по крайней мѣрѣ я буду имѣть удовольствіе чаще и вѣрнѣе получать о васъ свѣдѣнія, и моя переписка не будетъ уже зависѣть отъ забывчивости курьеровъ, или безпечности экспедиторовъ. Симъ заключу мое непристойно длинное письмо, увѣряя и проч.

Лондонъ $\frac{\text{25 Марта}}{\text{6 Апрѣля}}$ 1820 года.

II.

С.-Петербургъ, 27 Іюня 1820 г.

М. Г. Иванъ Ивановичъ, отвѣчая на письмо Вашего Высокопревосходительства, я долженъ смѣшать въ одномъ изъявленіи благодарность за нѣсколько доказательствъ вашей благосклонности и вниманія. Сначала за это самое письмо, равно любезное и неожиданное, ибо я полагалъ, что вы еще не знаете, что я въ Россіи; потомъ за человѣколюбивое ваше желаніе, которое, по несчастію, очень далеко отъ исполненія; и наконецъ за прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ подарокъ, отправленный вами ко мнѣ въ третьемъ году, но полученный мною только третьяго дня. Это послѣднее обстоятельство не удивитъ васъ, когда вы вспомните, что посредникомъ между нами былъ Тургеневъ: отъ этого экземпляръ новаго изданія вашихъ сочиненій порадовалъ меня не въ Англіи, а въ Петербургѣ. Впрочемъ, не знаю сердиться ли мнѣ на вялаго въ своей живости вашего коммисіонера: онъ, правда, отнялъ у меня удовольствіе получить въ дальней сторонѣ лишній знакъ вашей лестной обо мнѣ памяти, за то и доставилъ удовольствіе другаго рода. Благодаря ему, ваши сочиненія были для меня по возвращеніи первою русской книгой и, слѣдственно, первое впечатлѣніе родины и *литературы родимой* было пріятное: но. . . . прибавить ли? это пріятное впечатлѣніе было до нынѣ и послѣднимъ. Какъ между остатками древности, пышный

P. S. Я возвращался изъ Лондона не черезъ Парижъ, и слѣдственно не могъ привести съ собой свѣжихъ цвѣтовъ Французской литературы. Полагая однакоже, что вы можетъ быть, еще не читали Шатобріанова сочиненія о герцогѣ Берри, посылаю его къ вамъ: надѣюсь, что оно будетъ для васъ интересно, по крайней мѣрѣ какъ новость. Сверхъ того, вы найдете въ немъ, особливо въ концѣ, нѣсколько страницъ достойныхъ краснорѣчиваго автора.

III.

М. Г. Иванъ Ивановичъ, письмо вашего высокопревосходительства и обрадовало, и пристыдило меня. Оно мнѣ напомнило, что, препровождая къ вамъ черезъ Д. В. Дашкова мою франкфуртскую покупку, я исполнилъ не всѣ обязанности исправнаго коммисіонера, не увѣдомивъ васъ о томъ съ своей стороны: но, слава Богу, оно же есть новое доказательство вашей любезной снисходительности, и въ семъ случаѣ прощеніе такъ скоро послѣдовало за виною, что предупредило, по крайней мѣрѣ, изъявленіе раскаянія. Впрочемъ, не лѣнь, а обстоятельства были причиною моего молчанія. Вамъ можетъ быть, уже извѣстно, что мы (я и жена моя) ѣздивъ въ даль за здоровьемъ, воротились домой больные; сверхъ того, насъ дорогой опрокинули, разбили; а здѣсь мы нашли множество дѣлъ и непріятностей, то есть недобора въ доходахъ и долгахъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ Петербургѣ, я безпрестанно ищу средства выбиться изъ этого хаоса и, если не сбросить бремя, которое лежитъ на мнѣ, то хотя уменьшить его тяжесть, какъ нибудь, продажей, отреченіемъ отъ всего, что можно назвать прихотью, и въ такомъ занятіи, равно трудномъ и скучномъ, право не имѣлъ и времени, и силъ, признаюсь, даже смѣлости, писать къ вашему высокопревосходительству, боясь, что въ письмѣ къ законодателю хорошаго вкуса и слога, я вдругъ заговорю *безвкуснымъ* слогомъ купчей крѣпости или объявленія въ Опекунскій Совѣтъ. Такъ проводилъ день за днемъ; я ждалъ роздыха сердцу и проясненія мыслей, почти также какъ добрые суевѣры квакеры ждутъ навтія духа, чтобъ быть краснорѣчивыми, а между тѣмъ первыя тетради микроскопическаго изданія Вольтера дошли до васъ, и

курьеръ привезъ къ намъ еще шесть новыхъ. Кажется, я могу поручиться и за слѣдующія: онѣ будутъ пріѣзжать сюда съ депешами барона Анстета, и на сей разъ, по крайней мѣрѣ, въ его пакетѣ будетъ истинное остроуміе, а отселѣ уже найдутъ дорогу въ Москву, даже и безъ меня, ежели что нибудь принудитъ насъ опять разстаться съ Петербургомъ.

Настоящей, т. е. русской цѣны Вольтера и политическаго пѣсельника, который былъ его спутникомъ отъ цвѣтущихъ береговъ Майна до гранитнаго берега Невы, я самъ навѣрно не знаю; вѣроятно я еще въ долгу у васъ, но чѣмъ заплатить?

Не книгами, думаю, потому что здѣсь книги сдѣлались почти запрещеннымъ товаромъ и между прочимъ тѣ, которыя я купилъ въ Германіи, больше мѣсяца странствуютъ по мытарствамъ таможни и цензуры.

Кстати о книгахъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о томъ, чте я *видѣлъ*, *слышалъ* о литературѣ *за морями*, но мое письмо и такъ ужъ очень длинно: начавъ его извиненіями въ молчаніи не долженъ ли я при концѣ смиренно повиниться въ болтливости, и такъ ли вамъ будетъ легко простить мнѣ сей новый *грѣхъ*.

Заключаю этимъ *моднымъ* (*) словомъ, прося васъ, не по модѣ, а искренно не переставать вѣрить и пр.

С.-П. Б.
3 Ноября 1825 года.

P. S. Нашего почтеннаго исторіографа я съ пріѣзда видѣлъ только однажды: онъ и Жуковскій живутъ въ придворномъ уединеніи (**). Бѣдный эксъ - балладникъ очень нездоровъ.

Рѣшаемся отступить отъ хронологическаго порядка и сдѣлать нѣсколько краткихъ выписокъ изъ писемъ позднѣйшаго времени только потому, что они дополняютъ характеристику Д. Н. Блудова.

(*) Слово постоянно повторяемое у Магницкаго; оно, какъ и сужденіе о цензурѣ характеризуетъ крутой поворотъ тогдашняго направленія.

(**) Въ Царскомъ селѣ.

Съ литературой разрушились послѣднія мои связи: я не имѣю времени читать даже журналы. Съ тѣхъ поръ я люблю ее, какъ потеряннаго, мертваго друга, безъ надежды свидѣться съ нимъ и снова насладиться милой бесѣдой.

(Изъ письма къ И. И. Дмитріеву).

Я рѣшился представить вамъ свою работу (отчетъ Мин. Внутр. Дѣлъ за 1833, 1834 и 1835 годы). Утѣшаю себя мыслію, что въ глазахъ вашихъ она будетъ имѣть по крайней мѣрѣ цѣну *истины*. Любовь къ ней водила перомъ моимъ, и я сказалъ Государю, безъ прикрасъ, безъ лести, безъ *arrière pensée*, все, что дѣлалъ и видѣлъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ моего управленія. . . . .

(Изъ письма къ И. И. Дмитріеву).

«Правда! правда! Она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей есть служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти, во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками а, буде нужно, и страдальцами».

(Изъ письма къ женѣ).

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА БЛУДОВА.

Мы всѣ знаемъ и говоримъ, что человѣкъ бываетъ часто не похожъ на себя; что мысли, умъ, характеръ и всѣ способности души нашей, чувствуютъ вліяніе обстоятельствъ, которыя отъ насъ не зависятъ: а какъ мы судимъ о людяхъ? По одному дѣлу, по одному слову, по одному дню!

Есть люди, которые не стараются извлекать непосредственной пользы изъ чтенія. Они не хотятъ ни писать, ни говорить, ни думать о томъ, что находятъ, даже въ самыхъ лучшихъ книгахъ; а читаютъ для того, что имъ пріятно читать. Боже мой! Не уже-ли я иногда люблю мыслить и разсуждать о добродѣтели, только для того, что мнѣ пріятно разсуждать и мыслить.

Слогъ самый простой не есть языкъ обыкновенныхъ разговоровъ, также какъ самый простой фракъ не есть еще шлафрокъ.

Расточительность на чины и ордена можно сравнить съ умноженіемъ ассигнацій. Ихъ принимаютъ еще за деньги, но ужъ не въ прежней цѣнѣ.

Quelqu' un disait un jour de Schichkoff: ce n'est ni un bon écrivain, ni un homme instruit, mais il me semble qu il possède sa langue.—Je crois tout le contraire, répartit D., il en est possédé.

«Что это за басня!» вскричалъ Крыловъ, прочитавъ *Пьяницу* (*) Александра Измайлова, «какія отвратительныя картины и какой площадный, подлый слогъ!» — «Да, сказалъ ему Д: это ваша *свинья* въ платьѣ квартальнаго». Хорошій урокъ для писателей, имѣющихъ талантъ и славу. Ихъ примѣръ заразителенъ.

«*Въ дѣтяхъ все будущее родителей: они ихъ воплощенная надежда.*» Не знаю, кто сказалъ это; и сказалъ ли правду! При взглядѣ на дѣтей, когда всѣ ощущенія изчезаютъ въ удовольствіи ихъ видѣть и когда сердце трепещетъ отъ нѣжности, отецъ узнаетъ, что есть наслажденье настоящей минуты, а часто онъ боится и подумать о будущемъ!

Вяземскій вздумалъ однажды сказать Пушкину (разумѣется Василью Львовичу): «Вы должны быть вѣчно благодарны Шаликову; онъ вамъ подалъ *мысль* написать *мысли* (**)». Всѣ засмѣялись; Пушкинъ не понялъ эпиграмы: а въ самомъ дѣлѣ въ его мысляхъ только и есть одна эта *мысль*, за которую онъ обязанъ Шаликову.

Безъ всякаго недостатка въ произношеніи, иногда случается, что языкъ какъ будто запутается и не можетъ выговорить самыхъ обыкновенныхъ словъ; но за это никто не осуждалъ себя на вѣчное молчаніе. Со мною случалось, что отъ какой-то оцѣпенѣлости ума, я не могъ написать двухъ строчекъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, и я поспѣшилъ за это осудить себя не писать.

Что сказать объ удовольствіи, съ которымъ я читалъ Вильгельма Мейстера? Отъ чего оно происходитъ? Всей прелести слога я не въ состояніи чувствовать; а въ содержаніи нѣтъ того, что привыкли

(*) Эта басня начинается слѣдующими стихами:

Пьянюшкинъ отставный квартальный,
Совѣтникъ титулярный, и проч.

(**) Шаликовъ и Пушкинъ напечатали нѣсколько отрывковъ, подъ названіемъ *Мыслей*.

называть интересомъ романа. Я не былъ увлекаемъ ни любопытствомъ, ни сильнымъ участіемъ. Но авторъ имѣетъ чудное искуство нѣжить душу и воображеніе: онъ какъ будто играетъ передъ нами волшебною призмой, гдѣ блистаетъ сліяніе цвѣтовъ и ни одинъ не останавливаетъ взора; мы съ нимъ пролетаемъ чрезъ всѣ положенія жизни; онъ намекаетъ намъ о всѣхъ мечтахъ, о всѣхъ ощущеніяхъ, и, касаясь всѣхъ фибръ сердца, пробуждаетъ въ немъ или сладкія воспоминанія, или темныя надежды. И особливо достойно замѣчанія, что вездѣ его изображенія наружной природы очень живы и ясны, а характеры и поступки людей до самаго конца остаются въ какомъ то обманчивомъ сумракѣ. Читатель вмѣстѣ съ Вильгельмомъ блуждаетъ въ уныломъ недоумѣніи; передъ нимъ мелькаютъ произшествія безъ видимыхъ причинъ, безъ ожидаемыхъ послѣдствій; и весь романъ представляетъ заманчивую, но безпорядочную картину, похожую на сонъ и.... на жизнь!

Зачѣмъ писать личныя сатиры? Такъ говорятъ и думаютъ многіе: «ихъ читать могутъ одни современники, а поэтъ долженъ трудиться и для потомства». Однакожъ любители картинъ, и теперь покупаютъ портреты, писанные Вандикомъ.

Виды будущаго въ разныхъ состояніяхъ можно сравнить съ горизонтами плавателей. Одинъ, своимъ легкимъ челнокомъ, едва разсѣкаетъ струи узкой рѣчки; онъ отовсюду стѣсненъ берегами и взоры его не могутъ летѣть въ отдаленность: зато ему ясно видима вся окрестность—тамъ лѣса и холмы, гдѣ онъ былъ вчера, гдѣ будетъ завтра, тамъ родительская хижина, тамъ жатва имъ произращенная; всѣ предметы ему знакомы и всякая точка есть пристань. Между тѣмъ его братъ, на пышномъ кораблѣ своемъ, мчится по огромнымъ зыбямъ океана; передъ нимъ простирается горизонтъ полный величія, влекущій къ себѣ любопытство, возвышающій воображеніе и безпредѣльный, какъ надежда: но ахъ! сколь часто туманный, обманчивый, грозный! Мореходецъ, будь остороженъ! наблюдай за стрѣлкой, наставницей руля твоего! Можетъ быть свѣтъ науки и трудъ безпрестанный спасутъ тебя отъ опасностей, неизвѣстныхъ мелкимъ плавателямъ.

Такъ! подумалъ я, прочтя написанное; горизонты людей разнообразны: но надъ ними одно небо!

Говоря объ горизонтахъ, я вспоминаю, что однажды Свѣчина сказала: «Есть люди похожіе на горизонтъ; мы на нихъ наступимъ, если подойдемъ къ нимъ близко.» Признаюсь, что я не понимаю этого сравненія и не знаю, какъ можно подойти къ горизонту. Напротивъ, мнѣ иногда хотѣлось бы сказать царямъ и вельможамъ: «Вы презираете людей, стоящихъ на краю горизонта: они вамъ кажутся малы и низки; но мудрено ли? Вы на нихъ смотрите издали.»

Мы никогда не думаемъ, а только мечтаемъ о будущемъ, и въ мечтахъ не умѣемъ избѣгать крайностей. Иногда, увлекаясь живою потребностію счастія, созидаемъ безъ основанія міръ произвольный и прелестный: иногда болѣзнь унынія родится въ душѣ нашей; какой-то мракъ распространяется въ воображеніи; мы предвидимъ одни несчастія и ожидаемъ будущаго, какъ таинственнаго страшилища. Но здѣшній свѣтъ есть темная ночь, а мы—блуждающія дѣти; пусть солнце религіи озаритъ предметы въ глазахъ нашихъ, тогда увидимъ, что ужасали насъ тѣни, а прельщало сіяніе гнилаго дерева.

Вездѣ пословицы называютъ хранилищемъ мыслей народныхъ; мнѣ кажется, что Русскія можно назвать и хранилищемъ сердечныхъ чувствованій. Наши предки завѣщали намъ, какъ святыню, не только остроумныя наблюденія отцовъ своихъ, не только совѣты ихъ благоразумія, но и выраженія чувствительности. Всѣ знаютъ пословицу: *Не по̀ хорошу милъ, а по̀ милу хорошъ*, которая содержитъ въ себѣ тайну любви и ея странностей. Другая: *Милому сто смертей*, очень живо изображаетъ безпокойство сердца, творящаго для себя ужасы. Но можетъ быть всѣхъ лучше и трогательнѣе одна, меньше извѣстная: *Не сбывай съ рукъ постылаго, приберетъ Богъ милаго!* Какая прекрасная, почти небесная мысль: любовью къ друзьямъ охранять враговъ отъ самыхъ желаній ненависти! Она дышетъ великодушіемъ, нѣжностью и вѣрою въ Провидѣніе.

перистиль ведетъ часто къ развалинамъ, такъ и за вашими первыми томами послѣдовали въ моихъ глазахъ, увы! *Сынъ Отечества*, *Рускій Инвалидъ*, *Благонамѣренный* и пр. и пр., и еще долженъ послѣдовать вѣчный *Вѣстникъ Европы*. Согласитесь, что я имѣлъ бы право пороптать на судьбу, которая какъ будто любитъ шутить надеждами: ея первыя встрѣчи почти вездѣ обманчивы, и вѣроятно нигдѣ болѣе какъ здѣсь, въ нашемъ отечествѣ, славномъ, сильномъ, но еще во многихъ отношеніяхъ столь бѣдномъ.

По крайней мѣрѣ въ словесности наша бѣдность несомнительна. Признаюсь, что я даже не ожидалъ найти ее въ такомъ плачевномъ состояніи. Ошибаюсь ли я? Желалъ бы отъ всего сердца, но мнѣ, можетъ быть, отъ болѣзни кажется, что у насъ все вянетъ или завяло, что все въ какомъ то снѣ, и, право, не магнетическомъ, ежели судить по словамъ, которыя вырываются у спящихъ. Первый изъ нашихъ поэтовъ измѣнилъ Музамъ для Юстиціи, а потомъ бросилъ все и упорствуетъ въ молчаніи. Пушкинъ молчитъ. Другіе, кто доказалъ или обѣщалъ талантъ, на что употребляютъ его? Учатъ грамотѣ при дворѣ или сами учатся, иной придворному, иной подъяческому искуству, а между тѣмъ отдаютъ читателей въ жертву Богъ вѣсть кому! Самъ нашъ исторіографъ, переселясь на сѣверъ, заразился болѣзнію, если не лѣни, то медлительности: четвертый годъ корпитъ надъ однимъ девятымъ томомъ, и видно что ему также трудно описывать царствованіе Ивана Васильевича, какъ было современникамъ сносить его. Скажите, что значитъ такая всеобщая апатія, и что предвѣщаетъ? Какъ любимцу и оракулу бога истиннаго просвѣщенія, вамъ можетъ быть это извѣстно. Не приближается ли день страшнаго Фебова суда? И если такъ, то не нужно ли объявить о томъ заранѣе нашимъ писателямъ, особливо тѣмъ, кои должны готовиться къ длинной исповѣди: напримѣръ нѣкоторому графу, пережившему *родича*. Я съ пріѣзда успѣлъ уже увѣриться, что онъ не перестаетъ грѣшить во всѣхъ журналахъ, и еще недавно надѣлилъ Соломона переводомъ, а васъ новымъ посланіемъ.

Но говоря о грѣхахъ и исповѣди, чувствую, что и во мнѣ совѣсть не совсѣмъ покойна: мое собственное посланіе становится очень пространно и хотя не въ стихахъ, однакоже вѣроятно, не забавнѣе *вышеупомянутаго*. Поспѣшу же его кончить, поручивъ себя и пр.

P. S. Я возвращался изъ Лондона не черезъ Парижъ, и слѣдственно не могъ привести съ собой свѣжихъ цвѣтовъ Французской литературы. Полагая однакоже, что вы можетъ быть, еще не читали Шатобріанова сочиненія о герцогѣ Берри, посылаю его къ вамъ: надѣюсь, что оно будетъ для васъ интересно, по крайней мѣрѣ какъ новость. Сверхъ того, вы найдете въ немъ, особливо въ концѣ, нѣсколько страницъ достойныхъ краснорѣчиваго автора.

III.

М. Г. Иванъ Ивановичъ, письмо вашего высокопревосходительства и обрадовало, и пристыдило меня. Оно мнѣ напомнило, что, препровождая къ вамъ черезъ Д. В. Дашкова мою франкфуртскую покупку, я исполнилъ не всѣ обязанности исправнаго коммисіонера, не увѣдомивъ васъ о томъ съ своей стороны: но, слава Богу, оно же есть новое доказательство вашей любезной снисходительности, и въ семъ случаѣ прощеніе такъ скоро послѣдовало за виною, что предупредило, по крайней мѣрѣ, изъявленіе раскаянія. Впрочемъ, не лѣнь, а обстоятельства были причиною моего молчанія. Вамъ можетъ быть, уже извѣстно, что мы (я и жена моя) ѣздивъ въ даль за здоровьемъ, воротились домой больные; сверхъ того, насъ дорогой опрокинули, разбили; а здѣсь мы нашли множество дѣлъ и непріятностей, то есть недобора въ доходахъ и долгахъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ Петербургѣ, я безпрестанно ищу средства выбиться изъ этого хаоса и, если не сбросить бремя, которое лежитъ на мнѣ, то хотя уменьшить его тяжесть, какъ нибудь, продажей, отреченіемъ отъ всего, что можно назвать прихотью, и въ такомъ занятіи, равно трудномъ и скучномъ, право не имѣлъ и времени, и силъ, признаюсь, даже смѣлости, писать къ вашему высокопревосходительству, боясь, что въ письмѣ къ законодателю хорошаго вкуса и слога, я вдругъ заговорю *безвкуснымъ* слогомъ купчей крѣпости или объявленія въ Опекунскій Совѣтъ. Такъ проводилъ день за днемъ; я ждалъ роздыха сердцу и проясненія мыслей, почти также какъ добрые суевѣры квакеры ждутъ нантія духа, чтобъ быть краснорѣчивыми, а между тѣмъ первыя тетради микроскопическаго изданія Вольтера дошли до васъ, и

курьеръ привезъ къ намъ еще шесть новыхъ. Кажется, я могу поручиться и за слѣдующія: онѣ будутъ пріѣзжать сюда съ депешами барона Анстета, и на сей разъ, по крайней мѣрѣ, въ его пакетѣ будетъ истинное остроуміе, а отселѣ уже найдутъ дорогу въ Москву, даже и безъ меня, ежели что нибудь принудитъ насъ опять разстаться съ Петербургомъ.

Настоящей, т. е. русской цѣны Вольтера и политическаго пѣсельника, который былъ его спутникомъ отъ цвѣтущихъ береговъ Майна до гранитнаго берега Невы, я самъ навѣрно не знаю; вѣроятно я еще въ долгу у васъ, но чѣмъ заплатить?

Не книгами, думаю, потому что здѣсь книги сдѣлались почти запрещеннымъ товаромъ и между прочимъ тѣ, которыя я купилъ въ Германіи, больше мѣсяца странствуютъ по мытарствамъ таможни и цензуры.

Кстати о книгахъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о томъ, что я *видѣлъ, слышалъ* о литературѣ *за морями*, но мое письмо и такъ ужъ очень длинно: начавъ его извиненіями въ молчаніи не долженъ ли я при концѣ смиренно повиниться въ болтливости, и такъ ли вамъ будетъ легко простить мнѣ сей новый *грѣхъ*.

Заключаю этимъ *моднымъ* (*) словомъ, прося васъ, не по модѣ, а искренно не переставать вѣрить и пр.

С.-П. Б.
3 Ноября 1825 года.

P. S. Нашего почтеннаго исторіографа я съ пріѣзда видѣлъ только однажды: онъ и Жуковскій живутъ въ придворномъ уединеніи (**). Бѣдный эксъ - балладникъ очень нездоровъ.

Рѣшаемся отступить отъ хронологическаго порядка и сдѣлать нѣсколько краткихъ выписокъ изъ писемъ позднѣйшаго времени только потому, что они дополняютъ характеристику Д. Н. Блудова.

(*) Слово постоянно повторяемое у Магницкаго; оно, какъ и сужденіе о цензурѣ характеризуетъ крутой поворотъ тогдашняго направленія.

(**) Въ Царскомъ селѣ.

Съ литературой разрушились послѣднія мои связи: я не имѣю времени читать даже журналы. Съ тѣхъ поръ я люблю ее, какъ потеряннаго, мертваго друга, безъ надежды свидѣться съ нимъ и снова насладиться милой бесѣдой.

(Изъ письма къ И. И. Дмитріеву).

Я рѣшился представить вамъ свою работу (отчетъ Мин. Внутр. Дѣлъ за 1833, 1834 и 1835 годы). Утѣшаю себя мыслію, что въ глазахъ вашихъ она будетъ имѣть по крайней мѣрѣ цѣну *истины*. Любовь къ ней водила перомъ моимъ, и я сказалъ Государю, безъ прикрасъ, безъ лести, безъ *arrière pensée*, все, что дѣлалъ и видѣлъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ моего управленія. . . . .

(Изъ письма къ И. И. Дмитріеву).

«Правда! правда! Она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей есть служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти, во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками а, буде нужно, и страдальцами».

(Изъ письма къ женѣ).

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА БЛУДОВА.

Мы всѣ знаемъ и говоримъ, что человѣкъ бываетъ часто не похожъ на себя; что мысли, умъ, характеръ и всѣ способности души нашей, чувствуютъ вліяніе обстоятельствъ, которыя отъ насъ не зависятъ: а какъ мы судимъ о людяхъ? По одному дѣлу, по одному слову, по одному дню!

Есть люди, которые не стараются извлекать непосредственной пользы изъ чтенія. Они не хотятъ ни писать, ни говорить, ни думать о томъ, что находятъ, даже въ самыхъ лучшихъ книгахъ; а читаютъ для того, что имъ пріятно читать. Боже мой! Не уже-ли я иногда люблю мыслить и разсуждать о добродѣтели, только для того, что мнѣ пріятно разсуждать и мыслить.

Слогъ самый простой не есть языкъ обыкновенныхъ разговоровъ, также какъ самый простой фракъ не есть еще шлафрокъ.

Расточительность на чины и ордена можно сравнить съ умноженіемъ ассигнацій. Ихъ принимаютъ еще за деньги, но ужъ не въ прежней цѣнѣ.

Quelqu' un disait un jour de Schichkoff: ce n'est ni un bon écrivain, ni un homme instruit, mais il me semble qu il possède sa langue.—Je crois tout le contraire, répartit D., il en est possédé.

«Что это за басня!» вскричалъ Крыловъ, прочитавъ *Пьяницу* (*) Александра Измайлова, «какія отвратительныя картины и какой площадный, подлый слогъ!» — «Да, сказалъ ему Д: это ваша *свинья* въ платьѣ квартальнаго». Хорошій урокъ для писателей, имѣющихъ талантъ и славу. Ихъ примѣръ заразителенъ.

«*Въ дѣтяхъ все будущее родителей: они ихъ воплощенная надежда.*» Не знаю, кто сказалъ это; и сказалъ ли правду! При взглядѣ на дѣтей, когда всѣ ощущенія изчезаютъ въ удовольствіи ихъ видѣть и когда сердце трепещетъ отъ нѣжности, отецъ узнаетъ, что есть наслажденье настоящей минуты, а часто онъ боится и подумать о будущемъ!

Вяземскій вздумалъ однажды сказать Пушкину (разумѣется Василью Львовичу): «Вы должны быть вѣчно благодарны Шаликову; онъ вамъ подалъ *мысль* написать *мысли* (**)». Всѣ засмѣялись; Пушкинъ не понялъ эпиграмы: а въ самомъ дѣлѣ въ его мысляхъ только и есть одна эта *мысль*, за которую онъ обязанъ Шаликову.

Безъ всякаго недостатка въ произношеніи, иногда случается, что языкъ какъ будто запутается и не можетъ выговорить самыхъ обыкновенныхъ словъ; но за это никто не осуждалъ себя на вѣчное молчаніе. Со мною случалось, что отъ какой-то оцѣпенѣлости ума, я не могъ написать двухъ строчекъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, и я поспѣшилъ за это осудить себя не писать.

Что сказать объ удовольствіи, съ которымъ я читалъ Вильгельма Мейстера? Отъ чего оно происходитъ? Всей прелести слога я не въ состояніи чувствовать; а въ содержаніи нѣтъ того, что привыкли

(*) Эта басня начинается слѣдующими стихами:

Пьянюшкинъ отставный квартальный,
Совѣтникъ титулярный, и проч.

(**) Шаликовъ и Пушкинъ напечатали нѣсколько отрывковъ, подъ названіемъ *Мыслей*.

называть интересомъ романа. Я не былъ увлекаемъ ни любопытствомъ, ни сильнымъ участіемъ. Но авторъ имѣетъ чудное искуство нѣжить душу и воображеніе: онъ какъ будто играетъ передъ нами волшебною призмой, гдѣ блистаетъ сліяніе цвѣтовъ и ни одинъ не останавливаетъ взора; мы съ нимъ пролетаемъ чрезъ всѣ положенія жизни; онъ намекаетъ намъ о всѣхъ мечтахъ, о всѣхъ ощущеніяхъ, и, касаясь всѣхъ фибръ сердца, пробуждаетъ въ немъ или сладкія воспоминанія, или темныя надежды. И особливо достойно замѣчанія, что вездѣ его изображенія наружной природы очень живы и ясны, а характеры и поступки людей до самаго конца остаются въ какомъ то обманчивомъ сумракѣ. Читатель вмѣстѣ съ Вильгельмомъ блуждаетъ въ уныломъ недоумѣніи; передъ нимъ мелькаютъ произшествія безъ видимыхъ причинъ, безъ ожидаемыхъ послѣдствій; и весь романъ представляетъ заманчивую, но безпорядочную картину, похожую на сонъ и.... на жизнь!

Зачѣмъ писать личныя сатиры? Такъ говорятъ и думаютъ многіе: «ихъ читать могутъ одни современники, а поэтъ долженъ трудиться и для потомства». Однакожъ любители картинъ, и теперь покупаютъ портреты, писанные Вандикомъ.

Виды будущаго въ разныхъ состояніяхъ можно сравнить съ горизонтами плавателей. Одинъ, своимъ легкимъ челнокомъ, едва разсѣкаетъ струи узкой рѣчки; онъ отовсюду стѣсненъ берегами и взоры его не могутъ летѣть въ отдаленность: зато ему ясно видима вся окрестность—тамъ лѣса и холмы, гдѣ онъ былъ вчера, гдѣ будетъ завтра, тамъ родительская хижина, тамъ жатва имъ произращенная; всѣ предметы ему знакомы и всякая точка есть пристань. Между тѣмъ его братъ, на пышномъораблѣ своемъ, мчится по огромнымъ зыбямъ океана; передъ нимъ простирается горизонтъ полный величія, влекущій къ себѣ любопытство, возвышающій воображеніе и безпредѣльный, какъ надежда: но ахъ! сколь часто туманный, обманчивый, грозный! Мореходецъ, будь остороженъ! наблюдай за стрѣлкой, наставницей руля твоего! Можетъ быть свѣтъ науки и трудъ безпрестанный спасутъ тебя отъ опасностей, неизвѣстныхъ мелкимъ плавателямъ.

Такъ! подумалъ я, прочтя написанное; горизонты людей разнообразны: но надъ ними одно небо!

Говоря объ горизонтахъ, я вспоминаю, что однажды Свѣчина сказала: «Есть люди похожіе на горизонтъ; мы на нихъ наступимъ, если подойдемъ къ нимъ близко.» Признаюсь, что я не понимаю этого сравненія и не знаю, какъ можно подойти къ горизонту. Напротивъ, мнѣ иногда хотѣлось бы сказать царямъ и вельможамъ: «Вы презираете людей, стоящихъ на краю горизонта: они вамъ кажутся малы и низки; но мудрено ли? Вы на нихъ смотрите издали.»

Мы никогда не думаемъ, а только мечтаемъ о будущемъ, и въ мечтахъ не умѣемъ избѣгать крайностей. Иногда, увлекаясь живою потребностію счастія, созидаемъ безъ основанія міръ произвольный и прелестный: иногда болѣзнь унынія родится въ душѣ нашей; какой-то мракъ распространяется въ воображеніи; мы предвидимъ одни несчастія и ожидаемъ будущаго, какъ таинственнаго страшилища. Но здѣшній свѣтъ есть темная ночь, а мы—блуждающія дѣти; пусть солнце религіи озаритъ предметы въ глазахъ нашихъ, тогда увидимъ, что ужасали насъ тѣни, а прельщало сіяніе гнилаго дерева.

Вездѣ пословицы называютъ хранилищемъ мыслей народныхъ; мнѣ кажется, что Русскія можно назвать и хранилищемъ сердечныхъ чувствованій. Наши предки завѣщали намъ, какъ святыню, не только остроумныя наблюденія отцовъ своихъ, не только совѣты ихъ благоразумія, но и выраженія чувствительности. Всѣ знаютъ пословицу: *Не по̀ хорошу милъ, а по̀ милу хорошъ*, которая содержитъ въ себѣ тайну любви и ея странностей. Другая: *Милому сто смертей*, очень живо изображаетъ безпокойство сердца, творящаго для себя ужасы. Но можетъ быть всѣхъ лучше и трогательнѣе одна, меньше извѣстная: *Не сбывай съ рукъ постылаго, приберетъ Богъ милаго!* Какая прекрасная, почти небесная мысль: любовью къ друзьямъ охранять враговъ отъ самыхъ желаній ненависти! Она дышетъ великодушіемъ, нѣжностью и вѣрою въ Провидѣніе.

Многіе хвалятъ посредственность; но во всемъ-ли хороша она? Я, напримѣръ, часто вижу людей, которые достойны названія посредственныхъ: они не знаютъ, что такое умъ, и не скажутъ замѣчательной глупости; въ ихъ поступкахъ нѣтъ ни порывовъ, ни правилъ; въ сердцахъ нѣтъ склонности къ злобѣ, и нѣтъ расположенія къ благороднымъ или нѣжнымъ привязанностямъ; вся жизнь ихъ безъ цѣли, безъ занятій, безъ побужденій, подобно стоячей водѣ, по которой нельзя доплыть ни къ крутой скалѣ ума и добродѣтели, ни къ пологому берегу порока и глупости. Должно-ли ихъ предпочитать глупцамъ и бездѣльникамъ? Не знаю: они между людьми, то же что скука между чувствами; а иногда бываетъ тяжелѣе зѣвать, нежели плакать.

Мысль о неизмѣримости можно назвать врожденнымъ чувствомъ. Разсудокъ и воображеніе едва постигаютъ ее; но сердцу она извѣстна. Въ немъ есть неизмѣримость желаній, надеждъ и любви.

Чтобъ быть безъ страха, должно смириться предъ судьбою, то есть, заранѣе рѣшиться на всѣ несчастія; но это смиреніе сообщаетъ намъ спокойство минутное и никогда не сдѣлается обыкновеннымъ состояніемъ души нашей. Рѣшительность на бѣдствія, безъ подкрѣпленій и обмановъ надежды, есть то же, что канатъ танцовщика: Фуріозо можетъ на немъ стоять, ходить, даже прыгать, и не можетъ прожить ни однихъ сутокъ.

Вопреки якобинцамъ всѣхъ вѣковъ и племенъ народъ не есть судья царей; но онъ ихъ критикъ, и подобно прочимъ, можетъ исправлять только людей съ дарованіемъ. Продолжая сравненія, мы скажемъ царямъ и авторамъ: не сердитесь за критику и не всегда ей вѣрьте; но умѣйте слушать и разумѣть ее. Скажемъ рецензентамъ и народамъ, первымъ: критикуя автора, не оскорбляйте человѣка; другимъ, напротивъ: критикуя человѣка, не забывайте правъ государя и престола.

Женщины! хотите-ли знать разницу между влюбленнымъ и тѣмъ, который любитъ? Одинъ для васъ бросаетъ жизнь свою, другой вамъ отдаетъ ее.

Презирать злобу людей можетъ не добродѣтельный человѣкъ, а развѣ нечувствительный и вѣтренный. Напрасно ты вооружаешь себя героизмомъ философіи, напрасно отрѣкаешься отъ наслажденій избытка и отъ успѣховъ тщеславія, съ этимъ твое сердце еще не будетъ неуязвимымъ. Тебя принудятъ страдать въ любви къ семейству, къ друзьямъ, или по крайней мѣрѣ въ общей любви къ человѣчеству.

Вчера, одинъ любопытный смотрѣлъ съ высокой башни на въѣздъ принцесы и на стеченіе народа. Онъ видѣлъ больше и меньше прочихъ: все однимъ взоромъ и никого въ лицо. Не такъ-ли учатся наукамъ въ сокращеніяхъ? Не такъ ли смотрятъ цари на государство?

Я потеряла мать, говорила мнѣ одна милая женщина, и боюсь за жизнь отца. Отчего послѣдняя утрата мнѣ кажется ужаснѣе? Первая отняла у меня только одинъ изъ предметовъ дочерней привязанности, а теперь я должна потерять и самое чувство этой любви.

Мы имѣемъ чудное искуство обманывать свою совѣсть. Пожелать кому нибудь смерти, это ужасно: а кто иногда не думаетъ съ тайнымъ желаніемъ о томъ, что не можетъ случиться иначе, какъ послѣ смерти того или другаго, и можетъ быть многихъ.

Часто спорятъ объ отличительныхъ свойствахъ и о превосходствѣ стиховъ или прозы. Этимъ спорамъ не будетъ конца, но кажется можно въ нихъ иное объяснить сравненіемъ. Проза есть голосъ въ разговорѣ, поэзія тотъ-же голосъ въ пѣніи. Иногда простой крикъ, если онъ внезапно вырванъ изъ сердца восторгомъ или страданіемъ, поражаетъ слушателей сильнѣе лучшей музыки: но только съ помощію ея искуства голосъ можетъ мало-по-мало чрезъ слухъ дойти къ душѣ; овладѣть ею совершенно, пробуждать потрясеніемъ всѣхъ фибровъ, или томить какимъ то болѣзненнымъ наслажденіемъ, возрождая въ насъ тысячи мыслей и чувствъ, позабытыхъ и новыхъ. Таковы и дѣйствія истинной поэзіи. Можно еще сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разговоръ такъ оживляется,

что бываетъ похожъ на пѣніе, а нерѣдко и музыка должна имѣть почти простоту разговора.

Что мы всего болѣе любимъ въ друзяхъ?
Потребность ихъ въ нашей любви.

Иногда славные авторы обходятся съ читателями, какъ иные мужья съ своими женами. Они старались имъ нравиться только до свадьбы; благосклонность жены, по ихъ мнѣнію, есть вѣрная собственность; и можно нерадѣть о ней. Авторы, коихъ имена возбуждаютъ въ насъ ожиданіе удовольствія, вы наши супруги, но берегитесь развода.

Я часто вижу, какъ дѣти сердятся, когда, говоря своимъ особымъ языкомъ, они чувствуютъ, что ихъ не понимаютъ. Но нѣтъ ли, въ семъ смыслѣ, младенцевъ между отличнѣйшими изъ людей? Великое дѣло, или постоянство въ добрѣ, порывъ души безкорыстный и выспренній, или слогъ оживленный огнемъ воображенія и силою чувства, все это не есть-ли языкъ непонятный въ такъ называемомъ свѣтѣ?

Близкая планета блистаетъ болѣе отдаленнаго Сиріуса, но въ огнѣ послѣдняго примѣтно безпрестанное движеніе, ибо онъ безпрестанно производитъ новые лучи свѣта, а сіяніе планетъ неподвижно, потому что заимственное. Не то-ли мы видимъ и въ обществѣ? Сколько умовъ блестящихъ . . . . . и при малѣйшемъ наблюденіи откроешь въ ихъ блескѣ неподвижность планетнаго свѣта.

Впечатлѣнія окрестной природы такъ сильно дѣйствуютъ на душу, что примѣтны не только въ произведеніяхъ ума или кисти, но и въ искуствѣ, рожденномъ отъ одного внутренняго чувства. Въ народной музыкѣ, кромѣ изображенія движеній сердца, вездѣ общихъ, и нравовъ, кои мѣняются съ вѣками, мы находимъ нѣчто напоминающее мѣста, гдѣ раздались въ первый разъ сіи звуки живые, или нѣжные. Кто слыхалъ пѣсни Тирольцевъ? Они неутомимою работою голоса повторяютъ всѣ тысячи отголосковъ

своего горнаго эхо. Въ нашихъ Русскихъ, напротивъ, слышны однообразныя, протяжныя ноты, какъ будто умирающія вдали, и воображенію невольно представляются горизонтъ необозримыхъ полей, или безконечное зеркало чистой рѣки, въ которой тонетъ заря вечерняя.

Не будучи ученымъ богословомъ, я люблю въ преданіяхъ Ветхаго Завѣта искать пророческихъ изображеній Христа. Повѣсть прекраснаго Іосифа, трогая мое сердце, оживляетъ его неизъяснимою новою надеждою. Іосифъ, проданный враждебными братьями, изъ рабства восходитъ на ступени престола Фараоновъ, и братья гонители у ногъ его и между одиннадцати только одинъ невинный. Но вмѣсто укоризнъ и угрозъ, Іосифъ плачетъ сначала, скрывая свои слезы; первыя слова его: *я братъ вашъ*, и послѣ, сквозь рыданія, онъ едва прибавляетъ: *проданный вами*. О Ты, изображенный въ патріархахъ и пророкахъ! Ты, чрезъ жертву крови усыновившій насъ Отцу своему! и Тебя мы, неблагодарные, продаемъ ежечасно, за обманы сего міра, за блага, кои презираетъ нашъ собственный разумъ. Когда настанетъ роковая минута, когда мы явимся предъ Твоей славой, простертые, безъ правъ на прощеніе, приговоръ ли судьи поразитъ насъ, или мы услышимъ слова утѣшительныя: *Я братъ вашъ Іосифъ*.

Скука и горе, кто васъ не знаетъ! Вы принадлежите къ общему наслѣдію дѣтей Адамовыхъ, вы то же для души, что́ болѣзни для тѣла. Но печали можно сравнить съ ужасными припадками, коихъ немедленный послѣдователь есть смерть, или выздоровленіе: а скука похожа на болѣзнь непримѣтную и слабую въ началѣ; она невидимо разслабляетъ человѣка, часто въ теченіе долгой жизни томитъ и не даетъ покоя, наконецъ и лучшія лекарства уже не имѣютъ надъ нею дѣйствія. Всякій легко узнаетъ сію болѣзнь въ себѣ и въ другихъ, но иногда въ ней стыдно признаться. Есть люди, кои, обманывая себя, величаютъ ее меланхоліей; какая же между ими разница? Меланхолія родится отъ избытка мыслей и чувствъ, а скука отъ недостатка въ сихъ двухъ источникахъ наслажденій и муки.

Давно сравниваютъ Монархическое правленіе съ отеческимъ, и это сравненіе прилично всѣмъ Монархіямъ, сколь бы впрочемъ между ими ни было различія въ законахъ, опредѣляющихъ права народа, или образъ дѣйствій правительства. Отецъ есть глава семейства, изъ младенцевъ-ли оно составлено, изъ юношей, или изъ мужей зрѣлыхъ лѣтами и опытностію. Но въ попеченіи о младенцахъ, отецъ обязанъ самъ все предвидѣть, принимать всѣ предосторожности, однимъ словомъ, за нихъ и мыслить и дѣйствовать. Руководствуя юношами, уже недовольно имѣть свѣдѣніе о ихъ главныхъ нуждахъ и пользахъ; должно узнавать ихъ склонности, желанія, составляющія особый родъ потребностей, должно съ оными соображать свои дѣйствія. Когда же дѣти въ зрѣломъ возрастѣ, то самыя ихъ мнѣнія имѣютъ необходимое вліяніе на поступки отца, и зависимость такихъ дѣтей можно назвать только зависимостью почтенія. Управленіе въ двухъ послѣднихъ случаяхъ и труднѣе, и легче, нежели въ первомъ; средства для дѣйствія не столь просты, зато и ошибки не столь часто неизбѣжны; но сей образъ правленія не можетъ существовать безъ взаимной довѣренности, слѣдственно безъ взаимныхъ почти непрестанныхъ сношеній, между отцемъ и дѣтьми. Какъ опасно оставлять младенцевъ, безъ нѣкотораго принужденія, въ жертву ихъ прихотямъ и неразумію; но какъ же опасно неосторожнымъ противоборствомъ возмущать страсти юношей, или, дѣйствуя вопреки совѣтамъ благоразумія, унижать себя въ глазахъ сыновъ, достигшихъ зрѣлости! А что опредѣляетъ сію зрѣлость, кромѣ богатства понятій и свѣдѣній, кромѣ степени просвѣщенія.

«Что спорить о конституціяхъ? Всякое государство имѣетъ свою конституцію, ему сродную». Такъ часто говоритъ нашъ исторіографъ Карамзинъ. Конечно, могли бъ мы отвѣчать ему, и всякій человѣкъ имѣетъ свое сложеніе: но одинъ, перенося труды, безпокойства, непріятности, только пріобрѣтаетъ новыя силы, другой, какъ былинка, погибаетъ отъ дуновенія вѣтра. Кому-же лучше? Нельзя лечиться отъ сложенія; но если мы изберемъ приличный родъ жизни, если будемъ постоянно наблюдать за собою, перемѣняя мало по малу свои навыки, укрѣпляя себя хорошею пищею и трудомъ, то можемъ достигнуть до степени здоровья, о коей преж-

де не смѣли и думать. И что-же? Въ иныхъ обстоятельствахъ, хилый человѣкъ переживетъ геркулеса.

Слогъ Батюшкова можно сравнивать съ внутренностію жертвы въ рукахъ жреца: она еще вся трепещетъ жизнію и теплится ея жаромъ.

Глядя на пышное освѣщеніе Петергофскаго сада, мы всего болѣе любовались цвѣтомъ зелени. Отъ огня плошекъ въ ней является чудесная, плѣнительная нѣжность, коей она не имѣетъ при естественномъ свѣтѣ. Такъ искуство можетъ украсить природу, такъ блистательное выраженіе даетъ извѣстной мысли новую свѣжесть и жизнь.

Чувство благодарности такъ сладостно, что я желалъ-бы распространить его за обыкновенные предѣлы, то-есть, на благодѣтелей безъ намѣренія. Тогда мы будемъ съ удовольствіемъ счастливой любви смотрѣть и на красоты природы, и на произведенія искуствъ, ихъ отражающія. О Жуковскій,—если бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, сего чувства, въ коемъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, дѣвственной отъ всѣхъ порочныхъ побужденій, и безцѣнное ощущеніе твоей любви, наконецъ и воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ, Жуковскій, я бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживляюсь твоими стихами, какъ увядающій цвѣтокъ возвращеннымъ свѣжимъ воздухомъ. Два дни я страдалъ моральною болѣзнію, и эту болѣзнь можно назвать *каменною*, ибо въ ней всѣ способности души и ума каменѣютъ: мнѣ казалось, что я утопаю въ какой-то пустотѣ и тщетно ищу въ ней себя; но случай привелъ мнѣ на память стихи Жуковскаго, давно нечитанные, и я почувствовалъ свое сердце. Очаровательная музыка! тобой я буду лечиться отъ новой тарантулы, которая не даетъ смерти, но отнимаетъ жизнь.

«Слышишь-ли», сказалъ однажды А: «какъ скрыпитъ эта дверь? Странно: въ ея скрыпѣ выходитъ вѣрная музыкальная нота».— Это одна изъ шутокъ случая: отвѣчалъ Д; такъ у иныхъ поэтовъ

бываютъ удачные стихи, а у иныхъ *искательныхъ* проскакиваютъ черезъ душу благородныя чувства.

Я, можетъ быть, имѣю слабость иногда бояться, чтобы меня не сочли дуракомъ, но по крайней мѣрѣ никогда не боялся прослыть сумасшедшимъ; ибо знаю, что для нѣкоторыхъ людей все прекрасное есть безумство. Спросите у глупца: кто сумасшедшій? Онъ вѣрно укажетъ на человѣка съ воображеніемъ и умомъ необыкновеннымъ; а въ глазахъ эгоистовъ, тирановъ, безбожниковъ? и пламенный Христіанинъ, и обожатель свободы, и страстный любовникъ добродѣтели или славы,—все это сумасшедшіе. Какая хула на бѣдный разумъ!

Иные люди надѣлали много зла, и не могутъ быть названы злодѣями: это имя для нихъ слишкомъ благородно. Они не злодѣйствуютъ, а только *пакостятъ* съ вредомъ для ближняго.

..... Странно,—или, можетъ быть, не странно, что всякій разъ когда я объ васъ думаю, когда глаза мои наполняются слезами нѣжности и благодарности къ небу, мнѣ всегда, непремѣнно приходитъ мысль о смерти. Но эта мысль не устрашаетъ и не огорчаетъ меня: напротивъ мнѣ кажется, что смерть не разлучитъ, а тѣснѣе соединитъ меня съ вами, что мнѣ будетъ дозволено, въ какой нибудь формѣ безпрестанно, такъ сказать, окружать васъ собою и тайнымъ, лишь сердцу внятнымъ голосомъ повторять: будте спокойны въ волненіяхъ жизни; есть Богъ, есть истина, добродѣтель, для нихъ надобно жить и за нихъ сладостно умирать.

(Изъ письма къ женѣ).

On perd sans cesse dans la vie et l'on trouve quelquefois; mais on ne retrouve jamais.

Pour les gouvernemens ainsi que pour les individus, il en est des fautes, des erreurs, ou bien,—pour dire le vrai mot,—des sottises, à

peu près comme des boulets et des balles à la guerre: la plupart du temps ces balles sont perdues, mais quelques unes blessent, et il y en a qui tuent.

Je comprends que dans le monde et dans les affaires, on s'accoutume à dédaigner l'esprit, en voyant avec quelle facilitè on s'en passe.

Peu d'hommes sont dignes d'être aimès; il n' y en a pas un seul qui vaille le peine d'être haï.

На дверяхъ, въ кои входятъ члены нѣкоторыхъ собраній совѣщательныхъ, даже и судебныхъ, можно бы написать славный стихъ Данте, съ маленькою лишь перемѣною:
«Lasciate ogni conscienza, voi che entrate».

Le hazard, c'est l'incognito de la Providence.

Il n'y a pas dans le monde d'autre mal que le mal moral, et il n'existe que pour celui qui le fait. Je ne suis *moi* que pour moi-même, pour tous les autres je suis l'instrument de la Providence.

Слово, или слова и выраженія суть только олицетвореніе мыслей и чувствъ, средство перехода ихъ изъ одного ума въ другой, изъ одного сердца въ другое. *Quand je trouve,* говорилъ Монтань, *dans mes auteurs favoris,* (онъ имѣлъ въ виду древнихъ,) *de ces braves maniéres de parler, si vives, si neuves, je ne dis plus que c'est bien dit, je dis que c'est bien pensé.*

К. Д. говоритъ объ N N, который любитъ хвастаться: онъ лжетъ другимъ, но обманываетъ лишь себя.

О вы, блага! которыхъ сердце не престаетъ просить съ упорствомъ: полнота радости, неизмѣнность дружбы, непоколебимость правосудія, покой души и свободы! Вы намъ являетесь въ жизни,

какъ предметы являются въ зеркалѣ. Мы ихъ видимъ въ немъ, узнаемъ и разсматриваемъ, а ихъ въ немъ нѣтъ.

En Allemagne on joue encore quelquefois au jeu du secrétaire qui amusait les loisires du vieux Lavater et charmait Karamsin alors jeune. Un soir dans une maison dont les fenêtres donnent sur l'altmarkte à Dresde, on proposa à K. trois questions à la fois; l'une politique: Qu'est ce que la Sainte Alliance? la seconde sentimentale: Qu'est-ce que l'amour? la troisiéme philosophique: Qu'est-ce que la vie? Il rèpondit à la première comme Bridoison: Ma foi, je ne sais qu'en dire, voila ma façon de penser. A la seconde: l'amour—c'est l'arc-en-ciel, qui semble unir la terre aux cieux et qui n'est qu'une illusion de nos sens. Enfin, à la troisième il fit une rèponse un peu plus longue:

Ouvrez, dit-il, *Platon, Bossuet, ou Bacon; faites choix d'une pensée sublime, exprimée de la maniére la plus claire, la plus frappante; ècrivez-en non chaque mot, mais chaque lettre séparement. Un de ces fragments, une de ces lettres, c'est l'éspace de temps qui s'écoule entre une naissance et une mort: «Cio che vita chiaman'gli sciochi». Et l'Univers c'est le grand livre, où sont toutes ces grandes pensées, qui n'en font qu'une.*

Pressé de s'expliquer encore, il ajouta: toutes ces pensées se résumment en un seul mot: hosanna.

Область творческаго ума, ясныхъ понятій, свѣжихъ, поражающихъ своею истиною и новостію мыслей, сильныхъ, горячихъ чувствъ и выраженій ими вдохновенныхъ, ты была для меня землей обѣтованной, и также какъ Моисей, обнимая тебя взорами, я не вступлю въ твои предѣлы.

К. Д., видя какъ и съ какимъ видомъ самодовольствія N. N. похаживалъ по своей террасѣ на.... острову, говорилъ: одинъ взглядъ на этого барина лучше всѣхъ синонимовъ объясняетъ намъ разницу между *небытіемъ и ничтожествомъ*.

Я развалина, сказалъ гдѣ-то про себя Лордъ Байронъ. Мнѣ хотѣлось бы прибавить, думая о себѣ самомъ: *и развалина недостроеннаго зданія*.

Многіе даже изъ нашихъ пріятелей имѣютъ въ головѣ единственнымъ на всякій случай запасомъ, только двѣ или три идеи, часто еще несобственныя, и смотря по характеру своему, одни на нихъ скачутъ, какъ на борзыхъ коняхъ, другіе спятъ, какъ на мягкихъ подушкахъ.

Добродѣтель мечта, сказалъ Брутъ, умирая. Несчастный! онъ не зналъ добродѣтели истинной, потому что не зналъ предѣловъ нашей дѣятельности, хотѣвъ ударами кинжала поправлять приговоры судьбы, неизъяснимые, но всегда справедливые.

Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ! Великая, глубокая истина, почти ко всему примѣнимая! Терпи съ перомъ въ рукѣ, пока мысли твои не представятся тебѣ во всей своей зрѣлости, въ настоящемъ свѣтѣ и стройномъ порядкѣ съ выраженіями, вполнѣ ихъ изображающими. Терпи и въ испытаніяхъ жизни, которыя тогда только могутъ, какъ сильно дѣйствующія лекарства, или рѣзецъ врача, истребить кроющіеся въ душѣ нашей элементы зла. Въ обдуманномъ постоянномъ и слѣдственно смиренномъ терпѣніи всѣ средства нравственнаго совершенствованія и условія лучшаго вѣка.

Qui est á présent le plus fou, des peuples ou des gouvernements? demandait lord Holland (en 1820).—Ce sont les peuples qui sont fous, répondit C. D., mais c'est peut-être, parce que les gouvernements sont bêtes.

Н. С. говорилъ о гр. М. «Oui, il a de l'ésprit, mais c'est celui des autres».

Совершенство въ точномъ, строгомъ смыслѣ сего слова, невозможно для человѣка, по крайней мѣрѣ, въ здѣшнемъ свѣтѣ. Но мы

должны къ нему стремиться, и провидѣніе положило намъ цѣль недостижимую для того именно, чтобы мы всю жизнь и безпрестанно шли впередъ. На которой точкѣ сего пути застанетъ насъ конецъ земнаго испытанія? Это тайна, и безъ нея не было бы той надежды, которую религія назвала добродѣтелью, которая. одна изъ всѣхъ, никогда насъ безъ нашей вины не оставляетъ.

Минуты сладостныя, когда мы, такъ сказать, согрѣваемся благодарностію къ Творцу и доброжелательствомъ къ ближнему, вы даете понятіе о раѣ! Тогда сердце забываетъ оскорбленія, воображеніе страхъ и умъ, отбросивъ бремя сомнѣній, вдругъ по какому-то мгновенному откровенію, постигаетъ тайный порядокъ всего, также какъ по струѣ свѣта, прокравшейся сквозь ставень, мы узнаемъ о ясномъ днѣ и солнцѣ. Тогда всѣ предметы, неизмѣняясь, принимаютъ для насъ видъ новый и на каждое впечатлѣніе въ насъ что-то отвѣчаетъ съ любовію, что Божій міръ прекрасенъ и человѣческій лишь *кажется* дурнымъ.

Предвидѣть бѣдствія и заранѣе къ нимъ готовиться, значитъ настоящею, почти добровольною мукою уменьшать муки будущаго; ибо всякая горесть язвительнѣе, когда она неожиданна. Это почти то же, что уплачивать тягостный долгъ по частямъ, въ разные сроки.

Презирать все житейское не значитъ еще презирать жизнь: значитъ напротивъ знать истинное опредѣленіе и слѣдственно истинную высокую цѣну ея.

Правосудіе Небесъ тѣмъ не похоже на земное, что судитъ не одно дѣло, а всѣ дѣла и чувства, то-есть всего человѣка: оттого иногда казнитъ его въ минуту невинности, но не безвинно. Въ дружбѣ должно судить также, и сверхъ сего, какъ во многихъ случаяхъ, связанные закономъ присяжные, предавать виновнаго въ милость верховнаго судьи, то есть сердца, полнаго нѣжныхъ воспоминаній.

Любуясь въ Карлсбадскомъ саду ползающими и летающими *луціолами*, я думалъ: сколько умовъ, которые также блистаютъ лишь въ потемкахъ.

К. Д. говорилъ о комъ-то: онъ почти по неволѣ лжетъ: для такого самолюбія и такой говорливости не достанетъ истины.

Какъ я завидую твоей необыкновенной, чудесной памяти, говорилъ однажды своему брату С. Р. В. Не завидуй, отвѣчалъ братъ, это вѣдь также имѣетъ свои неудобства: я не могу забыть никакой глупости, ни чужой, ни своей.

Послѣ гордости, величайшая язва человѣчества есть глупость, или невѣжество, ибо глупость не что иное, какъ невѣжество всеобъемлющее и неизлечимое. Но и гордость не есть-ли также родъ глупости?

Кардиналу Мори, кто-то въ горячемъ спорѣ говорилъ: Mgr. Vous vous croyez peut-être un homme supérieur, un homme de génie; Мори отвѣчалъ: *Quand je me considère, non Mr:* mais *quand je me compare—c'est autre chose*. Вотъ одинъ, и можетъ быть, главный изъ подводныхъ камней въ нашемъ необходимомъ плаваніи, на пути къ истинному христіанскому смиренію.

Извѣстно забавное слово Талейрана, когда кто-то сказалъ объ г. Тьерѣ: Il a assez bonne façon pour un parvenu. Oh! Mr. Thiers n'est point parvenu; il est arrivé. Кажется, можно сказать нѣчто похожее о графинѣ Разумовской? Elle n'est pas *vieille*, elle est *agée* seulement.

Что ты, древній Ларчикъ Пандоры? что, кромѣ сердца человѣческаго. Изъ него всѣ бѣдствія вышли съ страстями и на днѣ его также не гаснетъ искра надежды.

Il y a dans le monde une chose qui n'est pas la flatterie, mais qui lui ressemble: c'est la politesse.

Pour comprendre l'amour je suis obligé de faire des efforts de mémoire et pour croire encore à l'amitié, il faut au contraire beaucoup oublier.

Одна умная женщина,—не прибавить-ли: старуха, говорила: Богъ далъ намъ двѣ способности, равно драгоцѣнныя для нашего слабаго сердца: вспоминать и забывать.

Благодарность и раскаяніе—вотъ два чувства, которыя наполняютъ мою душу, когда съ грустнымъ отвращеніемъ отъ настоящаго и будущаго, я вспоминаю прошедшую жизнь мою. Сколько благодѣяній Неба и какое злоупотребленіе сихъ благъ!

Временъ три, и каждое какъ будто предназначено для одного изъ элементовъ природы человѣческой: *будущее* для ума, который всегда силится въ него проникнуть; *настоящее* едва-ли не для одного чувства физическаго, а *прошедшее* для сердца.

О хитрость самолюбія! Мы можемъ гордиться даже смиреніемъ!

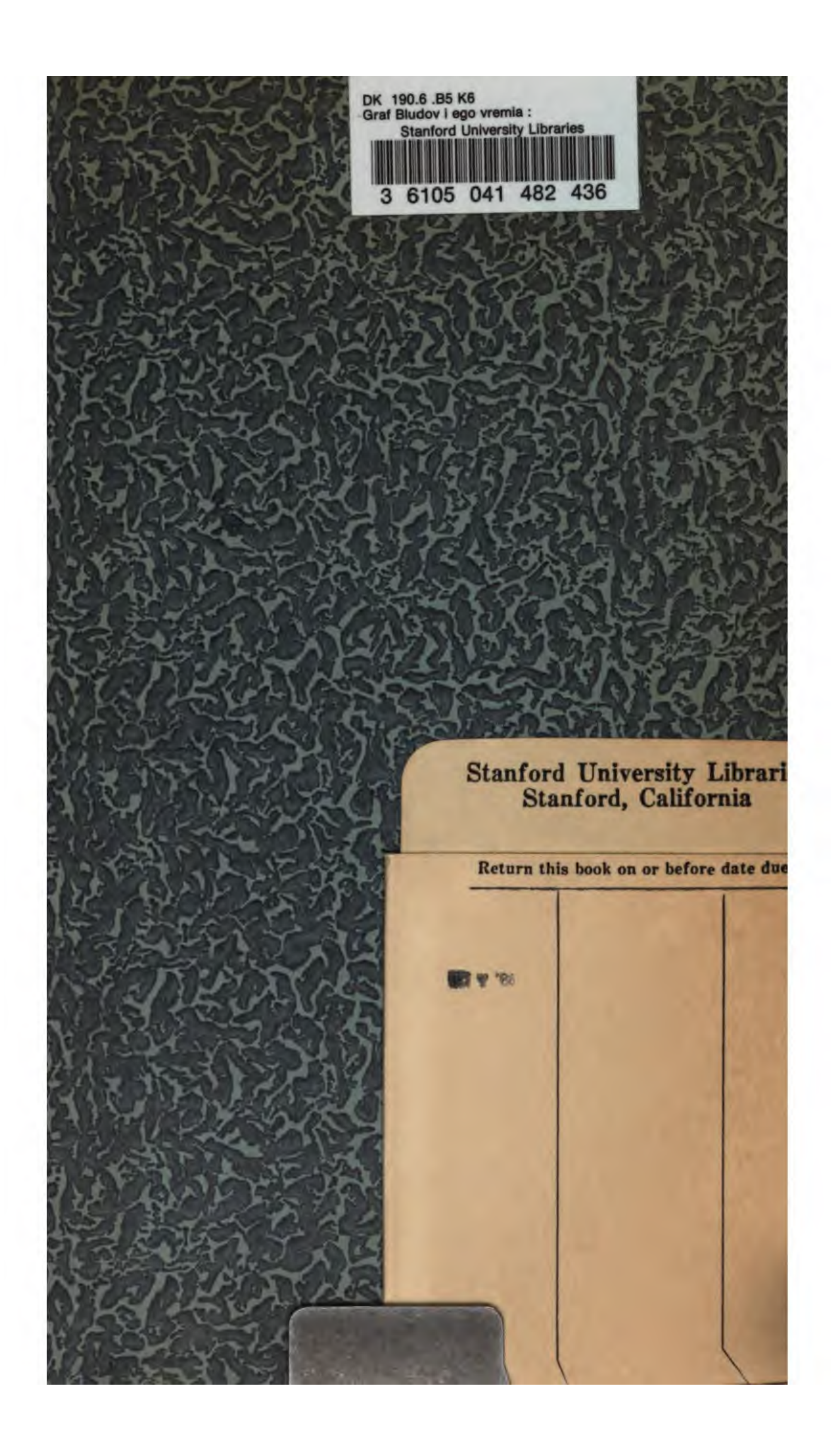
Увы! все насъ обманываетъ въ жизни; по крайней мѣрѣ все земное, даже и совѣсть.

On n'a point entièrement perdu un ami, tant qu'on le regrète.

Мы всего болѣе любимъ въ себѣ и уважаемъ въ другихъ *одно:* силу.

Есть мнѣніе общее и вообще справедливое, что надобно не только опасаться, но и презирать льстецовъ. Я однакожь зналъ льстецовъ такого рода, которыхъ нельзя и не должно презирать: льстецовъ искреннихъ, и потому именно наиболѣе вредныхъ. Они любятъ васъ и говорятъ объ васъ и вамъ, что думаютъ въ самомъ дѣлѣ, что имъ кажется неоспоримою истиною, но эта мнимая истина есть плѣнительная для нашего самолюбія ложь.

Съ большею осторожностію можно предохранить себя отъ злости людей; но какъ спастись отъ ихъ глупости?


DK 190.6 .B5 K6
Graf Bludov i ego vremia :
Stanford University Libraries
3 6105 041 482 436
Stanford University Librari
Stanford, California
Return this book on or before date due